

Глава I
**НАЧАЛО НАУКИ КАК СИСТЕМЫ
СУБОРДИНИРОВАННЫХ КАТЕГОРИИ**

**§ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И СПОСОБЫ
РАССМОТРЕНИЯ НАЧАЛА НАУКИ**

Предмет рассмотрения К. Маркса в «Капитале»— процесс развития, или развивающийся предмет. Забегая вперед, окажем, что подобно всякому развивающемуся предмету капитал представляет собой единство, взаимодействие многообразных сторон, развивается путем отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные. Этот предмет находится на исторически качественно определенной, специфической стадии развития. Наука, отражающая такой предмет, должна быть в конечном счете системой субординированных категорий.

Наука об экономике капитализма, как и вообще наука о развивающемся предмете, проходит сначала стадию, которая начинается с хаотического представления о предмете, с чувственного конкретного, и состоит преимущественно в его анализе, в вычленении его простейших сторон и отношений. Маркс во введении к экономической рукописи 1857—1858 гг. показывает, что таков исторический путь прежней политэкономии, исследовавшей капитализм¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 726—727.

К Маркс в «Капитале» начинает рассмотрение предмета сразу с его простейшего отношения, с товара. В этом произведении господствует уже восхождение от абстрактного к конкретному. Исходным пунктом служит наиболее абстрактное отношение изучаемого предмета. Начало восхождения само, таким образом, в известной мере есть результат та т предшествующей стадии познания — от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. В качестве этого результата начало восхождения представляет собой отражение в мышлении такого отношения предмета, при мысленном разложении которого (отношения.) происходит выход за пределы рассмотрения данного специфического предмета.

Определения простейшего отношения предмета как результата движения от хаотического представления о целом к абстрактному недостаточно. Необходимо показать, что оно есть простейшее по сравнению со всеми другими отношениями данного специфического развивающегося предмета. Вне специфической связи, вне единства со всеми сторонами развивающегося предмета какое-либо отношение не только не выступает простейшим, но и вообще перестает быть отношением именно этого, а не другого предмета. Рука, отрезанная от тела, не есть уже рука ж и в о г о тела. Разложение живого тела на составные части есть умерщвление живого, живая связь частей исчезает.

Следовательно, для полного уяснения простейшего отношения необходимо понять его в единстве, в связи со всеми другими отношениями данного предмета. Поэтому полное доказательство того, что отношение есть простейшее, дается всем ходом восхождения от абстрактного к конкретному в целом.

Естественно, начало восхождения до совершения процесса восхождения может быть понято лишь как результат движения от хаотического представления о целом, от чувственного к абстрактному и еще не может быть полностью прослежена его простота в движении от простого к сложному. В этом смысле только гипотетически допустимо утверждать, что данное отношение есть простейшее.

В «Капитале» К. Маркс воссоздает предмет, который он уже знает, о чем свидетельствует экономическая

рукопись 1857—1858 гг., работа «К критике политической экономии», экономическая рукопись 1861—1863 гг. В сознании К. Маркса существовало поэтому и полное доказательство того, что товар есть простейшее отношение капитализма. Но в «Капитале» он вначале опускает весь тот путь, какой привел его к убеждению, что именно это отношение (товар) есть простейшее отношение предмета (капитализма), и сразу начинает с собственно простейшего отношения, т. е. с наиболее абстрактной Категории.

Читателю, начинающему знакомиться с «Капиталом», этот предшествующий путь неизвестен, еще не существуют для него и последующие шаги восхождения, ибо он изучает «Капитал» последовательно. При таких условиях утверждение Г. Маркса об элементарности товара предоставляется читателю первоначально априорно данным, Просто постулированным. Исходная абстракция предстает в самом начале вне связи с предыдущим и последующим ходом, движения мышления, вследствие чего доказательство ее в качестве исходной читателю еще не дано, не определено. Поэтому как начало это отношение еще теоретически не доказано, не определено, т. е. неопределенно. Более того, начало в «Капитале» первоначально не только не доказано по отношению к другим сторонам предмета, но оно пока не доказано внутри себя, т. е. доказательно не выявлены и не определены стороны простейшего отношения.

Предвосхищая дальнейшее развертывание мысли в «Капитале», можно было бы дать ряд определений исходной абстракции восхождения. Важнейшие из них следующие:

1. В исходной абстракции отражается такое отношение предмета, которое дальше разложить нельзя, не выходя за рамки данного специфического предмета.

2. В исходной абстракции воспроизводится отношение, являющееся простейшим по сравнению с остальными сторонами изучаемого специфического, предмета.

3. Исходная абстракция отражает зародышевое противоречие, на основе которого и из которого вырастают все другие отношения данного предмета.

4. Исходная абстракция воссоздает исторически первичное отношение предмета.

5. Исходная абстракция отображает простейшее отношение предмета и следовательно, некоторую совокупность различных, многообразных сторон.

В первом определении исходная абстракция фиксируется с точки зрения ее связи с движением познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Доказательство его (определения) содержится в историческом движении классической буржуазной политэкономии и развитии экономических воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса в период, предшествовавший написанию «Капитала».

Второе, третье и четвертое определения нельзя доказать, если иметь дело исключительно с простейшим отношением и не вывести из него более развитых отношений предмета путем восхождения. от абстрактного к конкретному, т. е. они доказываются самим процессом восхождения и их доказательство не существует до этого процесса.

Пятое определение может быть доказано только после рассмотрения более чем одной стороны простейшего отношения, т.е. тоже не с самого начала изучения «Капитала».

Все эти определения представляют собой р е ф л е к т и р о в а н и е по поводу уже познанного в самых общих чертах процесса, восхождения от абстрактного к конкретному.

Наша задача заключается в том, чтобы строго следовать за развертыванием логического богатства «Капитала», не забегать вперед, не определять уже известные отношения, категории предмета через еще неизвестные более развитые отношения, категории. Наша задача состоит также в том, чтобы, не определять отношения, категории «Капитала» через знания, сформировавшиеся у К. Маркса до написания «Капитала». Ибо мы ставим своей целью выделение и развертывание логики именно и только «Капитала», а для этого необходимо ее рассмотреть в той последовательности и связи, в какой она предстает перед сознанием читателя, знакомого лишь с «Капиталом».

К. Маркс характеризует стороны, отношения предмета последовательно. Рассматривая, например, товар до капитала, К. Маркс уже знает, какова связь товара с капиталом, и это знание, несомненно, влияет на опреде-

ление товара до определения капитала, Но оно еще не становится явным, доказательным для сознания читателя. Читатель, изучивший товар, но еще не знающий собственно капитала, видит доказанность, необходимость преимущественно определений товара в его самостоятельности по отношению к капиталу. Определения же связи товара с собственно капиталом до рассмотрения (собственно капитала выступают для сознания читателя недоказанными, постулированными, априорными).

Развитие мысли в «Капитале» есть, с одной стороны, развитие доказательных определений, с другой стороны, это же самое доказательное движение мысли есть преодоление определений, первоначально выступающих для читателя в качестве простых постулатов, априорно данных положений. Мышление К. Маркса в «Капитале» движется в единстве обо их моментов. Но главным, ведущим, определяющим моментом является развитие мысли со стороны доказательности определений, ибо целью служит именно доказательство.

Предположим, что читатель «Капитала», впервые приступающий к изучению этого произведения, совершенно ничего не знает о капитализме. В действительности такого человека не существует, ибо каждый современный человек уже до знакомства с «Капиталом» имеет тот или иной запас сведений о предмете рассматриваемого произведения, и изучение последнего опосредствуется, преломляется через полученные ранее знания.

Тем не менее приведенное выше предположение необходимо ввести, если мы хотим выявить только то содержание, которое может быть почерпнуто именно из «Капитала». Если мы встанем на точку зрения такого читателя, желающего и способного максимально глубоко изучить «Капитал», то мы сможем выделить объективное содержание именно и только «Капитала». В сознании же К. Маркса «Капитал» есть результат предшествующего и промежуточный этап будущего исследования. Если встать на позиции автора «Капитала», то следует писать уже не только о логике «Капитала» самой по себе, но о логике «Капитала» в связи с предшествующим и последующим развитием марксизма, а эта работа будущего.

Логика «Капитала» мы фиксируем главным образом со стороны тех моментов, которые сохраняются во всяком мышлении о процессе развития. Для этого мы сравниваем логику «Капитала» с логикой Гегеля, возникшей на основе изучения совершенно иного процесса развития, нежели изучение развития капитализма. Логика Гегеля базируется преимущественно на историко-философском материале.

§ 2. ЛОГИЧЕСКАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЧАЛА НАУКИ

В «Капитале» К. Маркс изображает результаты своего научного исследования. Исследование сохраняется в результате в преобразованном, «снятом» и «чистом» виде. Начало в «Капитале» воссоздается так, как оно выступает в результате науки.

Приступая к рассмотрению логики «Капитала», необходимо начать прежде всего с анализа оглавления. Изучение оглавления дает лишь указание об общем разделении предмета, но не понимание, не доказательное знание внутренних связей. Знания, почерпнутые из оглавления, носят первоначально характер постулатов, априорно данных положений.

В оглавлении не обнаруживается необходимость перехода от рассмотрения одной стороны предмета к рассмотрению другой. В самом деле, из оглавления можно узнать, что в первом томе исследуется процесс производства капитала, во втором — процесс обращения капитала, в третьем — процесс капиталистического производства, взятый в целом, в четвертом — история теории, но пока еще К. Маркс не дает ответа на вопрос о причине именно такой последовательности отображения капитала. Из оглавления также нельзя установить необходимость изучения производства и обращения капитала прежде в их известной самостоятельности и только после того в их целостности. Не следует из оглавления и необходимость излагать историю теорий после теории. Если обратимся к первой книге «Капитала», то из знакомства с оглавлением остается неясной необходимость начинать рассмотрение капитала именно товара, переходить затем к процессу обмена товаров,

далее к деньгам, к превращению денег в капитал и т.д. и т. п.

К. Маркс мог указать общее подразделение предмета в силу того, что он уже з н а л его, в то время как читатель еще не знает этого предмета. Поэтому для читателя оглавление оказывается полностью понятным и доказанным лишь в результате развития содержания самой науки.

Тем не менее оглавление все же дает читателю указание о предмете в целом и его расчлененности, оно предвосхищает (и только!) путь развития доказательства. Оглавление служит постоянным ориентиром, целью. Предмет и его стороны первоначально лишь называются. За названиями оглавления для читателя не стоит еще никакого содержания. В результате же исследования перед ним раскрывается бесконечно богатое движение содержания самой науки.

Итак, название работы и оглавление первоначально представляются сознанию читателя в качестве ряда постулатов.

Уже из оглавления можно заключить, что К. Маркс начинает изображение предмета — капитала — с того, что собственно этим предметом не является — с товара — и лишь в дальнейшем прослеживает превращение товара в капитал. Наука начинается с рассмотрения того, что не относится к собственно ее предмету. Вместе с тем Маркс указывает в оглавлении, что именно товар через денежную форму превращается в капитал. Следовательно, то, что не является собственно предметом данной науки, способно превратиться в него. Таким образом, уже в оглавлении мы сталкиваемся с указанием на противоречивость начала, с утверждением того, что начало предмета не есть собственно предмет (капитал), но вместе с тем начало предмета есть собственно предмет, ибо оно превращается в данный предмет. Начало есть начало вполне определенного предмета — капитала. Само начало есть определенное начало — товар. В оглавлении Маркс указывает на начало как на нечто многостороннее (потребительная стоимость, стоимость и т. д.). При этом начало и сам предмет только названы. В этом смысле их содержание остается логически неопределенным. Лишь из названия, но не из содержания устанавливается здесь, что речь идет об определенном

предмете (капитале) и определенном начале (товаре). Доказательство необходимости обозначенного в оглавлении соотношения начала и предмета пока отсутствует. Специфика доказательства на пути восхождения от абстрактного к конкретному заключается в установлении места, внутренней связи данной стороны с другими сторонами предмета в процессе рассмотрения фактов. Таким образом, здесь мы еще не подошли к необходимо, имманентно развивающемуся содержанию науки (исходя из ее внутренних связей). Но уже из оглавления, не изучая самого содержания «Капитала», можно вывести все ранее приведенные нами в § 1 определения начала, за исключением первого, ибо в оглавлении К. Маркс не указывает на предшествовавший «Капиталу» этап развития науки политэкономии. Как видим, весьма мало конкретных знаний требуется для того, чтобы построить приведенные определения. Поэтому они весьма легко усваиваются и чрезвычайно популярны.

Перейдем к развитию К. Марксом в «Капитале» необходимого содержания науки. «Капитал» открывается знаменитым утверждением: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара»². В этом утверждении К. Маркс, во-первых сразу же очерчивает в самом общем виде реальный объект, который должен направлять сознание читателя в течение всего дальнейшего изложения и который служит источником всех последующих фактов, живого созерцания, представлений. А именно, речь идет об обществе (а не о природе, не о мышлении) и об обществе на определенной ступени развития, т. е. об обществе, где господствует капиталистический способ производства. Следовательно, все изучаемые стороны (в том числе товар и деньги) являются сторонами общества, где господствует капиталистический способ производства, и берутся так, как они существуют именно в этом, а не в каком-либо другом обществе. К. Маркс начинает именно с капиталистического товара, с товара, существующего при господстве капиталистического способа производ-

² К. Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. 23, стр. 43.

ства, а отнюдь не с простого товарного, производства. Во-вторых, реальный объект исследования фиксируется К. Марксом так, как он, и именно он, дан в живом созерцании. Уже в живом созерцании, на поверхности видно, что капитал есть богатство, что богатство капиталистического общества есть «огромное скопление товаров». Чтобы понять это, не требуется научное исследование. Но, в-третьих, на поверхности, в живом созерцании имеется много фактов, с которых возможно было бы начать. Например, на поверхности дано также, что капиталистическое богатство есть деньги. Связь же между товаром и деньгами, знание того, что деньги есть товар и при этом товар особого рода, это знание не приобретает непосредственно. История экономической науки показывает, что потребовался известный период для того, чтобы понять, что деньги есть товар и для того, чтобы теоретически вывести из товара деньги. Следовательно, то обстоятельство, что необходимо начинать с этого, а не с иного факта, нуждается в теоретическом, объяснении, в доказательстве. Выбор того или иного факта, данного живого созерцания в качества, начального определяется не самим фактом, а его местом и ролью в системе теории. Так как теоретическая система объяснения фактов еще не развернута перед читателем, то отсутствует и доказательство того, что именно этот факт должен быть исходным.

Приведенное выше утверждение К. Маркса, подобно всем знаниям, почерпнутым нами из оглавления, имеет здесь характер непосредственно данного. Но непосредственная данность имеет уже двоякий характер. С одной стороны, это непосредственная данность теоретических положений, еще теоретически не доказанных, однако подлежащих доказательству в последующем, с другой стороны, впервые появляется непосредственность живого созерцания, факта. Выбор факта диктуется принятыми непосредственно теоретическими положениями. Причем пока отсутствует доказательство того, что из ряда фактов, соответствующих непосредственно взятому теоретическому положению, должен быть выбран именно такой-то, а не иной факт.

Доказательство элементарности товара по отношению к капиталу, отсутствует, а следовательно, продолжает оставаться, нераскрытой сама необходимость

м о с т ь связи товара с капиталом. Таким образом, все еще не раскрыта, а только названа необходимая связь начала с тем предметом, началом которого оно служит. Необходимая связь начала с предметом теоретически не определена для сознания читателя, она уже указана, но остается еще недоказанной, неопределенной.

К. Маркс не рассматривает в этом первом положении, которым открывается изложение содержания «Капитала», также и происхождение товара. Начало предстает непосредственным, неопределенным и по отношению к тому, из чего оно произошло. Наконец, здесь по-прежнему не обнаруживается необходимость сторон и связей внутри товара, они лишь названы в оглавлении. Значит, начало оказывается еще, непосредственным, неопределенным логически и внутри себя.

С точки зрения доказательства не о б х о д и м о с т и начало непосредственно, неопределенно по отношению к тому, из чего оно произошло, по отношению к тому, началом чего оно есть, и по отношению к самому себе.

В приведенном высказывании К. Маркса очерчены самые общие контуры исследуемого предмета, содержится известный постулат, имеется определенное данное живого созерцания. Кроме того, из рассматриваемого утверждения К. Маркса следует, что товар и есть и не есть капитал. Капиталистическое богатство есть богатство товаров, являющихся следствием капиталистического способа производства. В товарном богатстве при капитализме капиталистический способ производства существует в возможности. Товарное богатство в капиталистическом обществе — и результат и предпосылка, возможность капиталистического способа производства. Итак, товар, взятый сам по себе, с одной стороны, не есть собственно, капитал, а с другой стороны, он есть при капитализме результат капитала и капитал в возможности.

Если товар в первой фразе первой главы и в оглавлении берется как результат и как элементарная форма капиталистического способа производства, то собственно капитал еще не определен. Поскольку товар является результатом и элементарной формой именно капитала, постольку он является капиталом в возможности. Элементарная форма предмета есть сам этот предмет, но в

потенции, зародыше. Развитие элементарной формы предмета есть ее превращение в предмет, становление возможности действительностью. Возможность развития капитала из товара не означает, что капитал присутствует лишь в уменьшенных размерах, настолько малых, что они не воспринимаются, лежат за порогом чувствительности. Поскольку капиталистический характер товара еще специально не доказывается, постольку товар как товар к а п и т а л и с т и ч е с к о г о общества есть еще нечто л о г и ч е с к и н е о п р е д е л е н н о е.

Таким образом, из первого положения, характеризующего собственно содержание «Капитала» и взятого в единстве с оглавлением, следует, что товар есть начало, а всякое начало и есть и не есть предмет. Начало есть становление предмета. Ничего более определенного о товаре как начале в первой фразе, взятой в сопоставлении с оглавлением, еще не говорится. Товар а дальнейшем обнаруживает многосторонность, а следовательно, определенность внутри себя, но в качестве капитала он остается по преимуществу доказательно теоретически неопределенным вплоть до изображения процесса капиталистического способа п р о и з в о д с т в а, т. е. собственно капитала. С этой стороны товар е с т ь к а п и т а л, но капитал еще не определенный в качестве собственно капитала, т. е. товар есть неопределенное бытие капитала. Э л е м е н т а р н а я ф о р м а п р е д м е т а о к а з ы в а е т с я н е о п р е д е л е н н ы м, з а р о д ы ш е в ы м б ы т и е м п р е д м е т а.

Мы уже отмечали, что товар рассматривается К. Марксом в качестве данного, невыводимого из чего-то другого. Маркс здесь отвлекается от прослеживания возникновения товара из не-товара. В этом отношении знание о товаре выступает как непосредственное. Иначе и не может быть. Элементарная форма изучаемого предмета должна браться в качестве непосредственной, не выводимой из других предпосылок, ибо переход к предпосылкам предпосылки есть также выход за пределы элементарной формы этого предмета, а значит, и за пределы данного специфического предмета вообще. И с э т о й т о ч к и з р е н и я э л е м е н т а р н а я ф о р м а в ы с т у п а е т т а к ж е н е п о с р е д с т в е н н ы м б ы т и е м п р е д м е т а.

Итак, К. Маркс начинает с н е о п р е д е л е н -

ного (в значении: теоретически недоказанного), непосредственного бытия и непосредственного знания о нем. Определено же начало пока лишь при помощи постулированных, предвосхищающих развитие теоретического доказательства утверждений.

В этих моментах логика «Капитала», с одной стороны, совпадает с логикой Гегеля, открывающего изложение движения мышления с непосредственного знания, с неопределенного бытия. С другой стороны, между началом логики «Капитала» и началом логики Гегеля существует также огромное, принципиальное различие.

У Маркса речь идет о воссоздании в мышлении специфического, определенного предмета, существующего вне и независимо от существования мышления. У Гегеля мышление в конечном счете постигает только абсолютную идею, которой фактически оказывается современна Гегелю система логических категорий.

К. Маркс начинает с общего определения контура реального объекта, с факта, с данного в живом созерцании. У К. Маркса речь идет об определенном предмете, находящемся в единстве, взаимосвязи с другими предметами. Поэтому предпосылка предмета у Маркса есть единство неопределенного и определенного, абсолютного и относительного. Гегель ищет и «находит» чисто абсолютную предпосылку, не имеющую своих предпосылок, точнее, имеющую их, но лишь по видимости.

Если К. Маркс и отвлекается в первый момент от теоретического доказательства определенности начала предмета внутри себя, по отношению к предмету и по отношению к предпосылкам начала, то он имеет в виду в дальнейшем теоретически раскрыть и обосновать такую определенность и в силу этого уже в оглавлении «Капитала» и первой фразе указывает на некоторые важнейшие из сторон определенности начала как определенного начала определенного предмета. Иначе говоря, начало предмета на первых порах его (начала) изображения берется прежде всего как непосредственное, теоретически неопределенное; его опосредованность, определенность имеется в виду, указывается, предвосхищается, но на этой стадии рассмотрения она не доказывается, не раскрываются еще внутренние связи пред-

мета и в этом отношении опосредованность начала предмета теоретически не определяется.

Гегель мистифицирует проблему начала, вырывая одну ее сторону (отсутствие изображения и доказательства внутренней связи начала с другими специфическими сторонами предмета). Начало представляется ему абсолютно неопределенным, а следовательно, только непосредственным.

В противоречии с этим он фактически показывает не только непосредственность, но и опосредованность начала мышления. В самом деле, категория абсолютно неопределенного бытия возникает в философии Гегеля как **р е з у л ь т а т** осмысления феноменологии духа, т. е. являющегося сознания. Пытаясь избежать противоречия, Гегель утверждает, что феноменология духа есть предпосылка логики, и в том числе начала, лишь по видимости. Предпосылки мышления оказываются у него лишь следствиями логической деятельности, т. е. вообще предпосылка предмета не рассматривается как действительная предпосылка, а рассматривается лишь как следствие, результат движения данного предмета. Между тем как на самом деле предпосылка, превращаясь в предмет, воспроизводится движением предмета в качестве его следствия, результата, оставаясь при этом предпосылкой, из которой действительно развивается предмет. Предпосылка существует не только в качестве следствия движения предмета, но и до этого предмета. Причем (предпосылка предмета до его возникновения и предпосылка, воспроизводимая предметом как его следствие, не тождественны друг другу (подробнее об этом см. в разделе об историческом и логическом).

Движение мышления превращается Гегелем в беспредпосылочное. Мышление оказывается совершенно самостоятельной деятельностью, самопорождающей понятия из своей стихии. Вполне естественно, что вследствие этого исчезает проблема постоянного соотношения мыслительной деятельности с практикой, с реальностью, данной нам в живом созерцании, с реальным объектом существующим вне и независимо от мышления.

Кроме того, если начало абсолютно неопределенно, то логически невозможен был бы переход от него к другим категориям. Поскольку же Гегель считает, что начало самопорождает другие категории, постольку он

фактически признает не только непосредственность, но и опосредованность начала. Можно видеть, что теоретическая позиция Гегеля здесь непоследовательна.

Итак, начало у К. Маркса уже с первых шагов характеризуется фактически как непосредственное и опосредованное, неопределенное и определенное. Теоретические указания на опосредование, определенность начала тут являются предвосхищением. Д о к а з а т е л ь н о е теоретическое развертывание внутренней, необходимой определенности, опосредованности начала еще не дано. В этом отношении начало непосредственно, т. е. оно категориально необосновано, не определено в трех аспектах: по отношению к своим предпосылкам, к собственно предмету, по отношению к самому себе.

Рассмотрим ближе начало — товар — в категориальном аспекте. В развивающемся содержании н а ч а л о прежде всего непосредственно дано есть. Следовательно, н а ч а л о есть бытие. Далее товар не просто есть, но он есть элементарная форма капиталистического богатства. Значит, товар есть и не есть товар, товар есть товар и вместе есть элементарная форма капитала. Поэтому начало есть и не есть, т. е. н а ч а л о определено как становление, как единство бытия и небытия. Кроме того, что товар есть и не есть капитал, ничего более не известно об отношении товара и капитала из первой фразы первой главы первого тома «Капитала».

Становление включает себя момент п р о х о ж д е н и я товара и возникновения собственно капитала. Во всем последующем изложении категория становления (товара капиталом) постоянно должна подразумеваться, сохраняться в «снятом» виде при воссоздании товара и денег.

Становление есть единство того, что е с т ь, и того, что н е е с т ь. Ни товар, ни капитал более близко не определены. Но то, что есть, и то, что не есть, в становлении нераздельны, не самостоятельны, они есть «снятые» м о м е н т ы³. Товар не есть собственно капитал, он отличен от капитала, и вместе с тем он рассматривается К. Марксом именно как превращающийся в капитал, т. е. как момент капитала.

³ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 97.

Становление (мы имеем в виду товар и капитал), если начать рассмотрение с товара, есть возникновение капитала; если начать с капитала, то это есть прехождение товара. В становлении капитала товар есть и не есть капитал, а капитал есть и не есть товар. Становление есть единство товара и капитала, этих двух моментов. В свою очередь каждый из них есть и не есть, т.е. есть единство бытия и ничто.

В возникновении капитала товар прежде всего берется со стороны того, что он не есть капитал, что он есть небытие капитала. Следовательно, возникновение начинается с небытия, соотнесенного, единого с бытием.

Становление капитала есть исчезновение товара. В исчезновении подчеркивается, что товар сначала е с т ь, причем товар соотносится со своим, не есть. При рассмотрении исчезновения, следовательно, берется непосредственным б ы т и е в единстве с небытием и переход к познанию небытия происходит в его соотнесении с бытием.

Таким образом, возникновение капитала не есть только единство бытия и небытия капитала, но есть вместе с тем единство бытия и небытия товара, и оба эти единства взяты со стороны бытия (капитала). Прехождение же не есть только н е б ы т и е товара, но есть единство бытия и небытия товара и единство бытия и небытия капитала, причем оба единства взяты со стороны небытия товара.

Возникновение и прохождение — два противоположных и вместе с тем единых направления одного и того же становления.

Товар есть начало, бытие капитала и вместе с тем товар имеет свое начало, свое бытие. К. Маркс определяет товар сначала с той стороны, что он е с т ь и ч т о он представляет в своем бытии: товар е с т ь прежде всего п о т р е б и т е л ь н а я с т о и м о с т ь. При этом К. Маркс отвлекается от специального более глубокого рассмотрения превращения товара в капитал, имея все время в виду, что товар есть бытие капитала. Однако при определении бытия товара (в качестве потребительной стоимости) имеется в виду ранее отмеченный характер товара как элементарной формы капитала, как бытия и небытия капитала, как товара, становящегося капиталом.

Следовательно, высказанное ранее понимание становления сохраняется в «снятом» виде, оно имеется в виду. Потребительная стоимость, констатирует К. Маркс в определении товара в качестве потребительной стоимости, есть фактор именно товара, а не капитала. Товар здесь фиксируется со стороны того, что он есть товар, а не нечто иное. Таким образом, товар при рассмотрении потребительной стоимости выступает прежде всего со стороны того, что он е с т ь, со стороны б ы т и я, а не стороны, перехода его в капитал, в небытие. Это есть спокойное бытие не само по себе, т. е. не бытие товара самого по себе как товара простого товарного производства, а спокойное бытие товара, в котором имеется в виду или присутствует как «снятое» то, что товар и есть и не есть капитал. Следовательно, становление выступает как спокойное бытие товара в качестве потребительной стоимости.

Употребляя термины Гегеля, мы можем сказать, что Маркс, переходя к определению потребительной стоимости, совершает движение мысли от к а т е г о р и и с т а н о в л е н и я к к а т е г о р и и н а л и ч н о г о б ы т и я.

Движение мысли К. Маркса идет от предвосхищающих указаний к рассмотрению собственно содержания начала, которое предстает прежде всего непосредственно данным. Начало есть. Это б ы т и е начала. Затем оказывается, что начало есть и не есть предмет, т. е. начало выступает в качестве с т а н о в л е н и я. Становление имеет две стороны: возникновение и прехождение. С т а н о в л е н и е е с т ь п р о т и в о р е ч и е, но стороны его еще (теоретически) не определены, они даны непосредственно. Читатель еще не знает определенно, содержательно, что такое товар как товар и товар как элементарная форма капитала. Переход к рассмотрению первого фактора товара есть рассмотрение сторон, факторов товара прежде всего как товара. И капиталистический и некапиталистический товар, товар вообще, есть прежде всего потребительная стоимость. Товар снова берется как бытие, но теперь уже имеется в виду, что хотя товар вообще есть потребительная стоимость, но здесь подразумевается товар в капиталистическом обществе. Следовательно, мысль якобы возвращается к бытию. Но, во-первых, теперь бытие уже преобразовано

по сравнению с исходным. Прежде под бытием подразумевалось: товар есть товар, — теперь же речь идет о том, что товар есть потребительная стоимость. Во-вторых, уже из отмеченного выше содержания «Капитала» видно, что первый фактор товара — быть потребительной стоимостью — общий для капиталистического и некапиталистического товара, берется в его существовании именно гари капитализме. Другими следами, становление присутствует в бытии, но в «снятом», неявном виде.

Преобразованное бытие, бытие, в котором становление снято, есть, пользуясь терминологией Гегеля, наличное бытие.

Можно заметить, что мысль движется через отрицание отрицания. Бытие: товар есть, или товар есть товар. Становление — первое отрицание: товар есть капитал. Наличное бытие — второе отрицание: товар как товар есть прежде всего потребительная стоимость, но при этом уже явно, что товар как товар исследуется для того, чтобы в конечном счете понять товар как капитал.

Однако отрицание отрицания дано хотя и в содержании произведения, но пока не посредственно. Ибо все, что входит в состав отрицания отрицания еще теоретически не доказано и в этом смысле постулировано, еще выглядит априорно.

Таким образом, начало есть единство бытия и небытия предмета, т. е. становление. Становление представляет собой противоречие. От категории становления осуществляется переход к категории наличного бытия. В наличном бытии мысль «возвращается» к бытию, но уже на основе отрицания становления, которое само было отрицанием бытия. Это отрицание также является противоречием, ибо отрицание прежней категории новой категорией есть сохранение, утверждение прежней категории в качестве момента новой категории.

Если «механизм» отрицания отрицания, как мы увидим в дальнейшем, выступает здесь полностью, то «механизм» противоречия дан пока в самом зародыше. Доминирует на этом отрезке развития мышления непосредственная данность категорий и законов.

Уже здесь обнаруживается отличие категорий от законов. Образно говоря, закон мышления представляет как бы стержень, на который нанизываются категории.

3. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НАЧАЛА ВНУТРИ НЕГО САМОГО. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВОГО ФАКТОРА ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ФОРМЫ ПРЕДМЕТА

Только определив товар в качестве элементарной формы капитала, возможно перейти к специальному рассмотрению собственно товара, к его факторам. «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»⁴. Это есть факт, данный в живом созерцании. Маркс переходит от одного факта к другому. Но связь фактов, то обстоятельство, что совершается движение именно от такого-то факта к такому-то,—все это не дано живым созерцанием, а является результатом осмысления всей совокупности фактов, данных в живом созерцании исследуемого реального объекта. Поэтому, пока читатель не знает теоретического объяснения всей совокупности фактов, для него теоретическое объяснение фактов, с которых начинает К. Маркс, выглядит априорно.

В приведенном определении К. Маркса товар выступает как товар, а существование его в качестве элементарной формы капитала, с т а н о в л е н и е товара капиталом «сняло» себя и представляется в одностороннем б ы т и и товара, т.е. в существовании товара как товара. «Ничто» товара, точнее то, во что превращается товар и в чем он исчезает, сохраняясь лишь в виде момента, — капитал — существует скрыто в бытии товара и обнаружится впоследствии в противоположность бытию товара.

Это определение К. Марксом потребительной стоимости есть определение бытия товара, но прямо в нем не указывается на то, что речь идет о бытии элементарной формы капитала и, следовательно, также о небытии товара как товара.

Только теперь начинается зарождаться собственно теоретическое доказательство. Определение потребительной стоимости уже не непосредственно взятое, постулированное определение, каким было утверждение об элементарности товара. Характеристика потребительной стоимости опосредована этим последним утверждением, ибо именно оно заставляет обратиться к ближайшему

⁴ К. Маркс и ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

изучению товара. Однако в самом определении потребительской стоимости данное утверждение непосредственно не выражено. Ближайшая же характеристика товара (в качестве потребительской стоимости) есть непосредственная чувственная определенность его, фиксированная во всеобщей форме, или, иначе говоря, его эмпирическое определение. Доказать, что товар есть прежде всего потребительная стоимость, т. е. вещь, которая ... и т. д., можно, просто обратившись к фактам, к эмпирии. Но обратиться именно к этим фактам, к фактически данному товару читателя заставляет еще теоретически не доказанное утверждение о товаре как элементарной форме капиталистического богатства. Следовательно, выбор фактов, подлежащих изучению, и здесь определяет теоретическое положение, которое в начале восхождения само не доказано. Теоретическое доказательство начинается там и тогда, где и когда начинается установление единства различных фактов.

Гегель, хотя и в весьма отвлеченной форме, но чрезвычайно глубоко схватывает логическое существо дела: «*Небытие*, принятое в бытие, таким образом, что конкретное целое имеет форму бытия, непосредственности, составляет *определенность* как таковую»⁵. Действительно, только на уровне категории наличного бытия появляются теоретически доказательные определения, т. е. впервые появляется, так сказать, теоретическая определенность,

Можно видеть, что переход в логике Гегеля от становления к наличному бытию воспроизводит действительное развитие мысли, взятое с чисто логической стороны. Но если у Гегеля понятие само из себя рождает категории, то у Маркса этот логический переход совершается иначе. Посылка, принятая пока непосредственно, без теоретического доказательства, заставляет обратиться к таким-то данным живого созерцания, к фактам, к практике, к осмыслению фактов в единстве с имеющейся посылкой, принятой в качестве как бы априорной. С одной стороны, принятая посылка заставляет выбирать вполне определенные факты, с другой стороны, сами факты обнаруживают свою связь и диктуют переход от одной категории к другой. Тем не менее и в

⁵ Гегель. *Соч.*, т. V, стр. 101.

этом случае с чисто логической стороны имеется переход именно от становления к наличному бытию.

Товар как потребительная стоимость есть качество. Бытие товара представляется здесь непосредственно единым с его качеством, они еще совершенно не отличаются друг от друга. В самом деле, в приведенной в начале данного параграфа цитате К. Маркса товар выступает тождественным потребительной стоимости: товар есть потребительная стоимость. Сама потребительная стоимость есть определенность, которая воспринимается непосредственно. Качество есть непосредственная определенность нечто, как нечто. На рассматриваемом уровне для сознания сливается бытие нечто и непосредственная определенность нечто: в определении товара как потребительной стоимости выделяется и утверждается именно тождество товара с потребительной стоимостью без всяких дальнейших определений.

Продолжая определение потребительной стоимости, Маркс пишет непосредственно вслед за упомянутой цитатой: «Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства»⁶. Здесь уже качество товара, т. е. товар, взятый в качестве потребительной стоимости, различается от того, что отрицается: К. Маркс указывает на то, от чего он отвлекается при определении потребительной стоимости. Качество выступает теперь не без отрицания, а в различении с отрицаемым. Познание качества товара углубляется, ибо становится ясным, что отрицается, что не есть данное качество. Отрицаемое положено. А следовательно, точнее выделяется и то, что именно только и важно в данном случае.

Рассмотрим пристальнее отрицание. Маркс предупреждает читателя, что не имеет значения, чем порождается потребность и каким способом она удовлетворяется. Но что определяет отвлечение именно от того-

⁶ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

и того-то, почему происходит именно такое-то отвлечение, а не иное? Ответа мы еще не найдем. По этому отрицанию, содержащееся в качестве, остается с этой стороны теоретически неопределенным. Гегель оценивает такого рода ситуацию следующим образом: «Качество, взятое с той стороны, что оно, будучи различным, признается *сущим, есть реальность; оно же, обремененное некоторым отрицанием, есть отрицание* вообще; это — также некоторое качество, но такое, которое признается недостатком...»⁷. Иными словами, качество, когда в нем обнаруживается отрицание, есть *реальность*. Отрицание, обнаруженное в качестве, само есть качество, ибо оно дано непосредственно (неизвестна причина именно такого, а не другого отрицания) и есть отрицательное определение товара как тождественного потребительной стоимости. От рассмотрения того, что отрицается, — *первого отрицания* — сознание читателя с необходимостью возвращается снова к первой части определения потребительной стоимости (товар есть потребительная стоимость). Но теперь она предстает со снятым отрицанием, ибо становится очевидно, что выделяется именно и только сам факт способности вещи удовлетворять человеческую потребность. Происходит отрицание-отрицания. Результат отрицания отрицания — наличное бытие, но преобразованное наличное бытие, ибо в нем снято отрицание. Это есть «*нечто*». Если мы сравним с этим движением мысли развертывание категорий а логике Гегеля, то окажется, что с чисто абстрактно логической стороны Гегель точно выражает существо дела: «Следовательно, фактически имеющимся оказывается наличное бытие вообще, различие в нем, и снятие этого различия; не наличное бытие, лишенное различий, как вначале, а наличное бытие как *снова* равное самому себе *благодаря снятию различия*, как простота наличного бытия, *опосредствованная* этим снятием. Эта снятость различия есть собственная определенность наличного бытия. Таким образом, оно есть *внутри-себя-бытие*; наличное бытие есть *налично сущее, нечто*»⁶.

⁷ Гегель. Соч., т. V, стр. 103.

⁸ Там же, стр. 108.

И если «нечто», результат разобранного отрицания, есть возвращение к непосредственности наличного бытия, к непосредственности первой части определения то это наличное бытие теперь уже также и о п о с р е д о в а н о отрицанием отрицания.

Ознакомимся с дальнейшей характеристикой потребительной стоимости. «Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества»⁹. В свете этого замечания все предшествующее определение потребительной стоимости представляется с иной стороны. Мы замечаем, что раньше центральной мыслью, заставлявшей остальное содержание определения потребительной стоимости как бы погружаться во мрак, было установление факта: вещь благодаря своим свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Теперь же К. Маркс отмечает качественную и количественную стороны природных вещей и далее, подробнее характеризует эти стороны природных вещей. Но предметом исследования К. Маркса в действительности служат не природные вещи сами по себе, а товар капиталистического общества и потому природные вещи занимают его исключительно постольку, поскольку они включены в движение товаров, причем на той стадии развития товарного производства, когда оно является всеобщим и господствующим, т. е. капиталистическим. Таким образом, имеется система взаимосвязей сторон предмета, которая включает и подчиняет себе стороны других предметов. И стороны этих других предметов рассматриваются лишь постольку, поскольку они включены и преобразованы системой взаимосвязей сторон изучаемого предмета.

Гегелевская логика не есть логика качественно определенного предмета, это — логика предмета вообще. Поэтому Гегель не мог обнаружить взаимодействие качественно различных, специфических систем взаимосвязей сторон различных предметов в своей логике. Он видит одну-единственную систему внутренних взаимосвязей и считает, что все ее стороны возникают внутри этой системы. Логика К. Маркса есть логика определенного предмета вообще, и если каждый развивающийся

⁹К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

предмет представляет собой внутреннее единство многообразных сторон, то встает вопрос о взаимодействии различных развивающихся предметов. Тогда оказывается, что не все стороны развивающегося предмета полностью порождены его развитием, но что этот предмет, необходимо возникая из других предметов, процессов включает те «ли иные их стороны, преобразуя их, подчиняя своему движению, превращая в свои «органы». Следовательно, логика К. Маркса снимает ограниченность логики Гегеля.

Последовательность и характер рассмотрения сторон в логике «Капитала» определяется именно и только спецификой системы изучаемого предмета.

Последовательность и характер рассмотрения полезных вещей К. Марксом определяется их существованием в качестве потребительных стоимостей т о в а р о в и именно товаров капиталистического общества.

Дальнейшее углубление осмысления качества, после того как оно обнаружило отрицание и это отрицание было снято, заключается в том, что К. Маркс выдвигает на авансцену утверждение о существовании полезной вещи — товара — н а р я д у с д р у г и м и полезными вещами — товарами. Специально констатируется: е с т ь н е ч т о и д р у г о е. Прежде нечто и другое еще специально не расчленились. «...Они (нечто и другое. — *В. В.*) ближайшим образом равнодушны друг к другу; другое есть тоже некоторое непосредственно налично сущее, некоторое нечто; отрицание, таким образом, имеет место вне их обоих»¹⁰. Действительно, К. Маркс пока специально, ближайшим образом ничего не говорит о связи, отношении полезных вещей как товаров друг к другу. Указав на то, что полезная вещь существует наряду с другой, Маркс характеризует ее как природную вещь сначала с качественной, а затем с количественной стороны. К. Маркс лишь кратко и притом не во всех важных моментах намечает логику воспроизведения качества и количества вещей как природных вещей. Так, здесь не может быть изображена качественная бесконечность полезных вещей, ибо для понимания товара и обмена товаров не требуется знание единства природных вещей, достаточно констатировать их многообразие.

¹⁰ Гегель. Соч., т. У, стр. 110.

Качественная же бесконечность вещей как товаров есть их общественное единство и подлежит рассмотрению при изучении второго фактора товара.

Количественная сторона вещей как природных веющей также фиксируется лишь в некоторых основных моментах. Поскольку вещи в качестве природных вещей исследуются здесь лишь в их изолированности друг от друга, постольку количественная определенность выступает в той мере, в какой она обнаруживается при познании изолированной вещи, постольку, естественно, что Маркс выделяет только определенное количество в его простейшей определенности: число и единицу, простое счетное количество, но отнюдь не различие экстенсивной и интенсивной величины и не количественное отношение. Фиксируется чисто внешнее определенное количество (различия товарных мер, отчасти условных) и непосредственная связь определенного количества с качеством (например, холст измеряется метрами, железо тоннами и т. д. — здесь видно, что различия товарных мер отчасти зависят от природы измеряемых предметов). Следовательно, Маркс лишь констатирует внешнее определенное количество и внутреннее определенное количество природных вещей. Он называет их, не устанавливая связи между ними. Последовательность и характер рассмотрения сторон менее развитой системы определяется не тем, как они существуют в этой системе, но тем, как они преломляются через призму системы, подлежащей исследованию.

В «Капитале» в течение всего изложения потребительной стоимости до специального воспроизведения ее отношения, ее связи с меновой стоимостью, со стоимостью основание отвлечения и выделения сторон потребительной стоимости остается неявным. Еще отсутствует доказательство того, что именно такие-то стороны вещи должны быть выделены и что именно от таких-то сторон необходимо абстрагироваться. Поэтому именно такое, а не иное определение потребительной стоимости выглядит для читателя с известной стороны априорным, таким определением, которое должно быть принято пока на веру, непосредственно. И Маркс сам косвенно отмечает это обстоятельство: «В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения

меновый стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, не посредственно данные (разрядка моя.—В. В.), обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные — (словами романского происхождения)¹¹. Совершенно очевидно, что, по мнению Маркса, первый фактор есть непосредственно данное, а второй — рефлексированное. В целом и сам первый фактор и его изображение до изложения второго фактора выступает для читателя непосредственно. Читатель еще не знает, почему рассматриваются именно эти, а не другие стороны первого фактора и именно в такой, а не другой последовательности. Маркс сначала никак не фиксирует специально какую-либо связь двух факторов элементарной формы; они берутся как равнодушные друг к другу, пока можно лишь догадываться, что характер отвлечения и выделения сторон в характеристике первого фактора товара определяется его связью с другим фактором товара и с другими товарами. Только в заключение рассмотрения первого фактора самого по себе впервые специально формулируется связь его со вторым фактором. Приведем формулировку полностью: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости»¹².

Рассматриваемое общество есть капитализм. Но потребительная стоимость служит носителем меновой стоимости не только при капитализме. Следовательно, специфика существования товара именно как бытия капитала еще не выявляется. Определяется отношение факторов, имеющееся во всякой форме общества, в которой существуют товарные отношения. В то же время объект, «витающий» в сознании К. Маркса и исследуемый им, есть товар капиталистического общества. Таким образом, товар все еще выступает как спокойное бытие становящейся элементарной формы. Товар и здесь еще есть то, что, и есть и не есть капитал, есть становление капитала, бытие капитала, взятое со стороны бытия.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

¹² Там же.

Первый фактор определяется существующим до второго фактора. В какой форме, связи он существует до появления второго фактора — этот вопрос не интересует автора «Капитала». Если раньше (в оглавлении) факторы только перечислялись, назывались, то теперь фиксируется внешняя связь между ними: первый служит носителем второго. Поскольку первый фактор есть носитель второго, то существование первого образует предпосылку существования второго. Однако еще не обнаруживается необходимость предпосылки, остается неясным, необходимо ли для существования второго фактора наличие первого. Вместе с тем Маркс отмечает, что предпосылка сохраняется и с появлением второго фактора в качестве момента, находящегося наряду со вторым фактором. Следовательно, предпосылка существования чего-то становится одним из факторов его существования и этот фактор изображается первым. Первым он и бросается в глаза.

На первый план выступает совпадение логической последовательности рассмотрения предмета с исторической последовательностью появления его сторон. Но при этом следует заметить, что Маркс начинает с потребительной стоимости не потому, что она исторически возникает раньше меновой стоимости, а вследствие того, что в капиталистическом обществе при анализе его элементарной формы прежде всего обнаруживается потребительная стоимость. Логическая последовательность определяется тем местом, которое занимает потребительная стоимость именно при капитализме. Лишь в конце рассмотрения потребительной стоимости Маркс указывает на совпадение логической и исторической последовательности. Поскольку специфическая, внутренняя связь данной стороны капитализма с другими сторонами еще не изложена, постольку отличие логической последовательности их рассмотрения от исторической последовательности появления этих сторон до капитализма еще не становится явным. Тут (как везде в «Капитале») господствует логический способ. В самом деле, К. Маркс не выясняет отличия потребительной стоимости, как она имела до второго фактора, от нее же существующей в качестве носительницы второго факто-

ра. Объект исследования — потребительная стоимость как носительница второго фактора, а то обстоятельство, что первый фактор предшествует появлению второго и значит в этом качестве не то же самое существованию его как носителя второго, — этого общего указания здесь вполне достаточно.

§ 4. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НАЧАЛА ВНУТРИ НЕГО САМОГО. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВТОРОГО ФАКТОРА ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ФОРМЫ ПРЕДМЕТА

К. Маркс открывает характеристику второго фактора формулировкой того, что прежде всего схватывается, познается в нем¹³, т. е. К. Маркс опять-таки исходит из факта, из данного в живом созерцании предмета, очерченного им выше в самом общем виде.

В изложении первого фактора самого по себе К. Маркс не фиксировал ни отношение вещей друг к другу, ни отношение друг к другу товаров как вещей. Теперь в сферу, изложения попадает отношение товаров как вещей. Ход мысли заключается в движении от рассмотрения изолированных товаров как вещей к их соотношению, иначе говоря, от изолированных элементарных форм, взятых с точки зрения их спокойного бытия и в определенности первого фактора, к соотношению элементарных форм, взятых с той же точки зрения и в той же определенности.

Второй фактор¹⁴ выступает для познающего прежде всего в виде количественного соотношения, в котором первый фактор (потребительная стоимость) одного рода приравнивается первому фактору другого рода. Причем соотношение кажется совершенно случайным, чисто относительным, изменяющимся с каждой переменной места и времени.

Следовательно, отношение качественно определенных вещей как товаров представляется сначала в виде случайного количественного соотношения разных качеств, соотношения постоянно изменяющегося во времени и пространстве. Внутренняя самостоятельность каждой вещи, соотнося -

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

¹⁴ См. характеристику меновой стоимости там же.

щейся с другими в качестве товаров, самостоятельность, присущая вещи самой по себе кажется на первый взгляд немислимой, невозможной, несуществующей. Мысль движется от качества к случайному, безразличному количеству. Количественное соотношение оказывается отрицанием качества. Действительно, потребительная стоимость есть качество товара, то, что делает товар таким, а не каким-либо другим. Отношение потребительных стоимостей есть отношение качеств. Каждое качество непосредственно. Отношение качеств есть «снятие» непосредственных качеств, оно есть опосредствование качеств. Опосредствование выступает как чисто количественное, случайное. То, что опосредуется, представляется не имеющим внутренней самостоятельности, чисто опосредованным. Непосредственность качества отрицается опосредованием. Но это не простое отрицание, а «снятие».

Здесь К. Маркс скрыто полемизирует с вульгарным экономистом С. Бейли. Для всей вульгарной политэкономии и для вульгаризированной науки вообще характерно отрицание внутреннего, сущности, свойственной вещи самой по себе. Такой взгляд опирается на поверхностное познание. Вещи, вступающие в соотношение друг с другом, коль скоро качество их схвачено (а познается качество непосредственно), выступают при дальнейшем их изучении, в виде количественного соотношения. Количественное изменение по самой своей природе есть прежде всего изменение, безразличное к качеству. Поэтому количественное соотношение вещей выступает вначале постоянно изменяющимся в зависимости от времени и места, чисто случайным и относительным. Вульгарный экономист С. Бейли фактически понимал отрицание количеством качества как голое, зряшное. Если же иметь в виду уже констатированную непосредственно качественную устойчивость вещей (как товаров), т. е. трактовать отрицание количеством качества как «снятие», то перед познанием встанет задача объяснения качества, сохраняющегося в преобразованном виде при отрицании его количеством и установления его отношения к количественным соотношениям, представляющимся на первый взгляд безразличными к качествам вещей. Но если предать забвению уже установленную непосредственно качественную устойчивость вещей.

(в данном случае Вещей как товаров), то из взгляда на постоянное изменение количественного соотношения вещей прямо вытекает отрицание внутреннего, сущности, присущей вещи самой по себе.

Итак, мысль К. Маркса при отображении специфических сторон системы движется от качества к количеству. При этом количество сначала представляется безразличным качеством, хотя воссоздание безразличного количества предполагает ранее охарактеризованное качество. Переход к безразличному, количеству есть первое отрицание качества.

Далее К. Маркс рассматривает несколько различных определенных количеств соизмеримых друг с другом и равных друг другу: x сапожной ваксы обменивается на y шелка, или на z золота и т. д. Если определенное количество равно нескольким другим определенным количествам, то эти разные определенные количества способны замещать друг друга, т. е. быть равновеликими. Из равенства многих различных определённых количеств друг другу Маркс заключает, что между ними есть нечто одинаковое, которое они выражают, и что количественное соотношение, соизмеримость различных определенных количеств есть лишь способ выражения, форма проявления, отличного от него содержания.

Затем К. Маркс берет два различных соизмеримых определенных количества или одну пропорцию двух различных определенных количеств. Их количественное соотношение изменяется в зависимости от времени и места. Но всегда то или иное одно определенное количество приравнивается в этом соотношении тому или иному другому определенному количеству. Отсюда К. Маркс делает вывод, что в обоих различных определенных количествах имеется нечто общее равной величины, что-то третье, отличное от первого и второго.

Итак, равенство различных и безразличных (к качеству) определенных количеств свидетельствует о скрывающемся за ними внутреннем, имеющем величину, отличную от каждого из этих различных и безразличных определенных количеств и равную им всем. Мы видели, что сначала товар выступил как качество или как количество непосредственно тождественное с качеством (потребительная стоимость сама по себе и потребительная стоимость— носитель меновой стоимости). Затем обна-

ружилось количество в его безразличии к качеству (стоимость, представленная чисто количественно). Это первое отрицание качества, когда количество мнится т о л ь к о отрицанием качества, чистым безразличием к нему. Наконец, происходит снятие первого отрицания, отрицание отрицания. Количественное отношение, оказывается, имеет качество внутри себя. Исходное качество—товар есть потребительная стоимость. Качество, полученное в результате отрицания количества,—товар есть стоимость, причем стоимость, количественно определенная.

Внутреннее, свойственное предмету (товару) самому то себе лишь «нащупано», поэтому оно еще есть качество, а не сущность, оно относится только к количеству, т. е. опосредовано количеством, а не самим собой, не внутри себя. Известно, что оно имеет величину, т. е. само в свою очередь представляет собой определенное количество. Но еще неизвестно, что именно есть это внутреннее. Поскольку внутреннее обнаружило и свое качество и свое количество (величину) лишь в изменяющихся количественных отношениях, поскольку внутреннее еще не определилось внутри себя, для себя, постольку оно является м е р о й, единством количества и качества, полученным в результате отрицания исходного качества и безразличного количества. Само внутреннее характеризуется лишь как опосредованное исключительно количеством, поэтому оно еще непосредственно внутри себя и н е е с т ь с у щ н о с т ь, а е с т ь м е р а. Как увидим дальше, Маркс отвлекается пока от подробного изложения формы проявления меры во внешних количествах. Он берет их здесь еще только для того, чтобы найти сущность, субстанцию. Только исследовав сущность, субстанцию, независимо от формы проявления, Маркс обращается к подробному изложению последней.

При этом обнаруживается известное различие между логикой «Капитала» и логикой Гегеля. В первой главе «Капитала» К. Маркс воспроизводит движение мысли от непосредственного к сущности (товара) в самых главных моментах (качество, количество, мера). Он не дает подробного изображения того пути, на котором исследователи вскрывают в непосредственном сущность (в данном случае стоимость товара) и, напротив, детальнейшим образом излагает в дальнейшем движение мысли от

сущности к формам проявления я к действительности. Гегель более подробно прослеживает категории, возникающие на пути движения познания от непосредственного к сущности, а раскрывая развитие мысли, движущейся от сущности к явлению и действительности, он добавляет лишь то новое, что имеется в этом втором движении мышления по сравнению с первым. Можно предполагать, что отмеченная особенность логики «Капитала» связана с тем, что К. Маркс предполагает современного ему читателя, причем знакомого с классической буржуазной политэкономией, в основном уже прошедшей путь от непосредственного к выделению меры, качественного количества а отношениях товаров. Достижения Марксовой политэкономии (если иметь в виду исследование товара) лежат главным образом в области изучения сущности и субстанции товара в их «чистом» виде, в раскрытии форм проявления стоимости. Естественно, что К. Маркс именно на этом сосредоточивает свое внимание. Прежде всего необходимо было позаботиться о донесении до читателя того нового, что исследователь внес в теорию политической экономии. Осмысление необходимых логических моментов предшествующего познания в области политэкономии капитализма было важно лишь постольку, поскольку это требовалось для решения главной задачи. В качестве специальной она могла выдвинуться на первый план только после выполнения основной работы.

Продолжим рассмотрение меры. Мера есть отрицание безразличного количества и отрицание отрицания качества, т. е. «возвращение» к качеству на новой основе. Момент «возвращения» к качеству в мере заключается в том, что качество непосредственно, безотносительно, мера же есть внутренне самостоятельное, т.е. также безотносительное, но это уже безотносительность, (полученная через отрицание отношения, и отношение предполагается в качестве момента внутренней самостоятельности. Стоимость товара существует до отношения товаров, но лишь как результат «снятия» предшествующего отношения товаров. Мера также есть мера, а не качество, или лишь якобы возвращение к качеству. Мерой не может быть потребительная стоимость вообще. Потребительная стоимость есть то, что делает вещь именно данной полезной вещью. Товары в качест

ве потребительных стоимостей не относятся друг к другу, они берутся непосредственно, качественно. Качественно вещи непосредственно, оно не соединяет, не объединяет полезные вещи, вещь как качество непосредственно существует в ее определенности, такой, какая она есть сама по себе. Конечно, полезные вещи могут превращаться друг в друга, а следовательно, изменяются и их качества. Но это движение вещи как вещи есть природное движение. Исследуется же общественное движение вещи. Для общественного же движения важно прежде всего не изменение вещи самой по себе, а только качество вещи как товара. Следовательно, говорить об общем качестве двух вещей, о природно общем тогда, когда речь идет об общественных отношениях,— значит приводить их в соотношение внешней рефлексией, в то время как сама по себе каждая вещь в общественном отношении выступает непосредственно, т. е. вне отношения к другой. Сравнение двух качеств именно как качеств, т. е. как чего-то непосредственного, есть установление внешнего сходства, одинаковости. Итак, если бы утверждалось, что мера есть полное возвращение к качеству, то мера была бы не чем иным, как внешней одинаковостью качеств. Фактически это утверждение лежит в основе рассуждений вульгарных экономистов (Бем-Баверка и др.), когда они внешнее сходство, одинаковость принимают за внутреннее, существенное. Потребительную стоимость вообще они квалифицируют в качестве общего в отношении товаров. Тогда очевидно, что имеющееся налицо товарное обращение вытекает из природы вещей самих по себе и является вечным. Логическая ошибка здесь прямо связана с апологетикой существующей формы товарного хозяйства.

Если мы отвлекаемся от потребительной стоимости, то тем самым мы абстрагируемся и от ранее констатированной, внешне выступившей связи потребительной и меновой стоимости (отношение носителя к носимому). Внешняя связь отрицается. Конечно, не в том смысле, что Маркс утверждает теперь просто отсутствие внешней связи. Внешняя связь продолжает существовать в действительности. И она имеет вид в сознании. Она не исчезает совсем. Но временно от нее отвлекаются, концентрируют сознание не на ней, представляя себе, что было бы, если бы этой связи не было, и одно-

временно сознавая, что она есть. Однако на первый план в сознании выдвигается отрицание, отвлечение от внешней связи (потребительной и меновой стоимости).

Общее как одинаковое равной величины не есть непосредственное, не есть качество (не есть потребительная стоимость), ибо оно получено именно в результате отвлечения от качества, от непосредственного; оно также не есть ни одно из соизмеряющихся определенных количеств (т. е. не есть меновая стоимость), которые теперь уже приобретают значение внешних определенных количеств в отличие от их внутреннего определенного количества. Пока К. Маркс лишь констатирует, что есть внешнее и внутреннее определенное количество, что первое есть выражение, форма проявления второго, что второе скрыто в первом. Последняя часть утверждения является предвосхищением, ибо из экономического контекста следует лишь, что за внешним количеством скрывается внутреннее, общее различным внешним количествам. Но К. Маркс еще не доказывает, что внешнее количество есть проявление внутреннего, так как для такого доказательства требуется пройти путь мысли от внутреннего к формам проявления, между тем мысль К. Маркса здесь идет от непосредственного, от внешнего количества к внутреннему. Со стороны определенности в самом себе найденное общее еще продолжает быть непосредственным, т. е. не соотнесенным с самим собой. Следовательно, с одной стороны, оно уже не есть непосредственное, а с другой стороны, оно еще остается непосредственным.

Мера есть наметившийся переход от качества к сущности, от непосредственного к опосредованному, переход, находящийся еще в сфере непосредственного. Из сказанного выше следует, что вещи (товар есть своего рода общественная вещь) внутренне одинаковы не непосредственно, а благодаря опосредованию, связи. Вещи одинаковы внутренне как результаты опосредования, процесса, порождающего внутреннюю одинаковость. Здесь мы видим, что если раньше (при сравнении потребительных стоимостей друг с другом) общее выступало одинаковостью непосредственных качеств, то теперь начинается переход к рассмотрению общего как опосредования, связи. Последнее понимание общего более глу-

боко, ни оно в «снятом» виде предполагает понимание одинаковости качеств, качеств, данных непосредственно. Предшествующий ход познания сохраняется в преобразованном виде, а именно в качестве момента более разностороннего и глубокого знания.

Отвлечение от потребительной стоимости товарных тел означает, что остается лишь одно свойство, а именно то, что они — «продукты труда»¹⁵. Мера, внутренняя одинаковость, общее как связь оказывается продуктом, результатом производящей причины (труда), процесса. Если выше речь шла о мере по отношению к отрицаемым ею качеству и количеству, то теперь мера выступает как результат субстанции, т. е. процесса, ее созидающего. Будучи продуктом, результатом одной и той же производящей причины, вещи как товары обладают способностью вступать в отношения друг с другом. (Имеются в виду общественные отношения.) Но если абстрагироваться от качества (потребительной стоимости), от непосредственно, чувственно воспринимаемого, то нужно отвлечься и от различных конкретных форм, видов производящей причины (от конкретного труда). Это результаты уже не той или иной конкретной формы производящей причины, а производящей причины, одинаковой для качественно различных вещей. Маркс констатирует, что качество, непосредственно, воспринимаемая форма вещи, само есть результат конкретной же формы процесса, конкретной формы производящей причины.

Процесс, производящий результат, имеет две стороны: одна образует качество, чувственную форму результата, (конкретный труд), другая созидает меру, внутреннее, общее как опосредование качественно различных результатов (абстрактный труд). В данном случае необходимо отвлечься от первой стороны процесса и результата. Причем процесс, взятый в этом аспекте (конкретный труд), не изучается еще в определенности его внутри себя, а рассматривается пока в самом общем виде по отношению к своему результату, а также к процессу и результату, взятым во втором аспекте (к процессу и результату абстрактного труда). Причина, производящая меру, искомое общее, характеризуется при этом отрицательно, а не положительно, т. е. как причи-

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

на, сохраняющаяся при отрицаний, отвлечении от причины, производящей качество.

Далее К. Маркс переходит от отрицательного к положительному рассмотрению результатов причины, производящей меру, искомое общее. От продуктов ничего не сохранилось, кроме внутренней одинаковости результатов, простых сгустков производящей причины, утратившей различия, производящей причины вообще, независимо от ее конкретной формы. Однако вместе с тем производящая причина вообще в ее безотносительности к конкретной форме имеет определенность: она представляет собой затрату человеческой рабочей силы вообще. «Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»¹⁶.

Из прежнего хода мысли Маркса мы знаем, что искомым общим, а следовательно, и его производящей причиной, не может быть нечто природное. Значит, затрата человеческой рабочей силы вообще не должна здесь быть физиологической, природной, речь идет об общественной затрате рабочей силы, об общественной субстанции. Кроме того, причина, производящая искомое общее, должна быть специфична для определенной степени развития общества, ибо выше Маркс указывал, что потребительная стоимость отнюдь не во всех формах общества служит носителем меновой стоимости. Итак, предшествующий ход мысли указывает на действительный характер субстанции, создающей меру. Но этот характер определяется тем самым лишь способом экстраполяции: если мера есть не качество и отличается от качества тем-то и тем-то, то и субстанция, производящая меру, будет аналогично отличаться от субстанции, производящей качество. Но прием экстраполяции — это вид рассуждения по аналогии, и он не дает полного доказательства.

В то же время абстрактный труд, т. е. причина, производящая искомое общее (стоимость), обнаруживает себя пока только путем отвлечения от конкретных форм

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 23, стр. 46.

различных видов труда. Поэтому он выступает перед познающим сознанием фактически как простая одинаковость, внешнее сходство самостоятельных процессов. Затрата человеческой рабочей силы вообще представляется природной тратой природного вещества и энергии (нервов, мускулов и т. д.), тратой, существующей при любой общественной форме. Таким образом, фактическое определение производящей причины и ее результата прямо противоречит тому, какова она есть на самом деле и тем выводам, которые вытекают из ранее приведенных и отчасти доказанных утверждений. И так, если производящая причина вообще характеризуется только в отвлечении от своих конкретных форм и от качеств своих результатов, то она выступает как внешнее сходство, одинаковость, как нечто непосредственное, чувственно воспринимаемое, т. е. прямо противоположно тому, чем она является в действительности. Такое рассмотрение производящей причины вообще противоречит требованиям, которое предъявляет к ее определению предшествующий ход познания, выдвигающий задачу раскрытия внутреннего общего. Здесь мы встречаемся с противоречием познания, которое снимается дальнейшим развитием мысли К. Маркса в «Капитале».

Напомним, что рассмотрение капитала образует большой виток спирали, а рассмотрение товара и денег — малый виток спирали, являющийся одновременно отрезком большого витка. Если товар есть отрезок большого витка спирали — непосредственно данный капитал, бытие капитала — и если именно под этим углом зрения воссоздается на этом отрезке малый виток спирали, то как только в малом витке осуществился переход от непосредственного к опосредованному, так обнаруживается противоречие: опосредованное (сущность, субстанция и т. д.), с точки зрения малого витка должно выступить непосредственно с точки зрения большого витка мышления. Например, то, что с точки зрения малого витка есть сущность, то с точки зрения большого витка есть качество. Сущность в малом витке есть качество в большом витке. Но так как мы пока анализируем главным образом малый виток, то отмеченное противоречие

здесь только нащупывается. Итак, выражение субстанции оказывается противоречивым. Противоречие возникает, кроме того, потому, что субстанция определяется главным образом отрицательно, лишь как отрицание конкретной формы производящего процесса.

Здесь, в первой главе, на переднем плане стоит не то, что товар есть бытие к а п и т а л а, а то, что товар есть б ы т и е капитала и то, что товар есть особый предмет, т. е. имеет свою сущность и субстанцию.

Определяя ближе меру, искомое общее в количественных соотношениях, Маркс переходит в сферу сущности. Здесь наблюдается известное совпадение чисто логических моментов исследования К. Маркса с ходом мысли в логике Гегеля.

Учение о сущности в «Науке логики» начинается с определения сущности как рефлексии в себе самой, затем следует изображение явления. Фактически речь идет о том, чтобы представить сначала сущность в чистом виде, независимо от ее проявлений, понять сущность самое по себе, а затем на ее основе понять явления. Мысль Маркса развивается так же: «Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы»¹⁷.

Мы видели, что понимание сущности предмета возникает из процесса изучения его бытия, поэтому понимание сущности есть р е з у л ь т а т этого движения познания. В чисто логическом отношении таково же развитие мысли Гегеля, но у него переход от бытия к сущности есть самопорождение мышления, а не изучение предмета, «витающего» в сознании как предпосылка в форме живого созерцания, предмета, существующего вне и независимо от сознания, предмета, который мышление все время должно иметь в виду и с ним соотносываться. Гегеля этот процесс интересует лишь с точки зрения чисто логических моментов. И оказывается, что он выделяет их с поразительной чуткостью. Объяснение же перехода от одной логической категории к другой мистифицируются, ибо представляется, будто логические кате-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

гории сами собой и сами из себя порождают другие логические категории.

Первый шаг после обнаружения меры, общего равной величины в отношениях различных определенных количеств — отвлечение от ранее обнаруженного непосредственного, от наличного бытия (от потребительной стоимости) как от несущественного. Искомое общее и наличное бытие есть существенное и несущественное. Мера есть переход к сущности. Мера, взятая в качестве отрицания наличного бытия, есть сущность, а точнее — существенное. Вместе с тем сущность предстает также как непосредственная сущность, т. е. искомое общее пока есть только общее качество равной величины в количественных отношениях, мера. Бытие (потребительная стоимость) при нахождении общего равной величины имеется не само по себе, а есть только отрицание сущности, т. е. оно важно лишь тем, что от него надо отвлечься. Значит и бытие (потребительная стоимость) и сущность (стоимость) здесь находятся в отношении несущественного и существенного, оба непосредственны и безразличны друг к другу (фиксируется именно отвлечение их друг от друга). Поэтому сущность (стоимость) сама тем самым оказывается наличным бытием. Так как от бытия (потребительной стоимости) только отвлекаются, то сущность (стоимость) лишь существенна. Сущность (стоимость) есть здесь, таким образом, первое отрицание (отвлечение от потребительной стоимости).

В «Науке логики» Гегеля сущность затем определяет себя в видимость. Сравним в чисто логическом отношении ход мысли К. Маркса в «Капитале» и Гегеля в его «Науке логики». Кратко говоря, по Гегелю, видимость есть бытие не просто как несущественное, оно есть «бытие, лишенное сущности»¹⁸, не-сущность. Видимости вне ничтожности бытия, вне сущности нет.

Обратимся к «Капиталу». Потребительная стоимость понята выше как несущественное, но если мы возвратимся к утверждениям Маркса относительно потребительной стоимости до обнаружения общего, то теперь потребительная стоимость выступит не просто несущественным по отношению к существенному (искомому

¹⁸ Гегель. Соч., т. V, стр. 459.

общему), но окажется важным тот факт, что все непосредственные утверждения о потребительной стоимости получали определенность лишь в отрицании непосредственного, в связи со стоимостью. Иначе говоря, мы уже отмечали, что основание для отвлечения и выделения именно таких, а не иных сторон потребительной стоимости, взятой до рассмотрения медовой стоимости, первоначально было неясным, но тем не менее оно присутствовало в определении потребительной стоимости и формировало это определение. Следовательно, теперь обнаруживается, что потребительная стоимость не просто несущественное и подлежащее отвлечению при выделении существенного, но что это отношение потребительной стоимости к стоимости как несущественного и существенного имелось непосредственно в рассмотрении потребительной стоимости самой по себе еще до специального изображения стоимости. Это — видимость. Если отсюда извлечь определение видимости, то оно может быть сформулировано так: видимость есть непосредственное, поскольку в нем непосредственно дана сущность. Забегая вперед, скажем, что видимость не есть явление сущности. Явление включает в себя видимость в качестве момента, но не сводится к ней. У видимости и явления сходно то, что и то и другое предполагает известное знание сущности и возвращение от этого знания к непосредственному. Но в категории видимости непосредственное фиксируется со стороны непосредственной данности сущности в этом непосредственном, а сущность просто как результат отрицания бытия. В категории явления на первый план выступает не то, что сущность непосредственно проявляется, а то как сущность превращается в видимое движение, т. е. изучается сам «механизм» связи сущности с непосредственным.

В видимости несущественное предстает уже не просто безразличным к сущности. Несущественное (потребительная стоимость) выступает теперь в качестве определенного сущностью, но сущность определяет несущественное отрицательно (выясняется основание того, от чего отлекаются при рассмотрении потребительной стоимости). Еще не раскрывается положительное определение сущностью несущественного. Поэтому несущественное понимается пока в качестве непосредствен-

ного, опосредовано же оно сущностью только отрицательно.

Следовательно, и в «Капитале», и в «Науке логики» видимость возникает в результате, отрицания бытия сущностью и состоит в том, что бытие берется на основе познанной сущности со стороны отрицательного формирования бытия сущностью. Категория видимости возникает потому, что сознание читателя при рассмотрении потребительной стоимости, как не участвующей в образовании искомого общего, возвращается к первоначальной характеристике потребительной стоимости. Но устанавливая, что потребительная стоимость не «входит» в искомое общее, Маркс тем самым дает новое определение этого общего. Определение чисто отрицательное: искомое общее, сущность не есть потребительная стоимость. (Раньше речь шла о том, что потребительная стоимость не есть искомое общее, сущность.) Таким образом, сущность в соотношении с видимостью сознается только как отрицание (несущественного). Искомое общее есть то, что остается при отвлечении от потребительной стоимости. Но из предыдущего хода мысли известно, что искомое общее есть, хотя оно и было понято как мера, т. е. еще не как сущность, а пока лишь как переход к сущности. Следовательно, сущность и есть и есть отрицание. Значит, сущность и равна себе и не равна; и она сама и не она сама, причем это есть нерасчлененное единство.

В противоположность гегелевской логике в «Капитале» логический переход есть вместе с тем обращение к данным живого созерцания, к действительному предмету. В самом деле, К. Маркс в поисках отмеченного общего отвлекается от потребительных стоимостей товаров, от предметов, данных первоначально в живом созерцании, от предметов, существующих независимо от исследователя. При абстрагировании же от потребительных стоимостей в товарах остается только одно, а именно то, что они — продукты труда. В этом контексте утверждение, что товары есть продукты труда, и выведено и не выведено из всего предыдущего движения мысли Маркса по предмету. Выведено оно постольку, поскольку уже из предыдущего хода мышления известно, что сущность — отрицание непосредственного, но вместе с тем сущность есть (это известно, так как уста-

новлена мера) и, следовательно, надо найти ее положительное содержание. Не выведено, ибо лишь обращение непосредственно к товару, данному в живом созерцании, в рамках отрицания потребительной стоимости, позволяет установить, что искомое общее есть результат продукта труда. В системе уже развитых логических определений первая сторона определения сущности оказывается полагающей рефлексией¹⁹, т. е. рефлексией, начинающейся с отрицания потребительной стоимости, а вторая сторона — внешней рефлексией, т. е. рефлексией, начинающейся с обращения к фактам. Познание сущности углубилось. Мысль продвинулась еще на шаг. Сущность уже не просто есть и есть отрицание, она теперь есть непосредственно и положительно (поскольку она невыводима из предшествующего логического движения и поскольку определяется не только путем отрицания потребительной стоимости, но и сама по себе). Но здесь непосредственное получено уже также и в результате отвлечения от качества, от бытия (товара как товара), от потребительной стоимости. Следовательно, это уже есть непосредственность сущности, а не качества.

Обнаружив, что товары как искомое общее есть результаты труда, Маркс продолжает: «Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех. составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда»²⁰.

Теперь во внешней рефлексии, т. е. в определении сущности, начинающемся с непосредственности, обнаруживается опосредование (продукт труда является двояким), отрицание. Следовательно, если сначала сущность

¹⁹ Под термином «рефлексия» в предлагаемой читателю работе подразумевается категория, в которой воссоздается определенный тип отношения сущности материального предмета к самой себе.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

фиксируется прежде всего как отрицание, затем в первую очередь как непосредственность и положительно, то теперь в самой этой непосредственности вскрывается отрицание и на первый план выходит е д и н с т в о сущности как непосредственности и отрицания. В терминологии Гегеля это есть о п р е д е л я ю щ а я р е ф л е к с и я. «Определяющая рефлексия есть вообще единство полагающей и внешней рефлексии»²¹.

Необходимо подчеркнуть, что полагающая и внешняя рефлексии до их единства и эти же рефлексии в их единстве не одно и то же. Полагающая рефлексия в контексте «Капитала» есть искомое общее, взятое в соотношении с отвлечением от потребительных стоимостей. Внешняя рефлексия есть общее как продукт, кристалл труда. Определяющая рефлексия есть общее как продукт, кристалл труда, взятого в отвлечении от его конкретных форм, в отвлечении от способности создавать потребительные стоимости. Мы видим, что мысль движется в определении существенного путем отрицания, отрицания. Но сам этот микровиток спирали есть лишь первое отрицание иного витка. Действительно, везде здесь сущность и несущественное, видимость предстают или безразличными друг другу, или сущность определяет несущественное отрицательно. Следовательно, первое отрицание сущностью бытия еще сохраняется. Сущность пока не показана в качестве положительно определяющей бытие. В этом смысле не совершен переход ко второму отрицанию. Он произойдет тогда, когда будет завершено рассмотрение сущности самой по себе и К. Маркс перейдет к изложению форм проявления сущности.

Продолжим анализ контекста «Капитала». Что остается определенного в результате отвлечения от полезного характера труда? «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду»²². И здесь, можно видеть, Что Маркс

²¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 475.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

все время имеет в виду реальный объект (товар, труд, производящий его), постоянно корректируя им движение мысли. С точки зрения именно логики (в ее специфике по отношению к гносеологии) новый ход мысли заключается в следующем: сущность определяется теперь уже прежде всего не по отношению к несущественному, а сама в себе, через отношение к тому, что не есть сущность. Различные виды труда берутся в отношении друг к другу и к своему продукту. Причем это рассмотрение осуществляется через отвлечение от полезного характера процессов и результатов труда. Таким образом, обнаруживается определенность сущности к себе и в себе самой (через соотношение с несущественным). Поэтому в чисто логическом отношении Гегель прав, когда он пишет, что «...определенность рефлексии есть *соотношение со своим инобытием в себе самой*»²³.

Далее Маркс переходит к рассмотрению получившихся остатков продуктов труда, т. е. к дальнейшему определению сущности в самой себе, соотносящейся в себе самой со своим инобытием. «От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишнего различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена - человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»²⁴.

Сущность (одинаковая предметность) выступает здесь как тождество с собой, тождество, лишённое различий, формы (сгусток лишнего различий труда). Но это тождество равно себе лишь в своем собственном отрицании (в отрицании полезного характера труда). Отрицание формы, различий затраты рабочей силы есть определение стоимости, т. е. сущности, есть равенство сущности самой себе. Кроме того, такое тождество есть существенное тождество (полученное путем снятия бытия), а не абстрактное. В абстрактном тождестве особо выделяется тождество, различие представ-

²³ Гегель. Соч., т. V, стр. 478.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

ляется существующим вне тождества, рядом с ним. Одинаковая предметность не есть что-то имеющееся наряду с различиями, а сама сущность как тождество есть в самой себе отрицание различий. Иначе говоря, одинаковая предметность есть сама лишенность различий человеческого труда, а не то, что остается после лишения различий. К. Маркс характеризует всю стоимость, всю сущность как тождество, а не тот или иной ее момент. По отношению к такой ситуации справедливо, на наш взгляд, замечание Гегеля: «Это тождество есть ближайшим образом сама сущность, ...есть вся рефлексия, а не различенный ее момент»²⁵.

В отличие от Гегеля Маркс воспроизводит не предмет вообще, а определенный предмет. Причем Маркс прежде всего стремится изобразить определенный предмет как специфическую ступень в процессе развития, отличающуюся от других ступеней. Поэтому сущность предстает не сущностью вообще, а сущностью специфической, отличной от сущности других ступеней процесса развития. Оказывается необходимым определить специфическую взаимосвязь, специфическое существование сторон именно на данной ступени развития. Недостаточно просто выделить общее данной ступени с другими ступенями. Маркс здесь идет дальше Гегеля и в чисто логическом плане. Эта новизна логического подхода К. Маркса существенно определяет его исследование. В данном случае такой подход обязывает доказать, что абстрактный труд есть труд, во-первых, имеющий общественный, характер, а, во-вторых, такой общественный характер, который присущ лишь капиталистической форме общества. Но это можно доказать, только изобразив всесторонне обмен товаров и сущность капитализма. Все это более сложные стороны предмета (капитализма), чем отдельный товар, и поэтому, естественно, они обсуждаются К. Марксом в последующих главах «Капитала».

Исторически определенная субстанция и ее результат пока еще не выступают для сознания читателя «Капитала» во всей своей исторической определенности; общественное образование (абстрактный труд), хотя уже и названо общественной субстанцией, но фактически оно определяется скорее с природной стороны (затрата челове-

²⁵ Гегель. Соч., т. V, стр. 483.

ческой рабочей силы вообще). Следовательно, существенное тождество одновременно выступает и как специфически историческая (поскольку общие указания на товар как на элементарную форму капитализма и на историчность капитализма позволяют догадываться о специфически историческом характере абстрактного труда) и как не общественно-историческая, и даже как не общественная. Возникает противоречие познания: существенное тождество представляется не имеющим исторической специфики и вместе с тем имеющим ее.

Уже существенное тождество содержит в себе различие, отрицательность (безотносительность к форме затраты рабочей силы). Назовем его различием существенного тождества. Безотносительность к форме затраты рабочей силы есть отрицательность, присущая одинаковому человеческому труду самому по себе, это не есть что-то отличное от абстрактного труда, а есть существенный момент его как одинакового, тождественного труда. Абстрактный труд как одинаковый, тождественный и есть здесь безотносительность к форме его затраты. Вместе с тем абстрактный труд не есть различный труд, не есть форма затраты человеческой рабочей силы, ибо от нее необходимо отвлечься. Следовательно, сущность есть здесь существенное тождество, а не существенное различие, хотя существенное тождество содержит в себе различие, отрицательность (безотносительность к форме затраты рабочей силы). Логика этого момента движения мысли была угадана Гегелем: «Различие есть та отрицательность, которая присуща рефлексии в себе; ничто, высказываемое посредством тождественной речи; существенный момент самого тождества, которое в одно и то же время определяет себя как отрицательность самого себя и различено от различия»²⁶. Различие в существенном тождестве есть здесь просто «не», без какого-либо дальнейшего определения. Но это различие есть в сущности, а не в непосредственно существующем. Сама сущность есть эта отрицательность.

Маркс показывает, что абстрактный труд далее выступает уже не только существенным тождеством, но и оказывается равным трудом, трудом, совершающим-

²⁶ Гегель. Соч., т. V, стр. 489.

ся при общественно средних условиях, т. е. существенным тождеством в разности. Прежде чем рассматривать это углубление мысли К. Маркса, заметим, что переход осуществляется в рамках вопроса: «Как же измерять величину ее (потребительной стоимости. — В. В.) стоимости?»²⁷. Следовательно, общее равной величины в соотношении различных определенных количеств, представшее в виде меры, единства количества и качества, превратилось затем в существенное тождество. Теперь речь идет о том, каково количество существенного тождества. Существенное тождество есть результат действия производящей субстанции (абстрактного труда), результат производящего его процесса. Иначе говоря, существенное тождество есть тождество происхождения. Вещи, происходящие из одного и того же, существенно тождественны. Их субстанция есть процесс их происхождения. И существенное тождество (стоимость) и производящая его субстанция (одинаковый человеческий труд) могут изменяться, оставаясь сами собой, т. е. только количественно. Величина количества существенного тождества измеряется величиной, количеством субстанции (величиной абстрактного труда). Величина субстанции измеряется продолжительностью ее действия, временем. Время же измеряется не чем-то отличным от него, а самим временем, его долями, которые составляют его масштаб. Время не есть просто продолжительность, а продолжительность действия определенной субстанции. В данном случае это есть рабочее время. Следовательно, время не есть пустая длительность, но оно связано, едино с определенной субстанцией. Масштаб же времени — чисто внешнее количественное разделение для количества данной субстанции. Величина существенного тождества (величина стоимости) оказывается внутренним количеством по отношению к внешнему количеству (к количеству меновой стоимости и к масштабу времени).

Выше мы могли видеть, что мысль Маркса двигалась от существенного тождества к различию существенного тождества, непосредственно единого с существенным тождеством. Переход от характеристики

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

стоимости, поскольку она образуется абстрактным трудом, к стоимости как результату равного труда, т. е. труда, совершающегося при общественно средних условиях, есть переход к определению сущности в рамках прежде всего логической категории *р а з н о с т и*. Действительно, «тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы»²⁸. Вся рабочая сила общества выступает одной рабочей силой, а каждая индивидуальная рабочая сила предстает одинаковой со всеми другими индивидуальными рабочими силами, ибо она берется в качестве общественно средней. Существенное тождество (одинаковый труд) соотносится само с собой. Но общественно средняя рабочая сила производит товар в течение общественно необходимого времени. «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»²⁹. Условия производства, умелость труда есть форма затраты человеческой рабочей силы. В этом определении форма затраты человеческой рабочей силы, полезный характер труда уже не просто исключается и остается в стоимости простым «не», простым отрицанием. Она уже не просто отрицается, но сама включается в стоимость. Однако включается в сущность как нечто безразличное, равнодушное по отношению к одинаковому труду, лишь необходимо присутствующее в последнем. Следовательно, существенное тождество выступает в моменте тождества, соотносящегося с самим собой, и в моменте различия, уже не являющегося простым «не». Момент различия соотносится сам с собой и безразличен, равнодушен к моменту тождества. Сущность оказывается теперь разностью, т. е. единством противоположных моментов (тождества и различия) и безразличием различия к тождеству. Позднее (на стр. 53) К. Маркс характеризует отношение этих моментов как отношение противоположностей (подробнее об этом будет сказано позже). Здесь же Маркс ограничивается рассмотрением

²⁸ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

²⁹ Там же.

сущности как разности. Развивая мысль, Маркс приводит лишь пример³⁰, из которого следует, что общественно необходимое рабочее время изменяется с изменением производительной силы труда, т. е. с изменением формы затраты человеческой рабочей силы. Следовательно, форма затраты человеческой рабочей силы уже не просто безразлично присутствует в существенном тождестве, а момент различия образует, создает момент тождества. Существенное тождество оказывается противоречием: момент различия (форма затраты человеческой рабочей силы) созидает противоположный момент, тождество (общественно одинаковый труд) и вместе с тем момент тождества остается тождеством. Различие исключает из себя тождество в том же отношении и тогда же, когда и в каком отношении содержит в себе тождество. Однако Маркс отвлекается тут от противоречивости сущности, поясняя ее только примером, и определяет сущность по преимуществу как разность. Это происходит потому, что прежде всего требуется определить стоимость в ее постоянстве, т. е. взять ее в качестве данной. Значит и общественно необходимое рабочее время фиксируется не как изменяющееся, а как данное, постоянное. В свою очередь необходимость такого определения стоимости диктуется тем, что речь идет о товаре — бытии и капитала, следовательно, о товаре как непосредственно данном, устойчивом в пределах капитала.

Таким образом, бытие предмета имеет само свое бытие и свою сущность, но поскольку изображается бытие предмета, его (бытия предмета) сущность раскрывается как существенная разность, но не как противоречие в сущности (противоположность бытия предмета будет рассмотрена ниже). Так как общественно необходимое рабочее время предполагается постоянным для совокупной рабочей силы, то влияние полезной формы затраты человеческой рабочей силы (производительной силы труда) на стоимость распространяется лишь на изменение стоимости отдельных товаров. Изменяется не стоимость в целом, а стоимость, приходящаяся на определенный товар, на часть товарного мира. И действительно, основной вывод из раздела

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47—48.

«Капитала», следующего за уже обсуждавшимся нами разделом, таков: «Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре»³¹. Следовательно, при этих условиях существенное тождество не изменяется в целом, момент различия приводит лишь к изменению его частей, к изменению степени существенности частей сущности.

Весьма характерно, что в логике «Капитала» Маркса именно момент различия в противоречии, а не момент тождества есть определяющая сторона противоречия. Причем момент различия существует потому, что изучаемая (общественная) система возникает и существует на базе внешней по отношению к ней системы (отношения человека к природе) и именно последняя из названных систем, преломляясь через первую, образует момент различия в изучаемой системе.

В логике Гегеля, где объектом служит предмет вообще, а не определенная ступень в развитии, такое констатирование разной роли моментов противоречия в его развитии, естественно, отсутствует. Только Маркс, исследовавший логику дела, логику исторически развивающегося предмета, внес этот вклад и в дело логики. Учение о разной роли моментов противоречия в его движении есть специфическое приобретение марксистской логики. Определяющая роль различия в противоречии может быть обоснована логически. Действительно, категория меры со стороны качества превращается в существенное тождество. Со стороны количества она сначала становится различием существенного тождества, затем разностью.

Таким образом, существенное тождество есть отрицание меры и как бы возвращение к качеству. Различие — отрицание меры и как бы возвращение к количеству. Качество и безразличное количество были непосредственно безразличны друг к другу. В мере их безразличие было снято, и образовалось единство, принадле-

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.

лежащее к сфере, непосредственного. В разности на новой основе, в сфере сущности, и в форме безразличия тождества и различия происходит «возвращение» к отношению качества и безразличного количества. В противоречии осуществляется «возвращение» к мере, но это только как бы «возвращение», ибо собственно противоречие обнаруживается лишь в сфере сущности. Различие в сфере сущности играет ту же роль (активную), которую количественные изменения играли в сфере непосредственного, они приводят к отрицанию сущностью самой себя. Различия сначала безразличны к существенному тождеству, но до определенного, так сказать, предела. Как только различия достигают определенного «предела», они выводят предмет за рамки данного существенного тождества. Различие, достигшее указанного предела, есть внутреннее единство положительно формирующих друг друга тождества и различия, т. е. есть противоречие. А противоречие (об этом см. в главе III) представляет собой зрелую форму отрицания сущностью данного предмета самой себя. Следовательно, закон перехода количественных изменений в качественные, выступает в сфере сущности как закон отрицания сущностью самой себя вследствие развития различия в сущности. С этим обстоятельством внутренне связано утверждение, что именно борьба, а не единство является активным моментом в соотношении противоположностей. Таким образом, логика «Капитала» и последовательнее и глубже, чем логика Гегеля.

Разобрав первый фактор независимо от второго, установив внешнюю связь первого и второго фактора Друг с другом (носитель и носимое), изложив второй фактор в его относительной самостоятельности, Маркс в заключение резюмирует связь факторов: первый фактор, но уже не в качестве фактора, стороны простейшего отношения исследуемого предмета, может существовать без второго, второй же не может существовать без первого. Однако если необходимая зависимость второго фактора от первого констатируется, то влияние второго фактора на первый еще не включено в сферу изложения.

Таким образом, рассматривается движение мысли от бытия (первого фактора) к сущности (второму фак-

тору), сущность выводится из бытия и изображается сама по себе. Но еще не воссоздается процесс, в котором сущность положительно формирует бытие.

§ 5. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР СУБСТАНЦИИ

Во втором параграфе первой главы «Капитала», к логическому анализу которой мы приступаем, К. Маркс более подробно, чем прежде, останавливается на двойственном характере труда, заключающегося в товарах. «Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно»³².

Стоимость есть сущность товара. Абстрактный труд — субстанция, или причина, производящая сущность. Потребительная стоимость есть качество товара. Конкретный труд представляет собой формальную субстанцию, или причину, производящую качество, чувственно воспринимаемую форму. Субстанция двойственна.

Товар является бытием капитала. Следовательно, речь идет о сущности и субстанции бытия предмета. Характеристика сущности и субстанции, бытия предмета имеет известную специфику. В рассматривавшемся нами выше тексте «Капитала» мы могли видеть, что Маркс остановился на определении сущности как существенной разности. Выяснение о т н о ш е н и я сущности и субстанции также своеобразно. А именно. Главная задача, стоящая в этом случае перед мыслителем, — изображение сущности, а не ее субстанции. Субстанция важна лишь постольку, поскольку она сохраняется в своем р е з у л ь т а т е, в с у щ н о с т и. Субстанция раскрывается со стороны момента ее завершенности, фиксированности. Субстанция как процесс еще, естественно, не привлекает внимания. К. Маркс в первой главе еще не исследует производство, сам процесс труда. Там, где К. Маркс характеризует товар как бытие капитала, о производстве самом по себе, о процессе производства (будь то простое товарное или капиталистическое производство) нет и речи. Если же говорится о труде, то только с точки зрения его закреплённости, завершенности в результате, в продукте труда. При этом констатируется отно-

³² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 23, стр. 50.

щение сущности и субстанции как отношение, результата и процесса, производимого и производящего; фиксируется также субстанция формальная, т. е. производящая чувственно воспринимаемую форму (потребительные стоимости), поскольку она сохраняется в своих результатах. Но сам процесс, процесс действия субстанции не становится объектом внимания, что совершенно закономерно. Тем не менее, так как речь идет о результате процесса, сам процесс не может быть абсолютно исключен из поля зрения. Чрезвычайно существенно то обстоятельство, что мысль Маркса идет от изображения результата к процессу, взятому в той степени, в какой он закрепляется в результате³³.

Изображение сущности и субстанции товара противоречиво: сущность и субстанция выступают и чем-то опосредованным и чем-то непосредственным. Эта противоречивость отражает двойственное, противоречивое существование товара в капиталистическом обществе: товар есть товар и вместе с тем товар есть элементарная форма именно капиталистического богатства.

Что же нового в логическом отношении, мы находим здесь по сравнению с предыдущим параграфом первой главы «Капитала»? Раньше речь шла о нахождении сущности и ее субстанции — две стороны субстанции брались вместе, одновременно. Теперь, когда двойственность субстанции найдена и предстоит более подробно изложить в общих чертах уже известное, Маркс сначала раскрывает одну сторону субстанции и лишь затем другую. При этом он не просто показывает, что определенное качество (какая-либо потребительная стоимость) создается определенного рода субстанцией, или определенной формальной причиной, но перечисляет основные моменты «механизма» действия формальной причины. Род производительной, трудовой деятельности «определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом»³⁴. Кроме того, фиксируется, что качественное различие результатов обусловлено качественным различием производящих их формальных субстанций и что без качественного различия

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46—47.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 50.

не может быть и соизмерения. В совокупности разных качеств обнаруживается совокупность различных видов формальной субстанции. Последняя служит условием существования субстанции, производящей существенно общее, напротив, эта последняя не образует условия существования формальной субстанции. «В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда»³⁵.

Субстанция, поскольку она порождает первый фактор элементарной формы исследуемого предмета, существует до образования той ступени развития, на которой возникает второй фактор, и является условием существования второго фактора. Первый фактор простейшего отношения, или потребительная стоимость, состоит из материального субстрата, существующего от природы, и полезной формы труда, преобразующего природный материал.

Далее Маркс разбирает второй фактор элементарной формы, или сущность бытия предмета. Он предполагает, что имеются две элементарные формы предмета. Например, 2 *A* существенно тождественны 1 *B*. Как существенно тождественные, *A* и *B* имеют одну и ту же субстанцию. Вместе с тем они качественно различны, различны и виды субстанций, их породившие. Маркс показывает, что существуют различные виды субстанции, производящей первые факторы. Кроме того, разные виды этой субстанции могут превращаться друг в друга. Если абстрагироваться от видов формальной субстанции, то остатком будет одна и та же субстанция. «...В стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. ...Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием»³⁶.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 50.

³⁶ Там же, стр. 53.

В этом параграфе К. Маркс снова определяет сущность как существенное тождество, различие вообще и как существенную разность. Но он идет дальше, говоря о простом и сложном труде: «*Простой средний труд*, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого»³⁷. Простой и сложный труд есть различие в одном и том же, в существенном тождестве, причем специально фиксируется уже и различие, и тождество. Простой средний труд не есть сложный, а сложный не есть простой. Но простой средний труд имеется потому, что существует сложный, а сложный потому, что имеется простой средний труд. Одно существует потому, что исключается другое, но при этом и то и другое в отрицательном единстве без различия друг к другу. Это отношение противоположностей. Однако противоречие здесь еще не является предметом внимания. Простой и сложный труд были бы взяты в отношении противоречия, если бы они не просто приравнивались друг к другу, а прослеживалось их взаимопревращение, если бы исследовалось изменение простого среднего труда в различных странах и в различные культурные эпохи. Маркс же определяет простой средний труд в качестве постоянного, данного для определенного общества. Таков необходимый угол зрения, ибо объект — бытие капитала, т. е. товар как данный, постоянный в изучаемом предмете. Следовательно, пока сущность рассматривается в качестве данной, в качестве сущности бытия предмета, наиболее глубоким из выявленных отношений сущности оказывается противоположность.

Качественно различные соизмеряющиеся вещи³⁸, например A и B , имеют сущности определенной величины. Предположим, что $2A=1B$. Разница в величине их сущ-

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 53.

³⁸ Под словом «вещь» здесь и далее подразумевается любое устойчивое образование, будь то продукт действия природы или общественный продукт. С этой точки зрения товар есть также вещь.

ности состоит в том, что в *A* содержится в два раза меньше производящей субстанции, чем в *B*. Вещи, содержащие одну и ту же субстанцию, в определенных пропорциях равны друг другу.

Если сила, эффективность формальной стороны субстанции (в данном случае производительная сила труда), порождающей *A* неизменна, то величина сущности растет прямо пропорционально количеству вещей *A*. Если она уменьшается, то большее количество *A* соизмеряется с тем же количеством *B*. И наоборот.

Одна и та же субстанция (труд) имеет двойственный характер: с одной стороны, она представляет собой формальную производящую причину, с другой стороны, она есть причина, производящая данную сущность, причем количественно определенную и измеряемую временем в течение которого действует производящая ее субстанция. Та и другая сторона воплощаются в одной и той же вещи.

Чем эффективнее действие формальной субстанции, тем в большем внешнем количестве она воплощается. В таком случае то же самое внутреннее количество (величина стоимости) проявляется в большем внешнем количестве (в возросшей массе потребительных стоимостей). Эффективность действия формальной субстанции есть ее формальная сторона, и результат ее — различные вещи. Поскольку же вещи берутся с точки зрения сущности, постольку они есть результаты действия производящей субстанции вообще.

Выше речь шла сначала о бытии товара в его относительной самостоятельности к сущности, затем о сущности самой по себе (сущности как простом отрицании бытия, существенном тождестве, существенном различии, существенной разности, существенной противоположности и о противоречии в сущности в форме примера). Теперь Маркс фиксирует, что возросшему внешнему количеству может сопутствовать понижение его внутреннего количества. Это происходит в силу двойственности субстанции: с одной стороны, она производит бытие бытия предмета, а с другой стороны — сущность бытия предмета. Но так как сущность не берется еще в качестве существенного противоречия, а предполагается данной,

то не принимается во внимание и воздействие первой из названных сторон субстанции на вторую. К. Маркс пишет, что «изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы»³⁹.

Следовательно, субстанция (абстрактный труд) в равные промежутки времени образует одно и то же внутреннее количество (величину стоимости), воплощающееся в различных внешних количествах. При этом предполагается изменяющейся только та сторона субстанции (производительная сила труда), которая созидает бытие, внешнее количество. Если эффективность действия этой стороны субстанции увеличивается или уменьшается, то соответственно уменьшается или увеличивается величина внутреннего количества, приходящаяся на ту же самую сумму внешних количеств.

Подводя итог, Маркс кратко определяет двойственность субстанции, и тут особенно отчетливо выступает уже обсуждавшееся выше необходимое противоречие познания: особая форма общественного характера труда, форма, присущая лишь одной формации общества, предстает в качестве природного характера субстанции или же во всяком случае в качестве характера субстанции, имеющегося на всякой стадии общественного развития: «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в ф и з и о л о г и ч е с к о м (разрядка моя. —В. В.) смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»⁴⁰.

Итак, углубление мысли К. Маркса по сравнению с предыдущим параграфом первой главы заключается, во-первых, в более подробном рассмотрении двойственного характера субстанции, а во-вторых, и это самое

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 55.

⁴⁰ Там же.

важное, на наш взгляд, сущность (стоимость) предстает не только существенным тождеством, различием, существенной разностью, но теперь уже и единством противоположностей.

§ 6. СУЩНОСТЬ НАЧАЛА КАК ОСНОВАНИЕ. УСЛОВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ СУЩНОСТИ

Мы уже говорили о том, что Маркс изображает сущность (стоимость) в качестве данной, постоянной, и что такой подход необходим, ибо товар, а значит и стоимость, интересует исследователя не сам по себе, а как бытие, непосредственное существование капитала. Поскольку же этот товар есть также и просто товар, особый предмет, то Маркс раскрывает его сущность, но в тех пределах, в каких она обнаруживается, будучи взята постоянной, данной. Наибольшая глубина раскрытия сущности в таком случае — существенная противоположность. Если бы К. Маркс рассмотрел в первой главе стоимость как собственно противоречие, как порождение и исключение противоположными сторонами друг друга в одно время и в одном и том же отношении, — то тем самым стоимость как таковая была бы понята уже не в качестве чего-то данного, а в качестве изменяющейся. Но это возможно лишь тогда, когда исследователь перешел непосредственно или к характеристике простого товарного производства, или к рассмотрению развития капиталистического производства. Между тем в первой главе К. Маркс не разбирает ни вопросы простого товарного, ни вопросы капиталистического производства.

Сущность, познанная в ее противоречивости, выступает в самодвижении, в процессе действия производящей субстанции. Импульс движения и основание сущности обнаруживается в ней самой, она сама служит своим собственным основанием. При рассмотрении сущности бытия предмета К. Маркс минует противоречие сущности бытия, не останавливается на противоречии как основании, а сразу приступает к отношению основания и обоснованного. Сначала сущность (стоимость) выступает и основанием, и обоснованным. Обоснованное есть все ранее выделенные определения сущности (сущность сама по себе, существенное тождество, существен-

ное различие и т. д.). Основание есть отношение сущности к самой себе. Ранее выделенные определения сущности выступают в качестве форм сущности, форм в отношении к сущности. При этом в отношении «форма — сущность» и форма и сущность есть одно и то же, каждая форма сущности есть вся сущность в определенной форме.

У Маркса в характеристике сущности товара этот переход мысли специально не выделяется в его развитом виде, что совершенно естественно и связано с принципиальным отличием логики Маркса от логики Гегеля. В «Капитале» предпосылка предмета сама представляет собой особый предмет. Так как речь идет о сущности бытия и потому сущность бытия предмета не изучается в качестве противоречия, то и переход от противоречия к основанию не изображается в развитом виде.

Тем не менее движение мысли к основанию и к отношению «форма — сущность» в «Капитале» имеется. При переходе к рассмотрению формы стоимости, или меновой стоимости предыдущее изложение сущности представляется в новом свете. Стоимость (сущность) выступает в качестве основания, а форма в качестве обоснованного. Основание от обоснованного и обоснованное от основания еще ничем определенным не различаются. Единственный аспект формы, какой здесь обнаруживается, это определенности сущности по отношению к самой сущности, оформленность сущности в самой себе и самой по себе. Следовательно, сущность есть форма, форма есть сущность, сущность оформлена, а форма существенна.

Но так как Маркс в противоположность Гегелю изображает реальный предмет, независящий от познающего, то он обращается к данным живого созерцания и к уже установленным определениям предмета. Именно на таком пути выявляется новая определенность формы и ее отношения к сущности. Маркс выше установил, что товары являются товарами, если они одновременно есть и предметы потребления и носители стоимости. Поэтому форма товара — двойная: натуральная форма и форма стоимости. Вслед за этим Маркс обращается к отношению натуральной формы и стоимости. Стоимость в отличие от чувственной предметности товарных тел неуловима, если чувственно воспринимается отдельный

товар. Сущность (стоимость) предстает по отношению к форме (натуральной форме) бесформенной неопределенностью, или, иначе говоря, материей. (Нетрудно заметить, что здесь термин «материя» имеет совсем иной смысл, нежели при рассмотрении отношения материи и сознания.) Форма (как натуральная форма т о в а р а) предполагает названную материю. Материя предполагает эту форму. Натуральной формы т о в а р а нет без стоимости, стоимости нет без натуральной формы товара. Вместе с тем материя (сущность как бесформенное неопределенное) безразлична к форме, а форма к материи. Стоимость товара безразлична пока к его натуральной форме и наоборот. Они не формируют друг друга, хотя и предполагают друг друга.

Следовательно, основание и обоснованное определяются уже не просто как тождественные друг другу (отрицание же их друг другом не просто как неопределенное отрицание). Основание и обоснованное теперь различаются как безразличные друг другу, но предполагающие друг друга. З д е с ь в ы с т у п и л о о т н о ш е н и е «ф о р м а - м а т е р и я». Это первое отрицание.

Стоимость неуловима, пока берется отдельный товар. Так как стоимость есть общественное отношение, то и проявляется она в этом отношении товаров друг к другу. Форма стоимости не есть стоимость, но она и не безразлична к стоимости, а есть форма с т о и м о с т и. Форма стоимости и есть и не есть стоимость. Стоимость же оформляется уже не только внутри себя, а и вовне, она оформляется в форме стоимости именно как стоимость. Форма сущности тут не тождественна сущности, как раньше в отношении «форма — сущность». Форма сущности и тождественна сущности и одновременно в том же самом отношении исключает сущность. Следовательно, сущность предстает в качестве содержания. Сущность оформлена вовне, вместе с тем форма есть не безразличие к сущности, а форма сущности. Прежние два отношения (форма—сущность, форма—материя) снимаются в отношении «форма — содержание». Это отрицание отрицания.

Внешне ход мысли в разобранной части параграфа «форма стоимости», или меновая стоимость выглядит так: от простого названия и констатации двойственности формы товара через отрицание обстоятельств, при кото-

рых сущность не проявляется (соответствует характеристике отношения «форма—материя») к определению условий проявления сущности (соответствует характеристике отношения «форма — содержание»).

Далее Маркс ставит вопрос об объяснении формы стоимости, исходя из содержания, из стоимости. «...Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»⁴¹.

В отношении «форма — содержание», взятом со стороны формы, речь шла о том, что есть форма в связи с содержанием. И ответ был самым общим. Теперь вопрос заключается в том, как форма возникает из содержания. Ответ в рамках общего отношения «форма—содержание» тавтологичен: форма стоимости происходит из стоимости. Основание, содержание (стоимость) в п р о ц е с с е обоснования выступает тождественным обоснованному, форме. Это то, что Гегель называл ф о р м а л ь н ы м о с н о в а н и е м.

Далее содержание основания и содержание обоснованного выступают безразличными друг другу. «Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости»⁴². Обоснованное (денежная форма стоимости) получает свою собственную определенность еще не из основания, а в сравнении с натуральными формами товаров. Основание и обоснованное предстали разными по содержанию. Они еще безразличны друг к другу и обоснование остается еще простой тавтологией. Гегель называет подобное отношение основания к обоснованному р е а л ь н ы м о с н о в а н и е м.

Непосредственно вслед за приведенными словами Маркса читатель находит: «Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие

⁴¹ К. М а р к с и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 56—57.

⁴² Там же, стр. 57.

выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»⁴³.

Тут дано общее указание на процесс обоснования, в котором из содержания основания выводится и объясняется не то же самое и не безразличное к основанию содержание обоснованного, а такое содержание обоснованного, которое в своем различии с содержанием основания не безразлично последнему, а полностью выведено из него. Гегель фиксирует этот процесс термином «п о л н о е о с н о в а н и е».

Далее К. Маркс рассматривает условия проявления сущности. «Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара»⁴⁴. Объект внимания — вся совокупность условий п р о я в л е н и я сущности, причем условий простейшего проявления сущности. Наличие всех условий проявления и есть выражение сущности. Теперь ход мысли Маркса воспринимается уже под углом зрения не формы, а условий и их отношения с основанием. Условия проявления стоимости есть во-первых, наличие потребительной стоимости, и не одной, а по крайней мере двух различных потребительных стоимостей; во-вторых, наличие стоимостного отношения. В категориальном аспекте р е ч ь и д е т п р о с т о о б у с л о в и и у с л о в и и к а к о т н о ш е н и и о с н о в а н и я.

У с л о в и е. Без, по крайней мере, двух различных потребительных стоимостей невозможно проявление стоимости. Следовательно, наличие потребительных стоимостей есть предпосылка стоимости как основания формы проявления. Стоимость не есть основание потребительной стоимости товара в качестве потребительной стоимости. Потребительная стоимость выступает непосредственно. Ее основание здесь не изучается. Потребительная стоимость безразлична к своему соотношению

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 57.

⁴⁴ Там же.

со стоимостью, но вместе с тем она соотносится со стоимостью, хотя это соотношение внешне потребительной стоимости. Рассмотрим то же самое в категориальном плане. Имеется условие, без которого невозможно проявление сущности. Значит условие есть предпосылка (основания как основания формы проявления. Условием является непосредственное, многообразное наличное бытие. Это непосредственное соотносено с основанием, но не со своим основанием; у непосредственного в силу его непосредственности основание отсутствует. Условие есть предпосылка сущности как основания формы проявления, т. е. условие соотносится с основанием. В этом отношении условие, будучи непосредственным, остается безразличным основанию и выступает безусловным.

С о о т н о ш е н и е о с н о в а н и я. Однако если проявления стоимости нет без потребительной стоимости, то проявление стоимости существует не вследствие потребительной стоимости, а вследствие стоимости. Именно стоимостное отношение товаров или с о о т н о ш е н и е стоимостей есть то, что создает форму проявления стоимости. Товары тождественны в стоимостном отношении. Стоимостное отношение здесь простое соотношение стоимостей в их существенной, стоимостной тождественности. Именно само стоимостное отношение создает форму стоимости и в этом значении стоимостное отношение безусловно, стоимость соотносится лишь с собой, Поэтому стоимостное отношение имеет здесь содержание безусловное по отношению к условию. Содержание стоимостного отношения есть содержание стоимости как основания, а содержание потребительной стоимости есть здесь непосредственный материал, этот- материал является внешним для стоимости, и вместе с тем входит в форму стоимости, является ее моментом. (В стоимостном отношении находятся т о в а р ы.)

С категориальной точки зрения эта картина представляется следующим образом. Формы, проявления нет без условия, но форма проявления существует не потому, что есть условие, а потому, что есть основание. Соотношение основания образует форму его проявления. Соотношение основания есть тут всего лишь пустое движение соотношения сущностей в их существенной тождественности. Все же именно соотношение основания создает форму проявления и есть форма проявления.

Поскольку основание соотносится с собой, постольку оно безусловно. Соотношение основания обладает своим собственным содержанием в противоположность условию. Первое есть содержание основания. Условие же есть непосредственный материал, являющийся внешним для основания, и в то же время входящий в содержание соотношения основания. Таким образом, условие и основание и безразличны друг другу, безусловны, непосредственны и опосредованы друг другом, причем в одном и том же соотношении основания. Это первое отрицание неразличенного единства условия и основания.

Коль скоро форма стоимости осуществляется, становится действительностью, потребительная стоимость и стоимость выступают лишь м о м е н т а м и формы, а не безразличными друг к другу. Потребительная стоимость, если определяется исключительно форма проявления стоимости, имеет значение лишь постольку, поскольку в ней выражается стоимость, но не сама по себе; стоимость важна только с точки зрения того, что она выражается в потребительной стоимости, а не сама по себе. Следовательно, потребительная стоимость и стоимость при рассмотрении формы стоимости представляются существующими только друг через друга; они сливаются в целое, взаимно предполагают друг друга, полагают себя через отрицание друг друга. Основание и условие «снижаются» друг другом, превращаются в моменты целого. Форма проявления реализуется, выходит в существование. Все условия ее имеются в наличии. Происходит отрицание отрицания соотношения условия и основания.

Переход к исследованию формы стоимости не означает, что понятие стоимости остается тем же самым, или, иначе говоря, что понятие стоимости независимо от понимания формы стоимости. Рассмотрение формы стоимости есть вместе с тем развитие понятия стоимости. Соотношение товаров выступает существенно важным для определения самой стоимости.

Можно видеть, что в логике «Капитала» более глубокие категории витка спирали обозначают иное реальное содержание, чем менее глубокие категории того же витка, ибо переход от одного категориального отношения к другому возможен лишь в процессе переработки данных живого созерцания,

§ 7. ЯВЛЕНИЕ. ФОРМЫ ЯВЛЕНИЯ

Исходя из бытия, непосредственного, и обнаружив сущность в бытии, Маркс затем раскрыл сущность самую по себе. После этого мыслитель возвращается к бытию, теперь уже на основе знания сущности. Бытие фиксируется под углом зрения проявления в нем сущности, т. е. объектом становится обнаружение сущности в бытии. Существенное бытие, существенное непосредственное и есть явление сущности. В дальнейшем К. Маркс анализирует формы явления.

Выше мы отмечали, что движение мысли от сущности к непосредственному позволяет понять сущность в ее непосредственности, видимости. В категории видимости фиксируется непосредственность сущности, сущность, поскольку она дана непосредственно, но еще специально не выделяется «механизм» движения от сущности к непосредственному. В категории явления уже выделяется этот «механизм», а потому и видимость понимается более глубоко и расчлененно.

В гегелевской логике отсутствует характеристика форм явления. Детальный логический анализ форм явления составляет одну из величайших заслуг К. Маркса в области логики.

А. Простая, или случайная форма сущности

Изложение явления начинается с простейшей формы: x товара $A = y$ товара B .

Лишь в форме проявления товар выступает в качестве вещи в о б щ е. (Напомним, что мы имеем в виду не специфику природной вещи, а именно вещь вообще. В этом смысле вещью может быть и природное, и общественное, и мыслительное образование). Правда, уже только приступая к определению потребительной стоимости, Маркс писал: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь...»⁴⁵. Но в виду имела с я п р и р о д н а я вещь, да к тому же,—что здесь для нас и важно—не природная вещь к а к т а к о в а я, а только непосредственность природной вещи. Если бы К. Маркс исследовал природную вещь как таковую, он перестал бы быть политэкономом, а стал бы естествоиспытателем. Непо-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

средственность вещи.л вещь в- ее сущности — не одно и то же. Пока К. Маркс излагал потребительную стоимость, товар представлялся непосредственным, бытием, а не вещью вообще. Когда же воссоздавалась сущность товара, то она определялась независимо от потребительной стоимости и потому опять-таки не характеризовалась как вещь. И только в стоимостном отношении товар впервые предстал непосредственным единством потребительной стоимости и стоимости. Действительно, и о товаре *A*, и о товаре *B* мы знаем, что они состоят из потребительной стоимости и стоимости. Нам известно также, что такое стоимость и потребительная стоимость. Знание о потребительной стоимости и стоимости здесь уже опосредовано предыдущим ходом мысли. Однако ближайшим образом отношение потребительной стоимости и стоимости, например товара *A*, еще не опосредовано формой проявления, «механизмом» этой формы. Поэтому товар *A* (а также товар *B*) в отношении равенства к другому товару и оказывается непосредственным единством потребительной стоимости и стоимости. В отдельно взятом товаре нельзя отличить оба фактора друг от друга.

Итак, сущность, получившая проявление, ближайшим образом есть непосредственное единство сущности и ее непосредственности, т. е. вещь. Вещь не есть непосредственное, ибо она включает в себе уже и непосредственность и сущность, опосредование. Опосредование исчезает лишь ближайшим образом, в явном виде. Товар как вещь есть уже член стоимостного отношения, но взятый до стоимостного отношения. Товар как вещь есть возможность товара, а существование товара — это товар в осуществившемся стоимостном отношении.

Если проанализировать товар сам по себе в качестве члена стоимостного отношения, то стоимость будет вещью-в-себе⁴⁶, а потребительная стоимость — внешним существованием. Стоимость здесь соотносится, но вместе с тем она дана, непосредственна. Стоимость то-

⁴⁶ Термин «вещь-в-себе» приобретает в системе категорий дополнительный смысл, отнюдь не противоречащий пониманию «вещи-в-себе» как чего-то еще непознанного. Естественно, что этот смысл раскрывается в контексте изложения системы логики.

вара *A* есть вещь-в-себе. Категории — вещь, вещь-в-себе, внешнее существование — выступают тогда, когда товар берется уже не просто сам по себе, а когда охарактеризованы все условия проявления стоимости и товар, взятый сам по себе, вместе с тем оказывается включенным в стоимостное отношение товаров. Следовательно, вещь, вещь-в-себе, внешнее существование фиксируют товар не просто в качестве отдельного товара, а определяют товар в качестве члена существенного отношения. Вещь-в-себе есть сущность в члене существенного отношения, а внешнее существование (в данном случае потребительная стоимость) есть несущественное в члене существенного отношения. Вещь-в-себе не есть основание внешнего существования этой вещи, вещь-в-себе, справедливо замечает Гегель, есть «неподвижное, неопределенное единство...»⁴⁷. Ибо существенное члена существенного отношения не получило еще определенности в существенном отношении, так как не проявилось в последнем. Товар *A* и товар *B* в отношении *x* товара $A=y$ товара *B* представляют собой вещи вообще, их стоимости есть вещи-в-себе, а потребительные стоимости — внешние существования. Впредь мы и будем называть товар вещью, подразумевая под этим термином вышеуказанный смысл. Еще раз подчеркнем, что здесь не идет речь о п р и р о д н о й в е щ и: природная вещь сама, естественно, есть вещь, т. е. единство непосредственности и сущности, но при рассмотрении товара ее природная сущность оказывается несущественной, природная вещь фигурирует в качестве простой непосредственности.

Таким образом, вещь есть непосредственное единство непосредственности (потребительной стоимости) и сущности (стоимости). Вещь есть то, что находится в существенном отношении к другой вещи, то что берется как член существенного отношения до специального изучения самого этого отношения. Дальнейший анализ существенного отношения обнаруживает, что вещь есть, с одной стороны, вещь-в-себе, а с другой — внешнее существование. Вещь-в-себе представляет собой сущность, но взятую уже не только саму по себе, а в связи с движением от сущности к явлениям, в связи с сущест-

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 578.

венным отношением. Вещь-в-себе, т. е. сущность сама по себе, как таковая и в то же время в связи с существенным отношением, есть противоречие. Вещь при таких условиях предстает перед познающим неопределенным единством. Внешнее существование познается при тех же обстоятельствах и есть несущественность вещи в связи с существенным отношением. Простейшее отношение вещей есть отношение двух вещей в существенном отношении. Например, x товара $A = y$ товара B . Стоимость x товара $A =$ стоимости y товара B . По стоимости обе части равенства равны. Следовательно, вещи-в-себе не различаются не только внутри себя, но и по отношению друг к другу. Но стоимость товара A выражается в потребительной стоимости товара B , а стоимость товара B в потребительной стоимости товара A . Таким образом, вещь-в-себе каждой вещи различается не по отношению к себе, не по отношению к вещи-в-себе, а к некоторому другому внешнему существованию. Само другое внешнее существование (потребительная стоимость товара, в которой выражается стоимость иного товара) есть лишь форма проявления вещи-в-себе. Следовательно, другое внешнее существование имеется лишь в соотношении с вещью-в-себе. Вещь-в-себе в другом внешнем существовании соотносится с собой.

Отличие стоимости товара A от стоимости товара B обнаруживается через соотношение стоимости товара A с потребительной стоимостью товара B и стоимости товара B с потребительной стоимостью товара A . В категориальном аспекте суть дела заключается в том, что вещь-в-себе, соотносясь с собой в другом внешнем существовании, начинает отличаться и от другой вещи-в-себе. Две вещи-в-себе отличаются друг от друга внешним существованием. «Определенность разных вещей-в-себе по отношению друг к другу имеет поэтому место во внешней рефлексии»⁴⁸. Это утверждение Гегеля точно передает суть дела, если только иметь в виду под термином «рефлексия» не исключительно мыслительное образование, а отражение (от лат «reflexio» — отражение) друг в друге сторон реальной, действительной сущности. Каждая вещь-в-себе определена в существенном отношении не через себя, а через другое внешнее существ-

⁴⁸ Гегель. Соч., т. V, стр. 579.

вание. Вместе с тем в существенном (стоимостном) отношении вещи-в-себе не различаются друг от друга. Если имеется соотношение вещи-в-себе с другим, а именно с другим внешним существованием, если в этом соотношении вещь-в-себе, относясь к другому, соотносится сама с собой, то такое отношение есть *с в о й с т в о*. Иначе говоря, *с в о й с т в о* есть отношение вещи-в-себе к другому, в котором вещь-в-себе сохраняет себя. «Вещь обладает свойством вызывать то или иное в другом и проявляться своеобразно в своем соотношении с другими вещами. Она обнаруживает это свойство лишь при условии наличия соответствующего характера другой вещи, но оно вместе с тем ей *свойственно* и есть ее тождественная с собою основа...»⁴⁹. Свойства вещи-в-себе не есть нечто внешнее вещи, а есть стороны самой вещи-в-себе. Вещь-в-себе оказывается тождеством в соотношениях с другим. Свойство выступает тождественным вещи-в-себе.

В дальнейшем К. Маркс подробно излагает *в з а и м о д е й с т в и е в е щ е й* (взаимодействие товаров). Вещи взаимодействуют благодаря своим свойствам. «...Свойство, — то справедливому определению Гегеля, — есть само это взаимосоотношение, и вещь есть ничто вне этого взаимодействия...»⁵⁰. Действительно, товары относятся друг к другу в формах проявления стоимости. Формы проявления стоимости есть взаимоотношение товаров. Товар вне отношения к другим товарам не есть действительный товар. Товар и его стоимость становятся действительностью только в отношениях к другим товарам и их стоимостям. Действительность вещи имеется лишь в отношении к другим вещам. «Тем самым *вещность перешла в свойство*»⁵¹.

Проследим изложение К. Марксом «механизма» и формы взаимодействия вещей.

- 1) Два полюса выражения сущности:
относительная форма сущности
и эквивалентная форма

Отношение двух вещей есть простейшее выражение существенного отношения. Две разные вещи в сущест-

⁴⁹ Гегель. Соч., т. V, сир. 581—582.

⁵⁰ Там же, стр. 585.

⁵¹ Там же.

венном отношении выполняют различные функции, обладают различными свойствами. Вещь Л выражает свою сущность в вещи В, а вещь В представляет собой материал для выражения сущности. Первая вещь активна, она находится в относительной форме. Вторая вещь пассивна, она находится в эквивалентной форме. Мы имеем дело с функциональными формами, с различными функциями, или, иначе говоря, с различными свойствами, одного и того же. Маркс фиксирует пока различие функций, различие свойств. Вещь-в-себе вещи Л проявляется, получает определенность, различия в соотношении с некоторым другим. В этом и только в этом отношении вещь В не имеет значения устойчивой самой по себе. Она устойчива только в соотношении с вещью-в-себе вещи А. Вместе с тем вещь В есть другое, хотя и лишенное опоры в себе, другое вещи-в-себе вещи А. Действительно, стоимость товара Л обнаруживается только в отношении к другому товару. В этом отношении другой товар имеет значение лишь материала стоимости товара Л, т. е. только постольку, поскольку в нем выражается стоимость товара Л. Но товар В есть другой товар, чем товар Л. «Относительная форма стоимости (сущности.—В. В.) и эквивалентная форма—это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключаящие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношении друг к другу»⁵². Таким образом, К. Маркс от различия свойств функции переходит к характеристике их противоположности. Существование одного свойства, одной функции невозможно без другого и наоборот. Чтобы выразить стоимость товара Л, необходим другой товар, служащий материалом выражения. Другой же товар не может быть материалом выражения, если не существует стоимость, которая в нем выражается. Оба свойства (функции) предполагают существование друг друга. Вместе с тем одно свойство (функция) исключает другое. Если вещь функционирует в относительной форме, то она не может одновременно в одном и том же

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 57—58.

отношении иметь эквивалентную форму. Если же вещь функционирует в эквивалентной форме, то она не может одновременно в одном выражении сущности иметь относительную форму. Вещь может находиться в одном и том же выражении сущности либо в относительной, либо в эквивалентной форме. В разное время в одном и том же выражении сущности вещь может быть и в относительной и в эквивалентной форме. В самом деле, если в отношении x товара $A = y$ товара B товар A выражает свою стоимость, то в этом отношении не выражается одновременно стоимость товара B . Если же товар B выражает свою стоимость, то в этом отношении не выражается одновременно стоимость товара A . Но товар A может в одно время выражать свою стоимость, а в другое время служить материалом выражения стоимости товара B . Это же верно и относительно товара B . Свойства (функции) противоположны, но не противоречивы. Какую функцию выполняет вещь, зависит только от ее места в выражении сущности. После изложения полюсов проявления стоимости в общем виде Маркс приступает к детальному воссозданию поочередно каждой из полярных функций начиная с активной, относительной формы.

2) Относительная форма сущности

При рассмотрении активного полюса выражения сущности фиксируется в первую очередь, его содержание, а затем количественная определенность. Чтобы понять, как простейшее проявление сущности одной вещи заключается в существенном отношении двух вещей, следует сначала изучить это отношение независимо от его количественной стороны. Ибо «различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами»⁵³. Предположим, что вещи A и B являются соизмеримыми величинами. Каково бы ни было их количественное соотношение, из факта соизмеримости следует, что вещь A и вещь B имеют одну и ту же сущность и служат выражением ее. Функции вещей A и B в сущ-

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т.23, стр. 58—59.

ностном отношении различны. Единственно вещь *A* выражает свою сущность, причем именно путем отношения к вещи *B* как равной себе. Вещь *B* здесь — форма, в которой существует сущность, вещь-в-себе, ибо исключительно в сущностном отношении вещь *B* тождественна вещи *A*. Только здесь сущность вещи *A* приобретает особое проявление. Это верно не только «для стоимостного отношения товаров. Маркс приводит пример из совершенно другой области. Масляная кислота и муравьино-пропиловый эфир имеют различную физическую форму, но состоят из одних и тех же химических субстанций в одном и том же процентном отношении ($C_4H_8O_2$). Если масляную кислоту приравнять муравьино-пропиловому эфиру, то масляная кислота выразит свою химическую субстанцию, а муравьино-пропиловый эфир будет формой ее (субстанции) существования. Химическое соединение оказывается единством двух факторов: физической формы и химической субстанции. Только в отношении химических соединений, имеющих различную физическую форму, химическая субстанция получает форму проявления, отличную от самой этой субстанции и от физической формы.

Пока сущности вещей определялись лишь в качестве результатов субстанции, сущность не получала особой формы, отличной от непосредственности вещи. В сущностном отношении сущность вещи проявляется в ее собственном отношении к другой вещи. Приравнение вещи *A*, как воплощения сущности, к вещи *B* есть тем самым приравнение субстанции первой вещи субстанции второй. Субстанция, созидаящая вещь *A*, то форме отличается от субстанции, образующей вещь *B*, но их уравнивание сводит обе формы субстанции к одинаковой субстанции. Как созидаящая сущность вещей *A* и *B* субстанция есть одна и та же. **Обнаружение субстанции, образующей сущность вещи, осуществляется через равенство разнородных вещей.**

Субстанция не тождественна сущности, ибо субстанция созидает сущность, но сама она не есть сущность. Субстанция превращается в сущность в результате, в застывшем, фиксированном виде, в форме вещи. Поэтому чтобы выразить сущность вещи *A* как результат действия субстанции, требуется выразить сущность в такой

вещи, которая по своей непосредственности отлична от вещи *A* и обща вещи *A* по своей сущности.

В существенном отношении вещь *A* существенно тождественна вещи *B*. Вещь *B* в своей непосредственности, единичности воплощает сущность. Непосредственная, единичная форма товара *B* служит формой проявления стоимости товара *A*. Непосредственность, единичность вещи *B*, естественно, есть только непосредственность, единичность. Однако в существенном отношении к вещи *A* эта непосредственность, единичность значит нечто большее, чем вне его. Вещь *B* как результат действия субстанции есть «носитель сущности». Непосредственно сущность вещи *B* совершенно не воспринимается. В существенном отношении вещь *B* представляет собой только непосредственность сущности вещи *A*. Вещь *B* не может быть воплощением ^ сущности вещи *A*, если сущность вещи *A* не предстанет в непосредственности, единичности вещи *B*. Таким образом, в сущностном отношении, в котором вещь *B* играет роль эквивалента, непосредственность, единичность вещи *B* есть форма сущности вещи *A*. Сущность одной вещи проявляется в единичности, непосредственности другой вещи. Единичность, непосредственность вещи *A* чувственно отличается от единичности, непосредственности вещи *B*. Но как сущность вещь *A* воспринимается в качестве единичности, непосредственности вещи *B*. Следовательно, вещь *A* приобрела особую форму сущности, форму, отличную от ее единичности, непосредственности. Такая форма выражения сущности носит универсальный характер. У Маркса можно найти примеры из различных предметных областей. «Так, — пишет Маркс, — индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству без того, чтобы для *A* величество как таковое не приняло телесного вида *B*, — потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой сменой властителя страны»⁵⁴. Отношение одного человека к другому тогда, действительно, истинно человеческое, когда человек относится ко всем другим людям как к себе подобным. «Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой,

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, .Соч., т., 23, стр. 61.

во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»⁵⁵. Пример с масляной кислотой и муравьино-пропиловым эфиром также свидетельствует о том, что формой проявления химической субстанции масляной кислоты служит физическая форма муравьино-пропилового эфира. В геометрии при сравнении, например, двух прямолинейных фигур та фигура, в которой выражается площадь данной фигуры, служит в своей единичности формой проявления общей для них сущности. Еще одна иллюстрация, приводимая К. Марксом. Вес тела непосредственно не воспринимается. Чтобы выразить вес тела *A*, необходимо соотнести его в весовом отношении с телом *B* и тогда непосредственность, единичность тела *B* (например, какая-либо железная гиря) будет воплощением веса тела *A*.

Вещь, сущность которой выражается, всегда есть определенное количество. Это количество включает известное количество сущности. Следует о с о п о д ч е р к н у т ь , ч т о в л о г и к е К . М а р к с а с у щ н о с т ь н е е с т ь т о ь к о с н я т о е к а ч е с т в о и к о л и ч е с т в о . С у щ н о с т ь п р е д с т а в л я е т с о б о й в «Капитале» о п р е д е л е н н у ю с у щ н о с т ь , с у щ н о с т ь о п р е д е л е н н о г о п р е д м е т а , а о т н ю д ь н е с у щ н о с т ь в о о б щ е , к а к о й о н а п р е д с т а е т в л о г и к е Г е г е л я . Р е ч ь и д е т , в ч а с т н о с т и , о с у щ н о с т и т о в а р а , т . е . в п о л н е о п р е д е л е н н о г о п р е д м е т а . Н о е с л и и м е е т с я в в и д у о п р е д е л е н н а я с у щ н о с т ь , т о , с л е д о в а т е л ь н о , о н а е с т ь н е т о ь к о б о л е е г л у б о к а я с ф е р а , ч е м к а ч е с т в о и к о л и ч е с т в о , о н а е с т ь т а к ж е с а м а к а ч е с т в о и к о л и ч е с т в о . С у щ н о с т ь т о в а р а , с т о и м о с т ь , п о э т о м у д о л ж н а б ы т ь п о н я т а н е т o ь к о в с в я з и с м е н е е г л у б о к и м , п е р в ы м ф а к т о р о м , о б р а з у ю щ и м к а ч е с т в о т о в а р а , н e t o ь k o в c в я z и c k o л и ч e c t в o м п o т р e б и т е л ь н o й c т o и м o c t и и k o л и ч e c t в o м м e н o в o й c т o и м o c t и . C т o и м o c т ь c а м a o п р e д e л e н a k a ч e c t в e н н o (в o т н o ш e н и и к с у щ н o c t и k a п и т a л a , к н e т o в a р н ы м ф o р м a м o б щ e c t в a) и k o л и ч e c t в e н н o (в e л и ч и н a c т o и м o c t и) .

В сфере бытия наблюдались непосредственно данные количество (количество потребительной стоимости) и количественное соотношение (меновая стоимость). Более глубокое проникновение в предмет позволило

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 62.

вскрыть меру, единство качества и количества. Затем качество предстало на еще более глубоком уровне познания (сущности, стоимости). Сущность была понята как результат действия производящей причины. Причем оказалось, что сущность сама количественно определена и что величина сущности измеряется величиной производящей причины. Таким образом, Маркс идет в «Капитале» от рассмотрения непосредственно данного количества к количеству сущности и производящей причины, субстанции. Но только тогда, когда встает вопрос об изображении проявления сущности и ее величины, величина сущности и субстанции выступает действительно как внутреннее количество, а величины, в которых она проявляется, как внешнее количество. Вообще отношение внутреннего и внешнего приобретает действительно важное значение при условии, что сущность изучена сама по себе и требуется проследить ее проявления. Пока изучается непосредственное, еще неизвестно, существует ли внутреннее, а потому непосредственное еще не есть внешнее. Когда за непосредственным и в нем начинает обнаруживаться сущность, то непосредственное еще не осознается в полной мере в качестве именно проявления и проявления именно этой сущности. Только понимание непосредственного на основе сущности полностью выявляет его существование в качестве внешнего, сущность же предстает внутренним.

Посмотрим, каким образом внутреннее количество проявляется во внешнем количестве. В сущностном отношении, например, вещи *A* к вещи *B* приравниваются одни и те же сущности равной Величины. В *x* вещи *A* заключается столько же субстанции сущности, сколько в *y* вещи *B*. В уравнении «20 арш. холста = 1 сюртуку», 20 арш. холста содержат в себе такую же величину общественно необходимого рабочего времени, субстанции стоимости, что и 1 сюртук. Рабочее время, требующееся для производства 20 арш. холста или 1 сюртука, изменяется с изменением производительности в соответствующих отраслях труда. С логической точки зрения в приравнивании различных товаров друг другу имеются следующие компоненты: во-первых, вещи, количественно различные и тождественные по сущности; во-вторых, эти вещи производятся одной и той же субстанцией, Распадающейся на столько же видов, подвидов и т.п.,

сколько существует видов, подвидов и т. п. качественно различных вещей; в-третьих, эффективность конкретной формы действия субстанции (субстанции, поскольку она производит качественно различные вещи) изменяется (увеличивается или уменьшается); в-четвертых, субстанция, поскольку она созидает одинаковую сущность качественно различных вещей, измеряется временем ее действия как одинаковой субстанции.

Каково же влияние изменения эффективности конкретной формы действия субстанции на относительное выражение величины сущности? (Перечисленные компоненты предполагаются имеющимися налицо.)

I. Предположим, что сущность вещи *A* количественно изменяется, а величина сущности вещи *B* остается неизменной. Если сущность вещи *A* увеличивается, то то же количество вещи *A* равняется большему количеству вещи *B*. И наоборот, если сущность вещи *A* уменьшается, то одно и то же количество вещи *A* равняется меньшему количеству вещи *B*. При постоянной величине сущности вещи *B* относительная величина сущности вещи *A*, или величина сущности вещи *A*, выраженная в некотором количестве вещи *B*, изменяется прямо пропорционально сущности вещи *A*.

II. Дана постоянная величина сущности вещи *A*, изменяется величина сущности вещи *B*. Если последняя уменьшается, то одно и то же количество вещи *A* равняется большему количеству вещи *B*. И наоборот, при увеличении количества сущности вещи *B* одно и то же количество вещи *A* равняется меньшему количеству вещи *B*.

При постоянной величине сущности *A* ее относительная величина, т. е. величина, выраженная в вещи *B*, изменяется обратно пропорционально изменению величины сущности вещи *B*.

Из сопоставления I и II вытекает, что одно и то же изменение относительной величины сущности вещи может вызываться противоположными причинами.

III. Предположим, что величины сущности вещей *A* и *B* изменяются в одно и то же время, в одном и том же направлении, в одной и той же пропорции. Тогда относительное выражение величины сущности сохраняется постоянным. Изменение величины сущности вещей *A* и *B* проявится только при сравнении с другими вещами,

имеющими ту же сущность, но величина сущности которых изменяется иначе, чем предположенное изменение величины сущности вещей *A* и *B*.

IV. Предположим, что величины сущности вещей *A* и *B* изменяются в одном и том же направлении, однако в различной степени или в противоположном направлении и т. п. Четвертый случай находится путем использования предыдущих.

Итак, изменения внутреннего количества не соответствуют полностью изменениям внешнего количества, точнее относительному выражению внутреннего количества. Относительное выражение сущности может изменяться при постоянстве сущности. Относительное выражение сущности может не изменяться, хотя сущность изменяется. Одновременные изменения сущности и относительного выражения сущности не всегда совпадают друг с другом.

Вульгарно научный подход означал бы здесь, что несовпадение внутреннего и внешнего количества было бы истолковано в смысле отрицания внутреннего количества. В истории политэкономии подобная вульгаризация допускалась не единожды.

Рассмотрим более подробно с точки зрения углубления мышления приведенную характеристику количественной определенности относительного выражения сущности.

Изложение проявления величины стоимости в определенных количествах потребительной стоимости в логическом аспекте представляет собой рассмотрение количественно определенной сущности в ее отношении к внешней стороне, к внешнему количеству. Безразличие внутреннего количества к внешнему снимается, в сущности обнаруживается спецификация.

С п е ц и ф и ц и р у ю щ а я м е р а. Давая первоначальное определение величины стоимости⁵⁶, К. Маркс сопоставляет величину стоимости прежде всего с масштабом времени. Только позднее он отмечает, что труд, производящий величину стоимости, есть общественно средний труд. Поэтому величина стоимости в первоначальном определении обнаруживает себя пока лишь существующим в природе нечто (стоимости), но не вскрывается,

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

что увеличение или уменьшение в известном отношении величины стоимости выводит за пределы стоимости.

Сущность как в себе определенная величина прежде всего относится к внешнему как к масштабу. Масштаб сам есть в себе определенная величина, но для того, что он измеряет, масштаб есть внешнее. Измеряемое количество в отношении к масштабу есть такое определенное количество, которое непосредственно существует в природе своего нечто, иного, чем нечто, играющее роль масштаба. Сравнение измеряемого с масштабом есть внешнее действие. Единица масштаба для измеряемого есть произвольная величина. Далее величина стоимости представляется способной увеличиваться и уменьшаться, оставаясь величиной стоимости. Величина стоимости товара может измеряться, например, 1, 2, 3, 4, и т. д. часами рабочего времени. Здесь величина стоимости, хотя и есть определенное количество, но в отличие от просто определенного количества есть нечто качественное (величина как величина стоимости остается той же самой), определяющее безразличные к ней определенные количества. Следовательно, количество, присущее природе нечто (стоимости), может увеличиваться или уменьшаться, оставаясь количеством данного нечто (стоимости). Если масштаб есть просто внешняя, безразличная величина к данному нечто (например, 1, 2, 3 и т. д. часа, дня), то теперь внешняя безразличная величина определяется данным нечто (стоимостью). (Например, 1, 2, 3, и т. д. часа, дня рабочего времени.)

Следующий шаг изложения К. Маркса — характеристика общественно среднего труда — позволяет уяснить, что с известной стороны увеличение или уменьшение величины приводит к тому, что величина перестает быть величиной стоимости. Таким образом, от безразличной количественной определенности происходит переход мысли к уяснению специфического определенного количества.

Затем К. Маркс воссоздает простейшую форму проявления специфического количества через отношение двух внешних количеств (количественному анализу предшествует качественный). Специфическое количество

(величина стоимости товара *A*) одной вещи проявляется в определенном внешнем количестве другой вещи, в известном количестве другой вещи (т. е. в известном количестве потребительной стоимости товара *B*). Специфическое количество вещи *A* проявляется через внешнее количество вещи *B*. Но именно величина стоимости, например 20 арш. холста, активна, выражает свое равенство, предположим, 1 сюртуку, а не двум, трем и т. д. Следовательно, арифметическое множество внешнего количества вещи *B* определяется величиной специфического количества вещи *A*. О сущности и ее величине, в данном случае о стоимости и величине стоимости товара *A*, можно сказать то, что Гегель пишет о мере: она «держится по отношению к (арифметическому, внешнему.—*B*. *B*.) множеству как некоторое интенсивное и вбирает его своеобразным способом; она изменяет положенное извне изменение, делает из этого определенного количества некоторое другое и *являет* себя через эту спецификацию для-себя-бытием в этой внешности»⁵⁷.

Специфически вобранное множество зависит не только от внутреннего, но и от безразличного внешнего множества вещи *B*. Внешнее количество вещи может измеряться метрами, тоннами и т. д. Например, 20 арш. холста могут быть равны 1 сюртуку, или 10 кг муки и т. д. Сущность обнаруживается как отношение внутреннего и безразличного внешнего количества. Специфическое есть показатель отношения.

С переходом к рассмотрению формы проявления специфического количества в поле зрения включается новый «вид» безразличного количества (количество потребительной стоимости). Помимо безразличного внутреннего количества (изменение величины стоимости, при котором величина остается величиной стоимости) становится необходимым проследить проявление специфического внутреннего количества в его безразличной количественной определенности, в безразличном внешнем количестве. В простейшей форме проявления сущности (x вещи *A*= y вещи *B*) самим уравнением двух разных вещей предполагается равенство величин субстанции сущности. Специфическое количество берется неизменным (величи-

⁵⁷ Гегель. Соч., т. V, стр. 393.

на стоимости постоянна). Ставится задача выяснить проявление изменений безразличного внутреннего количества относящихся вещей в безразличном внешнем количестве. Исследуются различные случаи проявления изменений безразличного внутреннего количества в безразличном внешнем количестве.

3) Эквивалентная форма

Если в существенном отношении двух вещей (*A* и *B*) вещь *A* выражает свою сущность в чувственно отличной от нее вещи *B*, то вещь *A* превращает чувственную, внешнюю, единичную форму вещи *B* в форму проявления сущности вещи *A*. Вещь *B* получает форму эквивалента. Но вещь *B* не выражает своей сущности, ее сущность не приобретает формы, отличной от ее внешности, единичности. Вещь *A* проявляет себя как сущность в том, что вещь *B*, не имея формы сущности, отличающейся от ее внешности, единичности, непосредственно приравнивается вещи *A*. Эквивалентная форма вещи предоставляет собой форму непосредственного равенства с другой вещью. Вещь, находящаяся в эквивалентной форме, не выражает ни свою сущность, ни свое специфическое количество. Она служит лишь материалом для выражения сущности и специфического количества другой вещи. Сама же вещь—эквивалент функционирует в существенном отношении только как материал для выражения сущности другой вещи и как безразличное определенное внешнее количество. В эквивалентной форме непосредственность, единичность (вещи *B*) служит формой проявления сущности (вещи *A*), т. е. своей противоположности. Но это проявление противоположности через свою противоположность имеет место только в пределах существенного отношения. Маркс показывает, что так обстоит дело не только в стоимостном отношении товаров, но и в весовом отношении различных тел. Вес отдельно взятого тела нельзя почувствовать, воспринять непосредственно. Вес тела определяется в весовом отношении к другому телу. В этом соотношении то тело, при помощи которого измеряют вес, служит лишь воплощением тяжести, а его непосредственная форма—только формой проявления тяжести. Однако между выражением веса тела и формой проявления стоимости товара, отме-

чает К. Маркс, существует и значительное различие: вес — природное свойство, стоимость — общественное отношение. Поскольку мы стремимся, по мере возможности, выделить универсальные моменты логики «Капитала», постольку выражение стоимости мы анализируем с точки зрения существования всеобщих, универсальных, категориальных отношений. В относительной форме сущность вещи *A* проявляется в непосредственной форме вещи *B*, отличной от непосредственной формы вещи *A*.

Само выражение наталкивает сознание на мысль о том, что сущность не есть ни непосредственная форма вещи *A*, ни непосредственная форма вещи *B*. В эквивалентной форме, напротив, вещь *B* выражает сущность, а значит, кажется, будто она имеет форму сущности в силу своей непосредственности, единичности. Эта объективная кажимость существует лишь в сущностном отношении вещи *A* к вещи *B*, в котором вещь *B* служит эквивалентом. «Такие соотносительные определения представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король»⁵⁸. Соотносительность специфична для сферы сущности и форм ее проявления. В сущности все соотносительно. Эквивалентная и относительная формы сущности не существуют друг без друга и вне сущностного отношения. В эквивалентной форме потребительная стоимость товара *B* служит формой стоимости товара *A*. Объективная кажимость заключается в том, что представляется, будто товар *B* от природы обладает формой стоимости. Следовательно, форма общественного отношения воспринимается как природное свойство. В данном случае отношение более развитой (общественной) системы кажется в эквивалентной форме свойством менее развитой (природной) системы.

Конкретная форма субстанции, производящая непосредственность, единичность вещи, вещи, находящейся в эквивалентной форме, выражает субстанцию, созидающую сущность.

Ч а с т н а я с у б с т а н ц и я, с у б с т а н ц и я о т д е л ь н о й
вещи, образует выражение субстанции ц е л о г о.
«...Частный

⁵⁸ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 67.

труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме»⁵⁹.

Далее К. Маркс показывает на примере трактовки Аристотелем стоимостного отношения, что субстанция вещей и сущность, лежащая в основе формы проявления, могут быть вскрыты только при достаточном уровне развития предмета (в данном случае общества), а именно тогда, когда форма проявления сущности стала господствующей формой предмета. Субстанция стоимости есть тайна, условия для полного проникновения в которую не существуют до тех пор, пока товар, товарные отношения не стали господствующими в обществе.

4) Простая форма сущности в целом

Вскрывая простую форму сущности в целом, Маркс прежде всего резюмирует уже сказанное ранее о ее полюсах и функционально противоположных формах. Но этим К. Маркс не ограничивается. Он делает ряд новых обобщений.

Во-первых, фиксируется, что в сущностном отношении вещи *A* к вещи *B* непосредственность, единичность вещи *A* есть всего только единичность, непосредственность, а непосредственная форма вещи *B*—исключительно образ сущности. Следовательно, скрытая, внутренняя противоположность непосредственности и сущности проявилась во внешней противоположности, через отношение двух вещей, из которых одна функционирует только как непосредственность, а другая—только как сущность.

Во-вторых, указывается, что развитие формы вещи (непосредственного единства непосредственности и сущности) есть тем самым развитие формы сущности.

В-третьих, Маркс вскрывает недостатки простого выражения сущности.

В отношении вещи *A* и вещи *B* сущность вещи *A* отличается только от своей собственной непосредственной формы, вещь *A* относится к другой вещи, но в отношении не проявляется качественная тождественность и количественная пропорциональность вещи *A* со всеми вещами той же сущности. Простая относительная форма вещи соотносится с отдельной эквивалентной формой другой

⁵⁹ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 68.

вещи. По мере вступления вещи А в отношения со все новыми и новыми вещами той же сущности образуется бесконечный ряд проявлений сущности вещи А.

В. Полная, или развернутая, форма сущности

Полная, или развернутая, относительная форма сущности есть выражение сущности какой-либо вещи в бесконечном ряду других вещей. Теперь субстанция, производящая сущность этой вещи, выражается как одинаковая с субстанцией сущности всех вещей данного рода, независимо от конкретной формы субстанции. Поскольку сущность вещи А выражается в бесконечном ряду непосредственных форм, то для сущности вещи не имеет значения, в какой именно непосредственной форме она проявляется. Количественная соизмеримость двух вещей раньше могла представляться случайной. Но когда вещь количественно соизмеряется с бесконечным рядом других вещей, тогда становится явной скрывающаяся здесь необходимость, основа, «по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее»⁶⁰. Непосредственная форма каждой вещи из бесконечного ряда, каждой вещи, в которой выражается сущность вещи А, есть особый эквивалент наряду с бесконечным числом других эквивалентов. А конкретные формы субстанции, образующие эти вещи, представляют собой особенные формы проявления субстанции, производящей данную сущность. Так как ряд выражений сущности вещи А бесконечен, то он не завершен, и всегда может быть присоединено новое выражение сущности. Выражения сущности не объединены друг с другом, сущность не имеет одного и того же выражения. Относительная форма сущности каждой вещи получает бесконечный ряд выражений, отличный от бесконечного ряда выражений сущности другой вещи.

Развернутой относительной форме соответствует особенная эквивалентная форма. Каждая вещь ряда выражает свою сущность в бесконечном числе особенных эквивалентных форм (которыми служат непосредственность, единичность вещей), существующих рядом друг с другом. Конкретная форма субстанции, заключенная в каждом особенном эквиваленте, также есть лишь осо-

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 73.

бенное проявление субстанции вообще. Субстанция вообще проявляется полностью только в совокупности бесконечного числа ее конкретных форм. Термин «бесконечность» здесь употребляется в значении «недостижимое», «бесконечный ряд», ряд не имеющий конца. Поэтому всякий раз бесконечность имеется лишь потенциально, актуально же бесконечность не осуществляется, завершение бесконечного ряда не может быть достигнуто. Поэтому субстанция полностью проявляется только потенциально, но не актуально. Нет единой формы проявления сущности и субстанции. По сути дела определяя полную, развернутую форму сущности, Маркс рассматривает проявление сущности в форме «дурной бесконечности» (термин Гегеля), в виде бесконечного ряда выражений сущности. «Дурная бесконечность» выражения сущности имеет и количественную и качественную стороны. Недостатки полной, развернутой формы сущности (стоимости) есть недостатки «дурной бесконечности».

С. Всеобщая форма сущности

1) Измененный характер формы сущности

Во всеобщей форме сущности получает выражение утвердительная, истинная бесконечность, сущность и субстанция проявляются полностью, актуально. В прежней форме сущность могла проявиться лишь постольку, поскольку она не имела конца числу своих выражений. Следовательно, всякий раз она проявлялась полностью только в потенции, но не действительно. Бесконечное оказывалось простым отрицанием конечного, налично не существующим. Каждое отдельное, конечное выражение сущности имело значение только как то, за пределы чего выходят, что отрицают. С количественной стороны дурная бесконечность есть бесконечный числовой ряд.

20 арш. холста = 1 сюртуку,

20 арш. холста = 10 ф. чаю и т. д.

Переходя к характеристике всеобщей формы стоимости, Маркс просто говорит, что «каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук=20 аршинам холста,
10ф. чаю=20 аршинам холста и т. д.»⁶¹.

Исторически возникновение всеобщей формы означало скачок в развитии товарных отношений. Логически также за внешне почти полумеханическим, сухим переворачиванием уравнения скрывается огромный смысл. Движение от конечного выражения сущности к другому, конечному выражению сущности и т. д. без конца есть движение от конечного к конечному, где бесконечное всегда остается недостижимым. Но это движение включает в себе и противоположное: движение из бесконечного. Так, всякий числовой ряд есть движение к бесконечности от какого-либо числа и движение из бесконечности к этому числу, бесконечность актуально имеется в этом числе. Также и в качественном отношении бесконечное движение от одного конечного к другому и т. д. есть не только гибель первого конечного, но и постоянное возвращение к нему через отрицание других конечных вещей. Тогда конечное оказывается единством конечного и актуально, утвердительно присутствующего в нем бесконечного. Утвердительное, актуальное бесконечное не есть непосредственное, и не есть первое отрицание, а есть отрицание как «возвращение» к исходному пункту на базе отрицания, т. е. представляет собой отрицание отрицания.

Уравнение всеобщей формы стоимости:

1 сюртук =
10 ф. чаю =20 арш. холста
40 ф. кофе =
1 кварт, пшеницы =
и т. д.

Сущности (стоимости) бесконечного числа вещей (товаров) выражаются в конечной вещи, в конечном числе. Всеобщий, бесконечный характер конечная величина стоимости конечной вещи получает не сама по себе, не непосредственно, а потому, что в ней выражаются стоимости бесконечного количества товаров. Всеобщий, бесконечный характер стоимость получает как отрицание развернутой формы, которая в свою очередь является отрицанием простой, или случайной, формы стоимости. Теперь вещи получают одну-единствен-

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 74.

ную и единую форму выражения сущности. Форма сущности проста и обща всем вещам, имеющим данную сущность, следовательно, она всеобща. Если в I и II формах сущность какой-либо вещи проявлялась в отличие ее от непосредственности этой вещи, то в III форме сущность данной вещи проявляется как отличное от всякой непосредственности. В первой форме отделение сущности вещи от ее непосредственности носило зачаточный характер: сущность данной вещи обнаруживалась в непосредственности только одной другой вещи. Во второй форме отделение сущности вещи от ее непосредственности происходит в более развитом виде: сущность данной вещи проявляется в непосредственностях всех возможных вещей, имеющих одну и ту же сущность. Но здесь еще не возникает общей формы обнаружения сущности. В третьей форме все бесконечное количество вещей одной и той же сущности выражают свою сущность в одной данной вещи. В непосредственности данной вещи сущность выступает как общая всем вещам и, следовательно, отличная от непосредственности всякой вещи. Таким образом, лишь форма, утвердительной, «истинной», актуальной бесконечности, лишь всеобщая форма выражения сущности завершено фиксирует отношение между вещами как сущностями.

Поскольку все бесконечное количество вещей одной и той же сущности выражает свою сущность в данной вещи, постольку последняя приобретает форму всеобщего эквивалента. Непосредственность, единичность этой вещи становится всеобщим образом сущности, чувственно воспринимаемым воплощением субстанции, производящей сущность. Конкретная форма субстанции, образующей данную вещь, превращается во всеобщую форму обнаружения субстанции, создающей сущность. Только теперь субстанция, создающая сущность, и сущность приобретают положительное, утвердительное выражение. Прежде субстанция, образующая сущность, характеризовалась главным образом отрицательно: как отвлечение от всех ее конкретных форм. Во всеобщей же форме сущности сведение всех конкретных форм субстанции к данной субстанции вообще имеется налицо, положительно. Отсюда следует, что при рассмотрении сущности самой по себе, независимо

от форм ее проявления, сущность и её субстанция выступают по преимуществу отрицательно. Положительная природа сущности и ее субстанции фиксируется только тогда, когда изображены формы проявления. В этом заключается одна из важнейших причин необходимости движения от сущности к явлению. Всеобщая форма сущности образуется на высокой ступени развития предмета. Форма I соответствует зародышевому уровню развития предмета. О случайной форме стоимости Маркс пишет: «На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена»⁶². Форма II появляется на более развитой стадии. Когда развитие предмета порождает всеобщую относительную форму сущности, тогда в сфере этого предмета всеобщий характер субстанции представляет собой специфический характер субстанции этой стадии развития предмета.

2) Отношение между развитием относительной формы сущности и эквивалентной формы

Ранее было обнаружено, что относительная и эквивалентная формы есть формы, проистекающие из различных функций. Относительная форма — активный, эквивалентная — пассивный полюсы формы сущности. Опираясь на предшествующее изложение, Маркс теперь отмечает: «Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости»⁶³. Простая форма проявления сущности вещи превращает другую вещь в отдельный эквивалент. Полная, или развернутая, форма сущности порождает бесчисленные и разнообразные особенные эквиваленты. Всеобщая форма сущности конституирует всеобщий эквивалент.

По мере развития формы проявления сущности развивается и противоположность между ее функциональными формами. В простой форме сущности перемена

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 75.

⁶³ Там же, стр. 77.

функций каждой из двух относящихся вещей на противоположную происходит свободно, без изменения формы проявления. Вещь *A* может находиться в относительной или в эквивалентной форме, но форма сущности остается по-прежнему простой. То же самое верно относительно вещи *B*. В полной, или развернутой, форме сущности изменение функции вещи на противоположную функцию, т. е. изменение функции вещи, находящейся в существенном отношении с другими вещами, ведет к изменению самой формы проявления сущности, к превращению ее во всеобщую форму проявления. Здесь смена функции вещи на противоположную ведет к прогрессивному развитию формы проявления. Во всеобщей форме сущности перемена функции вещей, находящихся в существенном отношении, также ведет к изменению формы проявления. Тем самым всеобщая форма проявления преобразуется в развернутую. Здесь смена функций на противоположные порождает уже регресс формы проявления.

Во всеобщей форме сущности одна вещь имеет форму всеобщего эквивалента. Во всеобщем эквиваленте сущность дана непосредственно в непосредственности этой вещи. Вещь оказывается имеющей непосредственно существенную форму.

При поверхностном, непосредственном, неисторическом подходе не видно, что способность вещи быть непосредственным воплощением сущности неотделима от отношения этой вещи ко всем другим вещам, имеющим ту же сущность, но не являющимся непосредственно всеобщим выражением сущности. Вследствие чего можно утверждать, будто все вещи одной и той же сущности могут одновременно играть роль всеобщего эквивалента. Именно такова логическая основа прудоновского социализма. «Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит *plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают, непосредственной обмениваемостью (т. е. не являются все всеобщими эквивалентами.—*B. B.*). Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм...»⁶⁴.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 78.

Д. Непосредственно - всеобщая форма сущности

Сущность вещи всеобща, бесконечна; и форма выражения сущности также должна быть всеобщей, бесконечной, чтобы получить свое завершение. Сущность вещи вначале непосредственно едина, неотделима от непосредственной формы вещи. Сущность не может проявляться иначе как через непосредственную форму вещи. Поэтому форма проявления сущности в ее законченном виде должна быть не только всеобщей, но и непосредственной. Непосредственные формы различных вещей одной и той же сущности в разной степени соответствуют сущности. Например, золото по своей природе более всего пригодно для того, чтобы быть всеобщим эквивалентом стоимости. Выделение вещи по своей непосредственной форме, наиболее соответствующей сущности, есть превращение всеобщей формы сущности в непосредственно-всеобщую форму.

Если при переходе от I к II, от II к III формам проявления происходили существенные изменения формы проявления, то переход от III к IV форме есть изменение не существа формы проявления, а изменение непосредственности формы проявления.

Всеобщая и непосредственно-всеобщая форма проявления сущности всеобща не сами по себе, а только потому, что они содержат в «снятом» виде форму I и II. «Золото,—указывает Маркс,—лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент—как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особый эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром...»⁶⁵. Всеобщность как налично сущая, или утвердительная, актуальная бесконечность, взятая непосредственно, не обнаруживает себя в качестве бесконечности. Ибо утвердительная бесконечность и существует лишь как отрицание конечности и

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 80.

«дурной бесконечности». Без отрицания «Дурной бесконечности» нет и актуальной бесконечности, «дурная бесконечность» в своем отрицании и образует актуальную (бесконечность. В свою очередь «дурная бесконечность» представляет собой отрицание конечного, единичного.

Так как простая форма проявления сущности есть конечная форма, так как развернутая форма сущности есть форма «дурной бесконечности», а всеобщая форма — форма актуальной бесконечности, то всеобщая форма есть отрицание отрицания. В денежной форме стоимости происходит как бы возвращение к простой, или случайной, форме стоимости на базе приобретений, которые получила форма стоимости, пройдя через развернутую форму стоимости. Поэтому чтобы понять всеобщую форму сущности, необходимо раскрыть суть развернутой формы, а чтобы осуществить последнее, необходимо изучить простую форму проявления сущности. Денежная форма стоимости непосредственна, подобно случайной, отдельной, форме стоимости и бесконечна в отличие от нее. Денежная форма стоимости бесконечна, подобно развернутой форме стоимости, но эта бесконечность в отличие от развернутой формы уже не потенциальна, а актуальна, достигнута.

§ 8. ФЕТИШИЗМ ВЕЩИ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ВИДИМОСТЬ СУЩНОСТИ

Вещь как непосредственное единство непосредственности и сущности при первом подходе к ней представляется весьма простой. Исследование ее показывает, что она отнюдь не так проста.

Непосредственность вещи не содержит ничего таинственного. С этой стороны она есть чувственно воспринимаемая вещь. Естественно, что она создается конкретной формой данной субстанции. Ясно также и то, что в различных конкретных формах данной субстанции есть общее, одинаковое, все ясно и в измерении величины субстанции временем ее действия. Мистический характер результата субстанции порождается самой формой вещи, тем что субстанция получает форму вещи — сущности вещи; измерение величины субстанции трансформируется в величину сущности; субстанциональные от-

ношения приобретают форму субстанциональных отношений между непосредственностями.

Загадочность формы вещи заключается в том, что вещь отражает субстанциональное отношение как отношение непосредственностей, как субстанциональные отношения непосредственностей вещей, которыми вещи обладают в силу своей непосредственности. Непосредственность вещи выступает чувственно-сверхчувственной, существенной непосредственностью. Сущность вещи представляется непосредственно существующей, а не существующей как единство вещей. Следовательно, сущность вещи кажется совершенно самостоятельной.

Ни первобытный фетишизм, ни религия, ни идеализм не могут существовать без того, чтобы сущность так или иначе не представлялась бы как нечто самостоятельно, непосредственно существующее.

Фетишизм вещи возникает вследствие того, что субстанция, сущность вещей иначе, как опосредованно не воспринимается, сущность вещей проявляется не непосредственно, а в непосредственности вещей, через отношения непосредственностей. Если бы сущность вещей познавалась непосредственно, то не было бы фетишизма вещей. Поэтому субстанциональные, отношения на поверхности представляются тем, что они действительно есть на 'поверхности, не отношениями вещей непосредственно как отношениями субстанций, а отношениями субстанций как отношениями вещей в качестве непосредственностей.

Вся история познания человечества это, с одной стороны, все большее проникновение в сущность вещей, с другой стороны, раскрытие и объяснение фетишизма вещей. Фетишизм вещей есть гносеологический корень, общий для научных заблуждений, религии и идеализма. Если религия и идеализм есть исторически преходящие формы существования заблуждений, связанные с определенными недостаточно развитыми формами общества, то заблуждения научного познания, все глубже раскрывающего сущность, были, есть и будут. Но исследование закономерностей возникновения и форм заблуждений помогает предвидеть и избегать их в той мере, в какой это возможно в каждом конкретном случае.

Раздвоение вещи на непосредственную вещь и вещь, воплощающую собой сущность, происходит в действительности в предмете тогда, когда отношение между вещами данного типа достаточно распространено и потому сущность вещи имеется как реальная возможность уже до ее отношения к другим вещам этого типа. С этого времени субстанция приобретает действительно двойственный характер: с одной стороны, она есть конкретная форма, с другой стороны, данная субстанция вообще. Видимость данной субстанции вообще в непосредственности вещи объективна. Наука может раскрыть эту видимость, но не устранить ее. Видимость сущности в непосредственности вещи имеет место только на той стадии развития предмета, когда предмет представляет собой совокупность относительно самостоятельных вещей и субстанция предмета проявляется лишь через отношение этих вещей. Если познание ограничивается этой особенной ступенью процесса развития, то отмеченная видимость представляется всеобщей. Так, продукты труда имеют стоимостной характер только в товарном производстве. «Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытая (обнаружения вещной видимости общественного характера труда.—В. В.) — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма—продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы»⁶⁶. Научное открытие сущности вещей становится возможным при условии, что совокупность вещей, образующая определенный предмет, достигла полного развития. Необходимость наличия полностью развитой совокупности вещей для познания их сущности диктуется тем обстоятельством, что сущность пробивает дорогу через случайные количественные отношения вещей. Движение внешних количеств, относительных величин сущности маскирует внутреннее количество сущности. Познание внутреннего количества сущности обнаруживает необходимость, которая определяет величину внутреннего количества. Исчезает иллюзорное представление, будто величина сущности порождается исключи-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 84.

тельно случайными обстоятельствами. Однако сохраняется непосредственная форма сущности. Определение величины стоимости рабочим временем есть «тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости»⁶⁷. Необходима ли упомянутая иллюзия? Да, если познание ограничивается рассмотрением той стадии предмета, на которой сущность проявляется только через относительно самостоятельные вещи. Да, если останавливаются на поверхности этой стадии развития предмета и не проникают в ее сущность. Устранение иллюзии не уничтожает видимость, существующую на рассматриваемой стадии развития процесса.

Какова в данном случае логическая природа иллюзии и объективной видимости? Иллюзия заключается здесь в том, что случайные, постоянно колеблющиеся количественные отношения (меновые стоимости) абсолютизируются, т. е. предполагается существование только таких количественных отношений. А затем последние принимаются в качестве определяющих величину сущности. Или, иначе говоря, случайное, внешнее движение абсолютизируется и с этой точки зрения объясняется внутреннее. Действительное положение переворачивается с ног на голову. Объективная видимость необходимо порождает эту иллюзию, если сознание ограничивается условиями существования объективной видимости и еще не проникло в сущность. Но сама объективная видимость не есть иллюзия. Объективная видимость есть обнаружение сущности вещи на поверхности в форме своей противоположности—непосредственности. И такая форма проявления сущности не исчезает после того, как она научно познана.

Если предмет представляет собой совокупность вещей, то раскрытие его сущности начинается тогда, когда совокупность вещей развилась и идет от развитой совокупности к менее развитой, от результата к процессу, его образовавшему. «Размышление над формами челове-

⁶⁷ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 85.

ской жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. ...Таким образом, лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей»⁶⁸. Причем результат процесса, развитая совокупность веющей, функционирующая достаточно длительно в сравнении с жизнью одного поколения людей, при первом подходе к их изучению представляется неизменной. Первоначально решается задача выяснения содержания — а не исторического изменения результата — развитой совокупности вещей. «Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их содержании»⁶⁹. Между тем завершенная, непосредственно-всеобщая форма проявления, сущности вещей значительно тоньше маскирует абстрактный характер субстанции, нежели простейшая.

Объективная видимость мира вещей данного предмета уничтожается, когда сознание обращается к ступеням развития или к тем формам предмета, которые существуют не как совокупность вещей.

Рассмотрим теперь кратко вслед за К. Марксом эти различные ступени развития предмета. Предмет имеет на всех своих ступенях общую субстанцию. Под предметом в данном случае подразумевается общество, общей субстанцией служит труд.

Излюбленная идея буржуазных экономистов, пишет К. Маркс, робинзонада, рассмотрение изолированного производителя. Представим себе производство Робинзона. Все разнообразные формы трудовой деятельности Робинзона есть различные виды деятельности одного и того же человека. Человеческий труд вообще сущест-

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 85—86.

⁶⁹ Там же.

рует здесь в единичной, индивидуальной форме, различные виды труда (охота, рыбная ловля, приручение диких животных и т. д.) не воплощаются в продукты труда, независимые друг от друга с точки зрения человеческого труда вообще. Все продукты труда есть непосредственно один и тот же человеческий труд, труд одной и той же личности. Продукты труда обособляются друг от друга только по потребительным стоимостям, по своей непосредственной форме, но не как воплощения субстанции, не по сущности. Следовательно, субстанция вообще существует непосредственно как единичность и результаты субстанции обособляются только в непосредственности, а не в их сущности. Поэтому субстанция непосредственно непосредственна, ее продукты не принимают характер вещей, т. е. не обособляются по сущности. Если же они обособляются только по своей непосредственной форме, то можно непосредственно усмотреть, что это результаты одной и той же субстанции. Но когда происходит обособление по сущности, тогда отношение непосредственностей скрывает отношение сущностей. Тогда сущность, опосредованность проявляется через непосредственности как непосредственная опосредованность и опосредованная непосредственность.

В европейском средневековье все люди были зависимы друг от друга. Личная зависимость специфична в данном случае для всех общественных отношений. «Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой: труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»⁷⁰. Таким образом, субстанция вообще имеется в качестве единичности, причем наличествует множество единично данных субстанций вообще, не связанных друг с другом. (Ведь экономическая связь не служит основой средневековых отношений. Основу образует натуральное хозяйство.) Поэтому каждая единичная субстанция вообще су-

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87.

существует наряду с другими такими же субстанциями и, следовательно, является особенной субстанцией вообще. Субстанция вообще оказывается рядом субстанционально независимых единичностей. Вследствие чего результаты субстанции различаются лишь по непосредственности, а не по сущности и, значит, не относятся друг к другу как вещи⁷¹.

Далее К. Маркс приводит в качестве примера непосредственно обобществленного труда деревенское патриархальное производство — атавизм первобытной формы обобществления труда. При такой форме труда человеческий труд вообще образуется с о в о к у п н о с т ь ю работ отдельных индивидуумов, составляющих крестьянскую семью. Продукты труда различаются по своей конкретной, полезной форме, но не различаются субстанциально, по сущности, ибо все это есть труд одной и той же семьи как целого. Следовательно, субстанция существует как еще непосредственная совокупность, еще нерасчлененное целое.

«Наконец, представим себе, — пишет К. Маркс, — для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе»⁷². Здесь субстанция существует не как общее относительно самостоятельных вещей, а происходит «снятие» относительной самостоятельности вещей, отрицание отрицания, «возвращение» к исходному пункту, но как к опосредованному единству субстанции.

Мы проследили в той последовательности, в какой это дается в «Капитале», обращение К. Маркса к ступеням, к формам предмета, в которых исчезает объективная видимость вещей. Из этих примеров вытекает общее представление о развитии предмета (в данном случае общества.)

⁷¹ Напомним, что в этой работе мы подразумеваем под термином «вещь» непосредственное единство непосредственной формы и сущности, существующее обособленно от других вещей с той же самой сущностью и находящееся в существенном отношении с этими вещами.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т., 23, стр. 88.

Действительно. Первоначально субстанция предмета (в данном случае это — труд вообще) существует как еще нерасчленившаяся совокупность, результаты субстанции различаются только по непосредственной форме. (См. характеристику К. Марксом патриархальной формы непосредственно обобществленного труда.)

Затем субстанция расчленяется, но расчленение происходит таким образом, что теряется характер совокупности и субстанция превращается в ряд единичных субстанций. Каждая из единичных субстанций существует наряду с другими единичными субстанциями, являясь особенной субстанцией. Продукты, результаты субстанции по-прежнему различаются только непосредственной формой. (См. характеристику европейского средневековья. Это справедливо и по отношению к рабовладельческому строю.)

Дальнейшее развитие субстанции приводит к тому, что между единичными субстанциями вообще возникает субстанциальная, внутренняя связь, но исключительно через продукты, результаты единичных субстанций. Отныне продукты, результаты субстанции различаются не одной непосредственной формой, но и по сущности. (См. характеристику капиталистического строя.)

Наконец, происходит как бы возвращение к непосредственному единству субстанции, но с сохранением в «снятом» виде внутренних различий в этом единстве, т. е. происходит «возвращение» к исходному пункту. Но единство субстанции есть уже не еще нерасчлененная совокупность, и не совокупность обособленных членов ее, а единство различного, образовавшееся путем «снятия» обособления (см. характеристику К. Марксом коммунистического общества), когда «снимается» обособленность различных видов труда, хотя различие в видах труда остается.

Отсюда следует, что коммунизм может быть понят лишь как отрицание отрицания, где первое отрицание есть возникновение частной собственности, а второе отрицание — уничтожение частной собственности, экспроприация экспроприаторов. Таким образом, познание коммунизма невозможно при отвлечении от исторического процесса его породившего, подобно тому как денежная форма стоимости раскрывается полностью лишь путем ее выведения из простейшей формы стоимости.

Следовательно, существование предмета в форме совокупности вещей есть исторически определенная ступень в развитии предмета вообще.

Далее К. Маркс сжато определяет достижения и недостатки науки, исследовавшей совокупность вещей, обособленных по сущности, и исходившей из признания ее (совокупности) вечности и всеобщности. Имеется в виду классическая, т. е. научная буржуазная политэкономия. Отсутствие исторического подхода было неизбежным на первоначальных этапах изучения той стадии предмета, когда он представляет собой совокупность обособленных по сущности вещей. Отсутствие историзма в исследовании обуславливалось тем, что познание предмета начиналось с осмысления практических интересов; в практике же предмет как совокупность вещей встречался так длительно, что его формы, естественно, вначале представлялись неизменными и всеобщими. В соответствии с темой нашей работы мы обсуждаем только логическую сторону вопроса.

Каковы же успехи и недостатки изучения предмета как совокупности вещей при неисторическом подходе к нему? В какой мере оказалось возможным исследование этого предмета при отсутствии принципа историзма?

Наука сумела обнаружить, хотя и не в полной мере, сущность рассматриваемой совокупности вещей, величину сущности, выявила содержание и в известной мере познала, чем определяется сущность и ее величина⁷³.

В чем недостаточность этого исследования?

В о-п е р в ы х. Ограниченность понимания сущности при указанном подходе заключается, коротко говоря, в том, что четко, последовательно, сознательно не различается конкретная форма субстанции, производящая непосредственность вещей, и субстанция вообще, создающая сущность вещей. Это различие не осознается, фактически же оно имеется, ибо первая сторона субстанции трактуется как качественная, а вторая сторона — как

⁷³ Рассмотрение ограниченности анализа буржуазной классической политэкономией величины сущности К. Маркс переносит в четвертую книгу своего труда. Поскольку мы стремимся к возможно более точному логическому описанию (и объяснению) хода мысли К. Маркса в «Капитале», то нам представляется целесообразным также вернуться к этому вопросу при анализе четвертой книги «Капитала».

количественная. Отсутствие сознательности различения и наличие лишь фактического различия приводит к непоследовательности проведения различия, к путанице в этом вопросе. Маркс пишет о Д. Рикардо: «...он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы «Стоимость и богатство и их отличительные свойства» вынужден возиться с пошlostями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем»⁷⁴ (который определял стоимость одних товаров через предположенную в качестве данной стоимость другого товара, в этом случае труда).

В о-в т о р ы х. Предшествующая политэкономия «ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание (содержание стоимости и величина стоимости. — В. В.) принимает такую форму, другими словами—почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине стоимости продукта труда?»⁷⁵. Следовательно, наука даже не пыталась понять — почему субстанция вообще принимает в своих продуктах, результатах именно форму сущности в е щ е й и величины сущности в е щ е й? В данном случае термин «форма стоимости» употребляется не в значении «форма проявления стоимости». Речь идет об исторической форме, какую принимает труд, когда он имеет своим продуктом, результатом именно стоимость. Таким образом, сущность имеет форму своего проявления и историческую форму, т. е. особенности существования сущности на данной ступени развития предмета. Постановка и решение вопроса об исторической форме сущности неразрывно связаны с принципом историзма. «Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»⁷⁶. (Кстати, здесь совершенно отчетливо видно, что Маркс все время

⁷⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 23, стр. 90.

⁷⁵ Там же, стр. 90—91.

⁷⁶ Там же, стр. 91.

анализирует товар капиталистического общества.) Если рассматриваемую особенную стадию развития предмета брать в качестве вечной, то от исследователя необходимо скроются особенности формы сущности на данной стадии. В таком случае исторически определенная форма сущности предстанет безразличной и внешней по отношению к природе вещи. Кроме того, представление о безразличии и внешнем отношении исторически определенной формы сущности к природе вещи возникает и тогда, когда качество субстанции вообще не выделяется, а внимание сосредоточивается на анализе ее величины. Маркс различает вульгарную «науку» (в данном случае вульгарную политэкономия) и науку без кавычек (классическую буржуазную политэкономия). Наука изучает внутренние связи предмета. Вульгарная «наука» не покидает сферы внешних кажущихся связей, снова и снова повторяет уже исследованный материал, руководствуясь при этом не задачей изучения предмета самого по себе с точки зрения широкой общественной практики, а пытаясь дать трактовку предмета, приспособленную к тем или иным сугубо частным интересам. Естественно, что результатом познания оказывается весьма огрубленное понимание отдельных явлений предмета. Невидимому, наука не может не начать с обобщения и систематизации той или иной узкой, отдельной практической области. Всякая наука идет от внешних кажущихся зависимостей к внутренним связям. Следовательно, огрубление предмета неизбежно в науке. Но огрубление огрублению рознь. Действительная наука не останавливается исключительно в сфере частных практических интересов, а выходит на столбовую дорожку общественной практики человечества. Истинная наука не погрязает навсегда во внешних, поверхностных зависимостях, а пробивается во внутренние отношения предмета. Наука, заслуживающая этого слова, не повторяет уже изученный материал иначе как в популярных целях. Поэтому в подлинной науке огрубления допустимы лишь постольку, поскольку они неизбежны. Напротив, вульгарная «наука» — и в этом ее специфика — не движется вперед, несмотря на имеющиеся условия более глубокого познания, она закрепляет огрубления там и тогда, где и когда они перестали быть необходимыми с точки зрения закономерного хода познания.

При неисторическом подходе к исследованию исторически определенной стадии развития все предшествующие стадии развития интерпретируются как искусственные, лишь одна рассматриваемая стадия развития полагается естественной. В данном случае отсутствие историзма превращается в субъективизм.

Если наука ограничивается той стадией развития, на которой субстанция существует в совокупности вещей, обособленных по сущности, и рассматривает эту стадию неисторически, то она в той или иной форме находится в плену объективной видимости существенного отношения как отношения непосредственных форм вещей. При названных условиях неизбежно возникают иллюзии. Таковы, например, иллюзии монетарной системы, будто золото по своей природе есть деньги. Или иллюзия физиократов, будто земледельческий труд в силу своей конкретной формы образует земельную ренту.

9. ЦЕЛОСТНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Теперь, когда рассмотрены в логическом аспекте воззрения К. Маркса на формы стоимости, возможно представить их логику в целом.

Стоимость проявляется в потребительной стоимости, в натуральной, чувственно воспринимаемой форме. Следовательно, в явлении сущность имеется непосредственно. Но потребительная стоимость не есть просто непосредственное в проявлении стоимости. Потребительная стоимость опосредована стоимостью и потому служит формой проявления стоимости. Таким образом, явление не есть чистая непосредственность, а есть непосредственность, опосредованная сущностью. Иначе говоря, явление есть существенное существование, существенная непосредственность.

После рассмотрения форм проявления стоимости мы уже располагаем доказательством того, что стоимость может выражаться в самых различных потребительных стоимостях. Способность потребительных стоимостей быть воплощением стоимости, независимо от того, в какой именно потребительной стоимости выражается стоимость в каждом данном случае, есть постоянное в смене потребительных стоимостей как натуральных форм про-

явления стоимостей товаров. Это постоянное в сменяющихся явлениях есть то, что Гегель называет законом явления.

Проявляющееся существенное и проявление сущности не одно и то же. Проявляющаяся стоимость и проявление стоимости в потребительной стоимости есть разное, ибо стоимость существует до ее проявления и не создается ее проявлением. Тут стоимость и многообразие натуральных форм ее проявления выступают в противопоставлении друг другу. У Гегеля этому соответствует противоположность в-себе-сущего и являющегося миров.

После того как явления изучены в последовательности от единичного ко всеобщему, мысль начинает фиксировать зависимость сущности и явления, изученного в целом. Теперь рассмотрение отношения сущности и явления протекает в рамках рассмотрения отношения целостности явления к целостности сущности, или, точнее, в рамках отношения сущности в ее развитом виде и явления вообще, во всей совокупности его моментов.

А. Закон явления

Стоимость одного товара может проявляться в различных потребительных стоимостях других товаров. Стоимость 1 центнера пшеницы, например, равна х сахара, у железа и т. д. и т. д. Во всех этих случаях одна потребительная стоимость сменяется другой, но остается постоянным то обстоятельство, что именно потребительная стоимость одного товара служит воплощением стоимости какого-то другого товара (в данном примере — пшеницы) и что стоимость одного товара проявляется в потребительной стоимости другого товара. Следовательно, всякий раз необходима вполне определенная потребительная стоимость, чтобы стоимость проявилась. Потребительная стоимость есть здесь и эта единичная потребительная стоимость и эта потребительная стоимость как всякая другая, ибо не только эта, но и другая потребительная стоимость может служить воплощением стоимости.

Таким образом, явление, взятое в отношении к другим явлениям, есть непосредственное (эта единичная потребительная стоимость), опосредованное отрицанием

самого себя (эта потребительная стоимость, поскольку она есть как и всякая другая потребительная стоимость), и это отрицание устойчиво налично (всякая потребительная стоимость может служить воплощением стоимости, стоимость может проявляться в любой потребительной стоимости).

Явление имеет две стороны: во-первых, оно непосредственно. Проявление стоимости существует всегда как данная определенная потребительная стоимость. Во-вторых, явление тождественно самому себе в отношении к другим явлениям. Это та сторона, которая дает возможность любой потребительной стоимости быть воплощением стоимости. По первой стороне существенное содержание явления «есть некоторое наличное бытие, но как случайное, несущественное, которое по своей непосредственности подвержено переходу, возникновению и прохождению. По второй стороне оно есть простое определение содержания, изъятое из-под власти этой смены явлений, — то, что *пробывает* в последней»⁷⁷.

Для того чтобы потребительные стоимости могли стать воплощением стоимости, они должны удовлетворять потребности и при этом всякий раз определенные потребности. Эти требования сохраняются для любого воплощения стоимости. Следовательно, спокойное, постоянное, существенное содержание явления имеет внутри себя различие (потребительная стоимость вообще, многообразие определенных потребительных стоимостей).

Далее выражение стоимости в данной определенно» потребительной стоимости исключает в этом проявлении всякую другую потребительную стоимость. А выражение стоимости во всякой другой потребительной стоимости, кроме данной, исключает выражение стоимости в этой последней. Таким образом, в явлении каждая из двух его устойчивых сторон имеется в отсутствии другой.

Однако, если стоимость всего товарного мира в целом получает действительное выражение, то стоимость, взятая в целом, выражается в бесконечном многообразии потребительных стоимостей, и в данной и во всех остальных, а не только в данной потребительной стоимости.

⁷⁷ Гегель. Соч., т. V, стр. 599.

Стоимость отдельного товара есть лишь момент мира стоимостей и существует во внутренней связи с ним. Проявление стоимости данного товара предполагает наличие многообразия потребительных стоимостей, их существование в качестве именно потребительных стоимостей, т. е. сходство в многообразии, и всякий раз данную потребительную стоимость. Следовательно, в явлении каждая из его устойчивых сторон не только имеется в отсутствии другой, но и необходимо предполагает другую сторону. Потребительная стоимость, как всякая другая потребительная стоимость, и потребительная стоимость, как данная определенная потребительная стоимость, обе наличны и едины, и одновременно они разные, безразличные друг к другу. Единство и вместе с тем без различие этих различных устойчивых сторон явления есть закон явления.

Непосредственность явления есть одна из ее устойчивых сторон. Эта непосредственность, с одной стороны, представляет собой несущественную непосредственность, ибо каждая потребительная стоимость остается чем-то извне непосредственно данным по отношению к стоимости товара, которая в ней проявляется. С другой стороны, непосредственность потребительной стоимости в проявлении стоимости уже не есть простая непосредственность, а непосредственность, опосредованная, положенная сущностью. Так, потребительные стоимости сахара, железа и т. д. в приведенном выше примере есть в стоимостном отношении не просто специфические потребительные стоимости как таковые, а они есть различные воплощения стоимости 1 центнера пшеницы. Иначе говоря, потребительная стоимость каждого товара в стоимостном отношении имеет значение не сама по себе, а лишь как воплощение стоимости.

Явление и закон явления по существенному содержанию представляют собой одно и то же. Закон есть постоянное, сохраняющееся в явлении. Явление есть случайное, преходящее в смене явлений, непосредственное в единстве с законом явления. Закон есть основа явления, явление есть закон явления и, кроме того, несущественная непосредственность. «Закон находится... не по ту сторону явления, а непосредственно *наличен* в нем; царство законов есть *спокойное* отображение существующе-

го или являющегося мира. Но, правильнее сказать, что оба суть единая целостность...»⁷⁸.

Единство и различие потребительной стоимости вообще и определенной потребительной стоимости, взятых в качестве воплощения проявляющейся стоимости, есть закон явления стоимости. Непосредственность определенной потребительной стоимости (холста как холста, сюртука как сюртука и т. д.) есть преходящее в явлении стоимости. Закон явления стоимости еще безразличен к потребительной стоимости самой по себе, т. е. то обстоятельство, что каждая данная потребительная стоимость принадлежит многообразному миру потребительных стоимостей, служащему воплощением мира стоимостей, не определяет саму эту потребительную стоимость.

Следовательно, закон явления еще безразличен к несущественной непосредственности явления. Последнее определено не законом явления, а чем-то другим и потому связано с законом явления внешним образом. Закон образует спокойное в явлении. Явление есть закон в беспокойной смене одного другим. По сравнению с законом явление есть целое, так как в нем есть и закон и несущественная непосредственность. В самом законе явления его стороны пока лишь непосредственно тождественны и столь же непосредственно безразличны друг другу. Если в первой главе первого тома «Капитала» К. Маркс показывает, что стоимость одного товара проявляется в потребительной стоимости и при этом в определенной потребительной стоимости другого или других товаров, то его пока специально не интересует смена потребительных стоимостей друг другом в процессе обнаружения стоимостей товаров. Иначе говоря, еще нет перехода сторон закона явления друг в друга. Стороны закона явления пока не выступают так, что каждая из них в себе самой есть вместе с тем не она, а свое другое.

В. Являющийся и в-себе-сущий мир

Стоимость товара проявляется в потребительной стоимости вообще, которая всегда есть вместе с тем определенная потребительная стоимость, как всякая другая, а также есть данная, непосредственно опреде-

⁷⁸ Гегель. Соч., т. V, стр. 602.

ленная, т. е. единичная потребительная стоимость. Непосредственность определенной потребительной стоимости различна в различных проявлениях стоимости, но при этом всегда должна быть налицо та или иная непосредственная определенность потребительной стоимости. Поэтому закон явления стоимости включает в себя и эту изменяющуюся определенность потребительной стоимости, но постоянно, закономерно здесь лишь изменение, отрицание той или иной определенности потребительной стоимости. Следовательно, закон явления не есть только тождество ранее отмеченных двух различных устойчивых его сторон, но также и отрицание несущественной непосредственности как существенное, закономерное отрицание. «То, что ранее было законом, поэтому уже больше не есть лишь *одна* из сторон того целого, другой стороной которого было явление как таковое, но само есть целое»⁷⁹. Действительно, закон явления есть то же самое, что и явление, но в существенной отрицательности. Изменчивость явления входит в закон явления как отрицание несущественного многообразия или в качестве формы как таковой. Закон явления понимаемый таким образом, пользуясь терминологией Гегеля, можно назвать в-себе-и-для-себя сущим миром, а явление, противопоставленное ему, являющимся миром.

Закон явления как целостность его моментов, т. е. существенный мир, сам внутри себя многообразен, и, кроме того, он есть отрицание несущественного многообразия, отрицание являющегося мира, противоположность последнему. Многообразие потребительных стоимостей как проявляющихся стоимостных, общественных отношений противоположно многообразию потребительных стоимостей как природных вещей. Вместе с тем, поскольку многообразие потребительных стоимостей изучается здесь как мир натуральных форм проявляющихся стоимостей, постольку являющийся и существенный мир есть один и тот же мир, второй — существенный, а первый — несущественный, положенный существенным миром. Действительно, многообразие потребительных стоимостей как п р о я в л е н и й стоимости положено миром стоимостей. Являющийся мир есть постольку, поскольку имеется существенный. Многообразие потребительных

⁷⁹ Гегель. Соч., т: V, стр. 606.

стоимостей как явлений стоимости не есть мир стоимостей и вместе с тем оно есть лишь постольку, поскольку есть мир стоимостей. Существенный мир не существует без отрицания им являющегося мира. Мира стоимостей нет без многообразия потребительных стоимостей как явлений стоимости. Таким образом, отношение существенного и являющегося миров представляет собой отрицательное единство, где каждая из сторон есть в себе самой свое другое (а не другое вообще). «Соотношение-поэтому определено следующее: в-себе-и-для-себя-сущий мир есть *изнанка* являющегося»⁸⁰. То, что в капиталистическом обществе непосредственно выступает как отношение природных вещей, во в-себе-и-для-себя-сущем мире есть отношение людей.

С. Разложение явления

Мир являющийся и мир существенный относятся как противоположности. Возьмем, например, товарный мир. То, что в являющемся мире есть отношение природных вещей, то в существенном мире есть отношение людей. Но «как раз в этой противоположности обоих миров *исчезло их различие*, и то, что должно было быть в-себе-и-для-себя-сущим миром, само есть являющийся мир, а последний, наоборот, есть в нем самом существенный мир»⁸¹. Именно противопоставляя мир являющийся и мир существенный, мы обнаруживаем, что каждый из них существенно содержит в себе другой мир.

В самом деле. Если совершенно противопоставить отношение товаров как природных вещей отношению товаров как стоимостей, то совокупность первых отношений не будет являющимся миром являющихся сущностей, являющихся стоимостей, а совокупность вторых отношений не будет миром сущностей, стоимостей. Следовательно, в качестве являющегося мира и мира существенного обе эти совокупности полагают друг друга, они соотносительны, существуют как отношение и только в отношении. Это отношение определяется сущностью и есть существенное отношение.

В логике «Капитала» в противоположность логике

⁸⁰ Гегель, Соч., т. V, стр. 609.

⁸¹ Там же, стр. 610.

Гегеля являющийся мир и мир сущностей выступают сугубо соотносительно не вообще, а лишь при строго определенных условиях: при изучении предмета в качестве данного, а сторон предмета в виде одновременно существующих. Такой подход к предмету, хотя и неизбежен на определенном этапе рассмотрения (например, товара как непосредственно данного капитала), но он никогда не является в марксистской логике единственным и всеобъемлющим. В первой главе К. Маркс указывает, что одна сторона единства противоположностей, являющийся мир (совокупность разнородных потребительных стоимостей), служит условием существования другой стороны единства, мира сущностей (стоимостей). Первая сторона возникает раньше второй, но, конечно, не как сторона е д и н с т в а противоположностей.

§ 10. СУЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ

Непосредственный, являющийся мир и мир существенный, безразличны друг другу и вместе с тем существуют только в отрицании друг друга. Они находятся в отрицательном единстве. Потребительные стоимости, в которых проявляются стоимости, безразличны сами по себе к стоимости, не есть стоимости, так же как и стоимости не есть потребительные стоимости. Но будучи воплощением проявляющихся стоимостей, потребительные стоимости не просто не есть стоимости, а есть лишь в соотношении со стоимостями. Стоимости в своем проявлении не просто не есть потребительные стоимости, а есть лишь в соотношении с потребительными стоимостями.

Следовательно, в существенном отношении отрицательно соединены сущность и непосредственность.

Когда стоимость проявляется в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях, тогда она выступает сначала по отношению к своим проявлениям как целое по отношению к частям. И лишь затем познается, что одна из сторон есть то, что вызывает, другая—то, что вызывается первой. Это есть отношение силы и ее проявления. Изучение силы и ее проявлений приводит к тому, что выступает отношение внутреннего и внешнего, в котором обнаруживается субстанция как действительность.

В самом деле. Окинем ретроспективным взглядом первую главу «Капитала». Теперь, после анализа форм стоимости, ее содержание выступает под новым углом зрения. Оказывается, что при рассмотрении стоимости независимо от форм ее проявления существенное отношение полностью не исчезало: стоимость изучалась как целое по отношению к ее частям, стоимостям отдельных товаров. В изложении формы стоимости стоимость характеризовалась в качестве вызывающей проявление стоимости, следовательно, в качестве силы по отношению к ее проявлению. Наконец, только после рассмотрения явления стоимости в целом выявилось полностью фактическое действительное различие между внешним и внутренним. Лишь в единстве внутреннего и внешнего субстанция стоимости проявила свое положительное содержание.

А. Отношение целого и частей

Мы уже видели раньше, говоря о существенном тождестве, существенном различии, и т. д., что стоимость, рассматриваемая независимо от формы ее проявления, есть существование, самостоятельное по отношению к потребительной стоимости и определяемое через отрицание внутри стоимости потребительных стоимостей. Поскольку К. Маркс отвлекался от изучения потребительных стоимостей и выделял стоимость самое по себе, постольку потребительные стоимости выступали как непосредственно самостоятельные. Поскольку же стоимость в ее отвлечении от потребительных стоимостей тем не менее получает свое определение через соотношение с потребительной стоимостью, постольку потребительная стоимость оказывается моментом определения стоимости самой по себе.

Стоимость вообще, независимо от формы проявления, есть ц е л о е. Стоимость, воплотившаяся в той или иной| потребительной стоимости, т. е. стоимость отдельного товара, есть ч а с т ь стоимости. С одной стороны, стоимость определяется сама по себе, т. е. самостоятельно, независимо от потребительной стоимости данного и всякого другого товара. При этом стоимость отдельного товара есть лишь момент стоимости вообще. С другой стороны, без потребительной стоимости, выступающей здесь

независимо, самостоятельно от стоимости, нельзя отделить одну часть стоимости от другой. Следовательно, целое и часть самостоятельны по отношению друг к другу, но эти самостоятельности отражаются друг в друге и существуют лишь в их тождестве. Обе стороны существенного отношения, «хотя и положены как моменты, но вместе с тем положены также и как существующие самостоятельности»⁸². Суть дела охвачена здесь Гегелем чрезвычайно точно. Целое и части относятся друг к другу и как моменты, и как непосредственные самостоятельности. Стоимость вообще есть целое, стоимость отдельного товара — часть. Стоимость вообще в ее независимости от формы проявления — об этом было сказано выше — есть самостоятельность, опосредующая себя в себе и вместе с тем непосредственная. Стоимость отдельного товара выступает в ней как момент. Стоимость вообще есть и сама она и стоимость отдельного товара, т. е. она есть и сторона единства двух сторон, и их единство, основа. С т о и м о с т ь отдельного товара есть целое. Стоимость же отдельного товара есть часть. О с н о в а части как таковой есть потребительная стоимость товара, ибо отдельный товар потому выделяется из стоимости, что он есть определенная потребительная стоимость. Поэтому стоимость отдельного товара находится во внешнем соотношении со стоимостью вообще.

Таким образом, целое есть самостоятельность, опосредующая себя в себе и вместе с тем непосредственная. Часть есть момент целого. Целое есть основа и самого себя и части, целое есть единство целого и части. Часть определена целым, а целое частью. Вместе с тем основа части есть непосредственное и потому целое есть внешнее соотношение целого с частью. Целое и части и самостоятельны, и «сняты» друг другом в одном и том же отношении. Стоимость, взятая сама по себе, есть самостоятельное целое. С т о и м о с т и отдельных товаров есть только моменты стоимости. Но стоимости отдельных товаров самостоятельны, ибо выделяются из стоимости потому, что товары имеют потребительную стоимость, от которой при рассмотрении стоимости самой по себе Маркс отвлекается. Это очевидно противоречи-

⁸² Гегель. Соч. т. V, стр. 615.

во. Гегель выражает ситуацию такого рода в чистом виде: «Целое есть самостоятельное, части суть лишь моменты этого единства; но в той же мере они суть тоже нечто самостоятельное, а их рефлексированное единство лишь момент; и каждая из обеих сторон есть в своей *самостоятельности* безоговорочно *относительное* своего другого. Это отношение есть поэтому в себе самом непосредственное противоречие...»⁸³.

Стоимость состоит из стоимостей отдельных товаров. Без стоимостей отдельных товаров нет и стоимости вообще. Следовательно, целое состоит из частей, и без частей нет целого. Значит, целое не может существовать самостоятельно. То, что образует целое, есть иное целого, части; целое имеет свое существование не в себе, а в своем другом, в частях.

Стоимости отдельных товаров существуют в этих отдельных товарах. Без стоимости вообще нет стоимости отдельных товаров. Следовательно, без целого нет частей. Части существуют как части целого, они не самостоятельны по отношению к целому. Если же части самостоятельны, то целое внешне им, и они равнодушны к целому. Но если части равнодушны к целому, то они перестают быть частями. Поэтому части самостоятельны лишь в целом, которое само есть самостоятельность по отношению к частям. Вместе с тем при анализе стоимости самой по себе происходит отвлечение от потребительных стоимостей и, следовательно, от основания для выделения частей стоимости, стоимостей отдельных товаров. Целое и части фиксируются в их самостоятельности по отношению друг к другу.

Целое и части, таким образом, взаимно самостоятельны и взаимно предполагают друг друга. Самостоятельность целого опосредована частями, а самостоятельность частей опосредована целым. С той стороны, с которой они обусловлены друг другом, целое и части равны друг Другу. С той же стороны, с которой они самостоятельны, существуют отдельно, равнодушно друг к другу. С первой стороны стоимость вообще и стоимость отдельного товара есть одно и то же. Нет ничего в стоимости вообще, чего не было бы в стоимости отдельного товара, и нет ничего в стоимости отдельного товара, чего нет в

⁸³ Гегель. Соч., т. V, стр. 616.

стоимости вообще. Со второй стороны, стоимость вообще и стоимость отдельного товара существуют отдельно друг от друга и безразлично друг к другу.

Если части равны целому, а целое частям, то в частях нет ничего такого, чего не было бы в целом, а в целом нет ничего такого, чего не было бы в частях. Однако целое равно частям не как частям, а частям, взятым вместе, т. е. целое равно самому себе. Наоборот, части равны целому не как единству, а как многообразию, т. е. части равны не целому, а частям. Но если так, то целое и части соотносятся не друг с другом, а лишь сами с собой. Если же они соотносятся исключительно сами с собой, то целое перестает быть целым, а части частями. Целое без частей есть нерасчлененное тождество; части без целого есть многообразие без соотнесения. Поэтому целое есть единство, соотнесение многообразия, а части есть многообразие единства, соотнесения. Отношение целого и частей представляет собой соотношение, взаимопредположенность самостоятельности. Самостоятельность каждого из членов этого отношения есть самостоятельность в отрицании, отрицательная самостоятельность, самостоятельность, существующая через отрицание другого.

Таким образом, стоимость вообще есть общественное единство в многообразии потребительных стоимостей, единство в многообразии отношений различных товаров. И пока стоимость берется вне этого многообразия, она выступает отрицательно как нерасчлененное тождество. Многообразие же товаров вне их стоимостного единства есть лишь множество потребительных стоимостей, не соотнесенных друг с другом. Стоимость вообще, следовательно, есть самостоятельность в отрицании многообразия потребительных стоимостей, существует как отрицание многообразия потребительных стоимостей.

Если стоимость, взятая сама по себе, вместе с тем все-таки не утрачивает полностью своей связи со стоимостями отдельных товаров, то эта связь есть связь целого и части. Но коль скоро от стоимости самой по себе переходят к проявляющейся стоимости, тогда самостоятельность стоимости снимается и в проявлении стоимости, потребительная стоимость как воплощение стоимости и стоимость рассматриваются уже только в их взаимной опосредованности, в отрицательном единстве.

Непосредственность, самостоятельность обеих сторон (стоимости и потребительной стоимости) в проявлении (стоимости в потребительной стоимости) переходит в их опосредованность, в отрицательную взаимообусловленность. Это отношение силы и ее проявления.

В. Отношение силы и ее проявления во-вне

Отношение целого и частей в сравнении именно с отношением силы и ее проявления представляет собой механический набор. Целое и части, поскольку они самостоятельны, внешни друг другу. Но как раз эта самостоятельность устраняется с переходом к отношению силы и ее проявления.

В проявлении стоимости потребительная стоимость не есть стоимость, а стоимость не есть потребительная стоимость, однако, потребительная стоимость как воплощение стоимости полагается именно стоимостью, а стоимость как проявляющаяся полагается именно потребительной стоимостью.

Следовательно, в отношении силы и ее проявления каждый из членов не есть другой и вместе с тем каждый из них. полагает другого в своем отрицании его. Познание отношения силы и ее проявления предполагает уже совершившееся познание целого и частей. Стоимость в своих проявлениях есть уже не просто не многообразие потребительных стоимостей. От многообразия потребительных стоимостей не просто отвлекаются, подобно тому, как это происходило при рассмотрении стоимости самой по себе. Стоимость теперь воплощается в самом многообразии потребительных стоимостей. Таким образом, единство целого теряет свое внешнее отношение к многообразию, оно проникает в само многообразие, а многообразие внутри себя становится единством.

Члены существенного отношения утратили свою самостоятельность и имеются только в качестве моментов. (Моментами являются существенное единство, стоимость, и непосредственное многообразие, многообразие потребительных стоимостей.)

а) Обусловленность силы

Стоимость проявляется в стоимостном отношении. Рассматривая проявление стоимости, Маркс отображает не стоимость саму по себе, а изучает стоимость в един-

стве с ее проявлением, однако поскольку здесь стоимость есть нечто исходное, постольку стоимость имеет момент непосредственности. Сама же стоимость ближайшим образом интересует Маркса прежде всего как полагающая проявление, как проявляющаяся в потребительной стоимости, т. е. стоимость фиксируется в ее отрицательном единстве с потребительными стоимостями.

Стоимость есть первое и в этом смысле непосредственное по отношению к своим проявлениям. В качестве проявляющейся стоимости, т. е. силы, она и полагает сама проявление и положена тем, в чем она проявляется, ибо без потребительной стоимости нет и проявления стоимости. Проявляющаяся стоимость зависит от потребительной стоимости товара, или, иначе говоря, от непосредственности вещи. (Выше мы писали, что товар в определенном смысле есть вещь вообще, потребительная стоимость — непосредственность вещи, а стоимость — ее сущность.) При этом потребительная стоимость отнюдь не становится сама по себе стоимостью. Значит, вещь как непосредственное и полагает силу и безразлична к силе.

Итак. Сила существует как сила в отрицательном единстве с ее проявлением вовне. Непосредственность силы сохраняется лишь как момент, постольку, поскольку сила в отрицательном единстве есть первое, исходное. Так как сила не только полагает проявление в вещах, но и предполагается ими, то она полагается непосредственностями вещей. При этом вместе с тем непосредственности вещей остаются безразличными к силе.

Поскольку стоимость существует до ее проявлений, до отношения стоимостей, то она внешня своим проявлениям. В проявлениях стоимости, рассмотренных в целом, это непосредственное существование снимается и становится моментом. Стоимость — не только и с х о д н ы й пункт проявлений стоимости. Стоимость проявляется в стоимостном отношении т о в а р о в. Стоимость в стоимостном отношении товаров, и в независимости от форм стоимости, есть противоречие. Действительно, в стоимостном отношении товаров общим является одна и та же стоимость и в этом же отношении стоимость различается сама от себя, ибо если бы она не различалась, то невозможно было бы отношение стоимостей. Различие же стоимостей имеется потому, что относятся то-

вары с различными потребительными стоимостями. Пока Маркс говорит только, что стоимость проявляется в стоимостном отношении товаров, но еще не разбирает собственно проявления стоимости, речь идет о стоимости в стоимостном отношении, а различие потребительных стоимостей имеется еще в скрытом виде, так сказать, внутри собственного отношения стоимости. Следовательно, сила есть противоречие. Она есть непосредственное единство тождественной самой себе опосредованности и непосредственного многообразия. Сила сама в себе соотносится с собой как отрицательное единство.

Стоимость проявляется не просто в стоимостном отношении, а в стоимостном отношении товаров. Стоимость в стоимостном отношении товаров тождественна самой себе и вместе с тем отличается от себя, ибо имеется по меньшей мере две стоимости. Без различия товаров по потребительным стоимостям товары не могут вступать в стоимостное отношение и различаться в стоимостном отношении. Поэтому различие потребительных стоимостей образует предпосылку, условие проявления стоимости, стоимостного отношения, будучи внешним к стоимостному отношению. Это же различие как различие стоимостей в стоимостном отношении само есть стоимость, т. е. сила.

Итак. Сила тождественна самой себе и отличается от самой себя, отрицает сама себя. Различие силы от самой себя выступает условием, предпосылкой силы, внешним по отношению к силе, и вместе с тем условие, предпосылка сама есть сила.

Проявляющаяся стоимость и потребительные стоимости, взаимопредполагая, взаимообуславливая друг друга, выступают по отношению друг к другу как разные силы. При всем при том они содержатся именно в с т о и м о с т н о м отношении товаров.

в) В о з б у ж д е н и е с и л ы

Стоимость одного товара соотносится в своем проявлении с потребительной стоимостью других товаров как с чем-то другим для нее, внешним (потребительная стоимость не есть стоимость) и в то же время тождественным ей (потребительная стоимость есть проявление стоимости). Потребительная стоимость, будучи выражением

стоимости, соотносится со стоимостью как с чем-то тождественным ей и вместе с тем как с чем-то другим. Стоимость товара *A*, выражающаяся в потребительной стоимости, например, какого-либо другого товара *B*, отрицает себя, становится воплощенной, выраженной стоимостью, и вместе с тем сохраняет себя, ибо потребительная стоимость товара *B* имеет значение в стоимостном отношении только как воплощение с т о и м о с т и. Таким образом, сила, отрицая себя, остается в этом отрицании сама собой, т. е. сила приобретает свое собственное проявление во вне. Стоимость товара *A* определена здесь как возбуждающая сила, а потребительная стоимость товара *B* в качестве воплощения стоимости как возбуждаемая сила. Если же стоимость товара *B* выражается в потребительной стоимости товара *A*, то уже стоимость товара *B* оказывается возбуждающей, а потребительная стоимость товара *A* возбуждаемой *склок*. В обоих случаях именно стоимость, стоимость товара, выражающего свою стоимость, определена ближайшим образом в качестве возбуждающей силы, а потребительная стоимость товара, в котором выражается стоимость,— возбуждаемой силы.

с) Б е с к о н е ч н о с т ь с и л ы

Проявляющаяся стоимость и потребительные стоимости как воплощения стоимости в их тождественности, взаимообусловленности друг другом снимают свою непосредственность и, значит, конечность, сливаются друг с другом. Сила здесь бесконечна, внешнее и внутреннее тождественны.

В разделе об обусловленности силы прежде всего подчеркивалось, что стоимость в стоимостном отношении до рассмотрения проявлений стоимости есть противоречие. В разделе о возбуждении силы излагалось в общем виде возбуждение стоимостью его проявления, т. е. проявление во вне противоречия стоимости в стоимостном отношении. Ударение делалось на отличие п р о я в л е н и я от сущности в рамках их единства. В разделе же «Бесконечность силы» отмечается тождество проявляющейся стоимости и ее проявления, т. е. акцент переносится на то, что проявление стоимости остается проявлением с т о и м о с т и.

С. Отношение внешнего и внутреннего

Отношение внешнего и внутреннего выступает перед сознанием познающего лишь тогда, когда прослежены в целом проявления сущности. В самом деле, обнаружение стоимости в и за меновой стоимостью еще не доказывало тем самым, что меновая стоимость есть внешнее стоимости и что стоимость имеет внешнее. Стоимость не обнаружила себя в качестве внутреннего именно меновой стоимости. Только рассмотрение форм проявления стоимости показало, что именно есть внешнее стоимости, и только тогда стоимость в полной мере предстала внутренним.

Являющаяся стоимость оказалась внутренним, а явление стоимости — внешним. Иначе говоря, являющаяся у сущность — внутреннее, явление сущности — внешнее.) Внутреннее и внешнее есть одно и то же, но первое взято, так сказать, со стороны сущности, второе — со стороны явления. Причем здесь сущность (стоимость) берется не сама по себе, не независимо от проявления, и проявление ('потребительная стоимость'), в которой воплощается стоимость, также имеет значение не само по себе. Стоимость и потребительная стоимость в проявлении стоимости выступают лишь опосредованными друг другом.

Вместе с тем проявляющаяся стоимость имеет различные проявления, или формы проявления. Следовательно, внутреннее имеет различные формы внешнего и разнится от внешнего.

В свою очередь каждая из форм проявления есть единство внешнего и внутреннего (т. е. есть стоимость, воплощенная в потребительной стоимости). Внутреннее (проявляющаяся стоимость) есть также единство в себе внешнего и внутреннего (стоимости и ее проявления).

Во внутреннем внешнее и внутреннее выступают в их непосредственном проникновении друг в друга. В стоимости самой по себе стоимость и ее проявление — непосредственно одно и другое. Во внешнем внешнее и внутреннее различаются друг от друга, образуют различные формы, т. е. приобретают известное безразличие друг к Другу и к внутреннему. В форме проявления стоимость и проявление стоимости отличаются друг от друга.

Различные формы стоимости (простая, развернутая и т. д.) тождественны друг другу не сами по себе, а потому что все они есть проявления стоимости. Таким образом, формы внешнего имеют тождество не в самих себе, а вне себя, во внутреннем. Одновременно внешнее тождественно внутреннему, ибо формы есть проявления сущности и, следовательно, тождественны проявляющейся сущности.

В отношении внешнего и внутреннего обнаруживается, что сущность, взятая исключительно как внутреннее, перестает быть внутренним и оказывается ущербной. Сущность полна тогда, когда она рассматривается как тождество внутреннего и внешнего. В применении к стоимости и субстанции стоимости это означает, что стоимость, будучи абстрагирована от формы ее проявления, не характеризуется в полной мере, что рассмотрение стоимости в единстве с формами стоимости дает завершенное изображение и стоимости самой по себе. Поэтому-то К. Маркс и пишет, что только в проявлениях выступает положительная природа труда, создающего стоимость⁸⁴.

Следовательно, сущность не создается проявлением, но она и не существует без проявления и как проявляющаяся сущность образует тождество с проявлением. Только в проявляющейся сущности выступает собственная положительная природа сущности и субстанции.

Тождество явления, взятого во всей его полноте, с сущностью, взятой во всей ее полноте, или тождество проявления сущности и проявляющейся сущности есть действительность.

§ 11. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛА. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ОБМЕНА

В первой главе «Капитала» предметом рассмотрения являлись компоненты (товары) и отдельные отношения процесса (обмена товаров). Во второй главе, которую мы анализируем, Маркс воссоздает процесс (обмена) в целом. Исследование процесса в целом углубляется в

⁸⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 77.

третьей главе «Капитала», носящей название «Деньги, или обращение товаров».

Процесс в целом изображается на основе познанной сущности и ее проявлений как развертывающееся единство сущности и ее явлений. В логическом аспекте это есть действительность. В начале второй главы первого тома «Капитала» предполагается, что процесс, (обмена товаров) дан, и задача заключается в том, чтобы теоретически его воспроизвести. Переход от иного процесса к данному, возникновение данного процесса не интересует К. Маркса в первой части главы⁸⁵. Следовательно, речь идет о связи компонентов в существующем, а не возникающем и развивающемся процессе в целом. В процессе, взятом таким образом, отдельные компоненты превращаются друг в друга, не меняя своей сущности. Товары обмениваются друг на друга, будучи тождественными в стоимостном отношении по субстанции и величине стоимости. Процесс существует в целом именно благодаря превращению компонентов друг в друга.

Только превращение компонентов процесса друг в друга впервые обнаруживает противоречие. (Нельзя забывать, что товар как товар воспроизводится в рамках существования товара как бытия капитала.) Итак, собственно противоречие бытия предмета выступает в логике «Капитала» лишь на уровне рассмотрения д е й с т в и т е л ь н о с т и б ы т и я предмета. Противоречие заключается в следующем. Товар владельца не является для него потребительной стоимостью, иначе он | бы потребил его, и товар не был бы товаром. Но этот товар служит потребительной стоимостью для того, кто им не владеет. Для владельца же товара потребительную стоимость имеет товар другого товаровладельца. Для того чтобы товар первого товаровладельца перешел ко второму товаровладельцу, а товар второго к первому требуется, чтобы товары были обменены. Для обмена потребительных стоимостей друг на друга они должны быть приравнены по стоимости. Таким образом, реализации потребительных стоимостей должна предшествовать реализация по стоимости. Но для реализации по, стоимости товары уже должны действительно доказать, что они представляют собой потребительные стоимости

⁸⁵ См. К. М а р к с и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94—96.

(товар первого товаровладельца для второго товаровладельца и товар второго для первого), т. е. быть обменены и потреблены, или, иначе говоря, быть реализованы как потребительные стоимости.

Следовательно, реализация товаров по стоимости предполагает, что уже совершилась реализация их потребительных стоимостей, а реализация потребительных стоимостей невозможна прежде чем товары реализуются по стоимости. И та и другая реализация происходит посредством обмена. Осуществление одного предполагает, что раньше совершилось другое, а осуществление другого предполагает, что раньше осуществилось первое. Вместе с тем и то и другое происходит одновременно в одном и том же.

Но обмен все-таки происходит и наличие обмена доказывает, что противоречащие стороны имеются одновременно и в одном и том же. В логическом аспекте это означает: одна сторона реализуется при том необходимом условии, что прежде реализуется другая, другая сторона реализуется при том необходимом условии, что прежде реализуется первая. Реализация и той и другой стороны осуществляется на практике, осуществляется в одном и том же процессе. Реализации сторон исключают друг друга в одно и то же время в одном и том же отношении (противоположно направленные и необходимо отрицающие друг друга временные последовательности процесса совершаются одновременно). И тем не менее обращение к практике показывает, что процесс, сторонами которого они являются, существует. Значит, противоречие в одно и то же время в одном и том же отношении не только существует, но оно находит и нашло на практике форму своего разрешения. Противоречие разрешается тем, что общественное действие выталкивает из своей среды особого рода товар — деньги, т. е. сущность получает непосредственно-всеобщую форму проявления. (Как увидим дальше, этим противоречие не устраняется, а лишь создается форма для движения нового противоречия.)

Пока речь шла о констатации противоречия процесса и о результате этого противоречия, процесс представлялся сознанию существующим, а не развивающимся. Но теперь встает вопрос о том, как происходит разрешение противоречия. Изучение р а з р е ш е н и я противоречия

процесса есть по своей сути воссоздание данного процесса в качестве разв и в а ю щ е г о с я. Становится необходимым показать также возникновение данного процесса из иного процесса. Поэтому К. Маркс переходит к изложению исторического процесса, развившего внутреннюю противоположность потребительной стоимости и стоимости во внешнюю противоположность товара и денег и тем создавшего законченную форму движения противоположности факторов товара. (Важно иметь в виду, что этот исторический процесс фиксируется постольку, поскольку он может быть реставрирован, исходя из современного К. Марксу процесса обмена.)

Итак, мысль К. Маркса идет от изложения отдельных компонентов и отношений процесса к процессу в целом. Процесс в целом берется вначале как существующий, а не изменяющийся. Прежде всего в нем констатируется его противоречивость, затем обращение к практике показывает, что противоречие нашло свое разрешение и фиксируется результативная форма разрешения противоречия процесса. После этого Маркс раскрывает возникновение и развитие процесса в рамках ответа на вопрос, каким образом происходило разрешение констатированного противоречия.

Противоречие возникает там и тогда, где и когда возникает сам процесс. Процесс в период своего возникновения, с одной стороны, уже есть данный процесс, а с другой стороны, он еще представляет собой процесс, предшествующий ему в развитии. «Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее»⁸⁶. Сущность (стоимость) уже и отделилась от непосредственности (потребительной стоимости) и еще не отделилась от нее. В непосредственном обмене продуктов «вещи *A* и *B* до обмена, не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену»⁸⁷. Предмет потребления вначале может лишь случайно превратиться в меновую стоимость. Обмен товаров существует в виде формальной возможности, формальной действительности, формальной необходимости (подробнее об этой будет сказано ниже). В дальнейшем раз-

⁸⁶ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 97.

⁸⁷ Там же.

витии обмена стоимость получает свое существование в качестве потенции уже до совершения обмена. «Первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления существует как непотребительная стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца»⁸⁸. По мере того как обмен становится регулярным, продукты труда начинают производиться специально для обмена, потребительная стоимость и стоимость отделяются, друг от друга. Прежде случайные меновые отношения приобретают зависимость от производства. Отсюда следует чрезвычайно важное логическое утверждение: в возникающем процессе сущность не существует до отношения, а создается отношением. Нам представляется, что положение классической логики: сущность существует до отношения, не создается им, а только проявляется в нем, — нуждается в уточнении. А именно: из анализа «Капитала», следует, что оно верно, если имеется в виду существование процесса, и неверно, если речь идет о возникновении процесса. В возникновении процесса положение меняется на прямопротивоположное: сущность возникает в отношении и не существует до отношения. Сам возникающий процесс имеет случайный характер.

С развитием процесса сущность получает существование до отношения. До отношения она имеется в возможности. Процесс становится реальной возможностью, реальной действительностью, реальной необходимостью (подробнее об этом см. далее). По мере того как процесс приобретает регулярность, постоянство, сущность отделяется от непосредственности вещи и превращается из формальной возможности в реальную возможность.

Образование всеобщего эквивалента и срастание этой функции с определенным видом товаров означало, что товарный обмен поднялся на еще более высокий уровень. Тем самым противоречие процесса получило непосредственно-всеобщую, законченную, и в этом смысле

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т; 23, стр. 97.

«абсолютную» форму разрешения. Дальнейшее развитие противоречия ведет уже к существенно иному противоречию и процессу. Процесс обратился в «абсолютную необходимость». Сущность имеется до отношения и с «абсолютной необходимостью» (имеется а виду процесс вообще, а не единичные его осуществления) реализуется, переходит из возможности в действительность. Всеобщая эквивалентная форма сущности постепенно срастается с той непосредственностью, которая больше всего соответствует природе сущности. Так, золото и серебро по своей природе более всего пригодны для того, чтобы быть деньгами. Непосредственно-всеобщая эквивалентная форма сущности есть лишь результат отношения к данной вещи всех остальных вещей того же типа. Если начинать изучение с непосредственно-всеобщей эквивалентной формы сущности, формы, присущей определенной вещи, то необходимо специальное исследование, чтобы установить, что эта вещь является и обычной вещью того же типа. Отношение этой вещи «особого рода» к другим вещам того же типа не создает ее сущности, а только наделяет ее специфической функцией. Отсутствие последнего различия приводит к утверждению, что сущность вещи «особого рода» воображаемая.

Исторически познание форм проявления сущности рассматриваемого предмета (товара) началась с наиболее развитой формы. Первым этапом познания было сведение высшего результата к низшему, к исходному пункту. Только затем высшее было выведено из низшего. «Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»⁸⁹.

Анализ формы проявления сущности предмета, представляющего собой совокупность самостоятельных вещей, обнаружил, что в проявлении сущности, возникает иллюзия, будто вещь, в которой выражается, сущность другой вещи, имеет эквивалентную форму в силу своей непосредственности. Иллюзия развивается и во всеобщей эквивалентной форме приобретает законченный вид.

⁸⁹ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 102.

«При этом создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что б нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела»⁹⁰. Следовательно, в результате, в наиболее развитой форме проявления сущности, иллюзия получает завершение. Между тем в результате посредствующий процесс, в ходе которого иллюзия возникла и укреплялась, исчезает. Поэтому невозможно раскрыть иллюзию, имея дело только с результатом. Отсюда исследование, начинающееся с результата, содержит иллюзорное представление о своем объекте. И только изучение пути, приведшего к данному результату, позволяет вскрыть, но не устранить объективную видимость, вскрыть и устранить иллюзию.

А. «Абсолютное»

Анализом форм стоимости было установлено, что положительная природа стоимости и субстанции стоимости фиксируется впервые в проявлении стоимости. В этом аспекте стоимость и ее проявление — одно и то же. Внешнее и внутреннее предстали тождественными. Процесс обмена в целом есть данное тождество, взятое как целостность, единство всех моментов внешнего и внутреннего, всех ранее изложенных компонентов и отношений. Маркс в первоначальной характеристике процесса обмена отвлекается от различий между формами проявления стоимости⁹¹, т. е. он абстрагируется от формальных различий внешнего и внутреннего. Следовательно, формальные различия внешнего и внутреннего «сняты», они предстали единой целостностью. Но это как раз и есть то, что Гегель — мы имеем в виду рациональные моменты его логики—называет «абсолютным». Приемлемое содержание гегелевского термина «абсо-

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. стр. 102.

⁹¹ Там же, стр. 94—95.

лютое» состоит, на наш взгляд, в том, что процесс в самом деле есть «абсолютное», поскольку он берется как целостность с точки зрения тождества внешних и внутренних сторон. Процесс как целостность тождественных внешних и внутренних сторон не есть ни только бытие, ни только сущность. Внутреннее есть сущность, но в качестве целостности, соотнесенной с бытием и тождественной бытию. Внешнее есть бытие, но в качестве целостности, соотнесенной с сущностью и тождественной, ей. В процессе обмена потребительные стоимости выступают не изолированно друг от друга и не в том или ином отдельном отношении друг к другу, а в целостности их отношений. Стоимости в процессе обмена также обнаруживают себя в целостности. (Стоимости разных товаров выражают себя одновременно. В формах же проявления стоимости рассматривалось выражение стоимости отдельного товара.) Обмен и есть тождество этих целостностей. Это тождество есть тождество процесса. Тождество процесса есть тождество целостностей внешнего и внутреннего. Все ранее разобранные определения проступают теперь в общем «эфире» тождества целостностей. Процесс обмена, имея в виду предшествующее изложение К. Маркса, предстает единством стоимости, взятой в целом, и потребительных стоимостей во всем их многообразии. Это единство и есть, так сказать, абсолютное единство внутреннего и внешнего. Но так как процесс обмена развивается в другие процессы и возникает из какого-то иного процесса, то упомянутое единство вместе с тем относительно. Поэтому, на наш взгляд, может быть целесообразным употребление для обозначения рассмотренного положения термина: «а б с о л ю т н о -относительное», или «относительное а б с о л ю т н о е». Ради краткости везде ниже мы будем пользоваться все же гегелевским термином «абсолютное».

Прежде всего при изображении процесса обмена обнаруживается, что развертывание отношений потребительных стоимостей и отношений стоимостей исключают Друг друга в одно и то же время в одном и том же отношении. Следовательно, «абсолютное», процесс, раскрывается лишь во взаимном исключении целостностей внутреннего и внешнего в одно и то же время в одном и том же отношении. Маркс, обращаясь к практике, показывает, что процесс совершился и совершается, несмотря

на такое исключение, а, значит, целостности, исключают друг друга в одно и то же время в одном и том же отношении, тождественны. У Гегеля такой переход осуществляется в спекулятивном плане.

Это тождество взаимоисключающих (в одно и то же время и в одном и том же отношении) целостностей внешнего и внутреннего есть атрибут процесса, «абсолютного». Содержание атрибута есть устойчивость процесса как целостности, образуемой тождеством взаимоисключающих целостностей внешнего и внутреннего. Атрибут есть тождество процесса, «абсолютного» с отрицанием сторонами атрибута друг друга.

Процесс в целом представляет собой не только атрибут. Процесс обмена имеет различные формы: обмен простых товаров, обмен товаров при посредстве всеобщего эквивалента, обмен одного товара на один другой товар, обмен одного товара на многие другие товары и т. д. Формы проявления процесса в целом не тождественны формам проявления сущности, ибо процесс есть не только сущность, а целостность тождественных моментов внешнего и сущности как внутреннего. Формы процесса, понятого в единстве внешнего и внутреннего, есть внешняя видимость атрибута, вид, способ атрибутивного существования. Или, иначе говоря, такие формы есть модусы.

В. Действительность

Действительность есть единство сущности и явления, взятых в их целостности. Причем весьма важно иметь в виду, что явление не просто непосредственное, бытие, но непосредственность, опосредованная сущностью. Поэтому действительность представляет собой единство сущности и непосредственности, опосредованной сущностью. Действительность есть, следовательно, отрицание отрицания, а не просто все непосредственно данное. Непосредственность, опосредованная сущностью, в единстве с сущностью есть некоторая действительность. С у щ н о с т ь в единстве с непосредственностью, опосредованной сущностью, есть в о з м о ж н о с т ь этой действительности. Е д и н с т в о, с о о т н о ш е н и е сущности с непосредственностью, опосредованной сущностью, есть н е о б х о д и м о с т ь и л и с л у ч а й н о с т ь. Действи-

тельность товаров есть единство стоимости самой по себе с проявлениями стоимости, т. е. процесс обмена. Потребительные стоимости в качестве воплощения стоимости в процессе обмена, т. е. как момент обмена, есть действительность стоимости. Стоимость как таковая существует и до обмена, но лишь в связи с обменом, в связи с предстоящим процессом проявления в потребительной стоимости. Стоимость до ее реализации в обмене есть возможность. Соотношение возможной, стоимости со стоимостью, проявившейся в потребительных стоимостях, т. е. с действительной стоимостью, есть необходимость или случайность.

Гегель останавливается прежде всего на случайности или формальной действительности, формальной возможности и формальной необходимости, затем он развивает свои воззрения на относительную необходимость или реальную действительность, реальную возможность и реальную необходимость и заканчивает характеристикой абсолютной необходимости. Последовательность мысли К. Маркса в изложении развертывания противоречия процесса обмена, т. е. в изображении форм проявления процесса, его модусов в чисто логическом аспекте та же самая, что и в логике Гегеля. Мы уже отмечали кратко эту последовательность, рассмотрим ее теперь ближе.

1) Случайность или формальная действительность, формальная возможность и формальная необходимость

Непосредственный обмен продуктов есть и обмен товаров и обмен не товара, а только продукта потребления на другой продукт потребления. Потребительная стоимость есть в таком обмене и всего лишь потребительная стоимость, и выражение, стоимости. Стоимости до непосредственного обмена нет, она возникает в непосредственном обмене. Поскольку потребительная стоимость в непосредственном обмене играет роль воплощения стоимости, постольку она содержит в себе стоимость и возможность стоимости. Но возможность стоимости Имеется исключительно в форме проявления (в самом обмене, а не до него); Различие. между формой прояв-

ления и сущностью, а также их существование мимолетно, случайно. Действительность есть лишь форма проявления, но не сущность как целостность, имеющаяся до формы проявления. Действительность есть только непосредственность и в непосредственности, поэтому действительность формальна. Поскольку действительность есть единство внутреннего и внешнего лишь в форме проявления, и поскольку действительность не существует до формы проявления, то внутреннее имеется как возможность, имеющая место только в форме проявления, т. е. формальная возможность (стоимость в непосредственном обмене возможна именно таким образом). Формально возможно, следовательно, исключительно то, что действительно. Сущность только возможна и только действительна. Сущность как возможность и сущность как действительность существует исключительно в форме проявления и различается формально. По сути дела возможность и действительность сущности тождественны.

Возможность стоимости в непосредственном обмене есть то же самое, что действительность стоимости, но действительная стоимость в отрицательном значении, «по которому возможность есть нечто недостаточное, указывает на некоторое другое, на действительность, и восполняет себя в ней»⁹². Наличие стоимости в непосредственном обмене обуславливает возможность вступления товара в отношение со всеми другими товарами. Но это пока лишь возможность, ибо фактически обменивается только один товар на один же другой товар. Следовательно, обмен товара на всякий другой товар еще невозможен, т. е. возможность стоимости есть ее невозможность. Возможность абстрактна, нереальна. Стоимость невозможна, ибо в непосредственном обмене имеется только строго определенное отношение: x товара $A \equiv y$ товара B . И все же, поскольку это есть одновременно стоимостное отношение, то в нем заключено также другое содержание: x товара $A \equiv z$ товара C и т.д. Кроме того, если стоимостное отношение x товара $A = y$ товара B всего только возможно, то возможно и противоположное содержание: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B . Отсюда видно, что возмож-

---

⁹² Гегель. Соч., т. V, стр. 654.

ность есть противоречие и что она имеется лишь в качестве действительного отношения. Таким образом, формальная возможность сущности есть непосредственно действительность сущности, однако формальная возможность есть вместе с тем сущность в отрицательном значении, а именно возможная сущность, которая имеется в качестве простого отрицания действительной сущности. Сущность, будучи формальной возможностью, допускает возможность существования всего, что не противоречит ей. Но фактически сущность как формальная возможность имеется лишь в определенном содержании и невозможна в другом. Следовательно, сущность, будучи формальной возможностью, не допускает возможность всякого существования, не противоречащего ей. Поскольку сущность и допускает и не допускает всякое существование не противоречащее ей, постольку она, оставаясь формальной возможностью, есть противоречие. Помимо этого, если сущность лишь возможна, то возможно и ее отсутствие в отношении и до отношения. Но если эта возможность (стоимости в непосредственном обмене) есть, то тем самым она есть действительность. Если стоимость в непосредственном обмене только возможна, то когда она действительно е с т ь в непосредственном обмене, тогда она есть действительность, как возможная. Ибо имеется исключительно обмен одного товара на один другой товар и еще не развился обмен всякого товара на всякий другой; непосредственный обмен, с одной стороны, есть обмен товаров, а с другой — обмен только предметов потребления. Стоимость, когда она действительно есть в непосредственном обмене, является и уже стоимостью и еще не стоимостью, она есть действительность как возможная.

Итак, сущность в качестве формальной возможности лишь возможна. Поэтому сама действительность сущности оказывается лишь возможностью. Возможность и действительность непосредственно тождественны. Непосредственное тождество содержит непосредственно в себе простое непосредственное различие: возможность не есть Действительность в их непосредственном тождестве. Возможность непосредственно имеется в действительности в качестве простой, чистой возможности. Действительность есть непосредственная, формальная действитель-

ность, «которая есть лишь *бытие* или *существование* вообще»⁹³.

Единство формальной возможности и формальной (действительности есть случайность. Случайное (x товара $A=y$ товара B) есть действительное, но в то же время возможно бытие другого (в нашем случае x товара $A=2$ товара C и т. д.) и даже противоположного (x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B). Иначе говоря, другое определение случайности таково: случайное есть то, что могло быть, но могло и не быть; следовательно, оно было лишь возможностью, не заключая с необходимостью действительности внутри себя. Случайное — то, что могло и не стать действительностью. Если же случайное стало действительностью, то действительностью может быть я это содержание, и другое, противоположное, т. е. действительность имеется лишь как непосредственно тождественная возможности. Случайное, поскольку оно непосредственно действительно, не имеет основания. Случайное, поскольку оно есть действительность в качестве только некоторого возможного, имеет основание, ибо действительность с этой стороны не непосредственна. Формальная возможность и формальная действительность как единство непосредственных противоположностей и образует случайность. Единство, сливание этих непосредственных противоположностей есть необходимость. В самом деле, стоимость в непосредственном обмене есть случайность, момент необходимости здесь состоит в том, что стоимость есть одновременно одно и то же в непосредственном единстве ее возможности и действительности. Необходимое, будучи непосредственно действительным, не имеет основания, но, будучи действительным как возможным, необходимое имеет основание. Необходимое есть единство в отношении именно и только x товара $A=y$ товара B в непосредственном обмене. Это отношение вместе с тем необходимо не как непосредственное, а как имеющее стоимость, т. е. опосредованное. Стоимость же еще существует исключительно в обмене, значит только в качестве непосредственного единства возможности и действительности. Таким образом, необходимое есть, непосредственное необходимо, вместе с тем необходимость непо-

⁹³ Гегель. Соч., т. V, стр. 656.

средственности есть другое непосредственности. Следовательно, формальная необходимость противоречива.

2) Относительная необходимость или реальная действительность, реальная возможность и реальная необходимость

В непосредственном обмене стоимость возникает в обмене, не существуя до него. Следовательно, возможность стоимости (стоимость до обмена) и действительность стоимости (стоимость в обмене) не самостоятельны, а непосредственно едины. Моменты необходимости формальны, поэтому необходимость также формальна. В дальнейшем развитии обмена стоимость приобретает потенциальное существование уже до обмена, до отношения. Возможность и действительность стоимости получают известную самостоятельность по отношению друг к другу. Производство потребительной стоимости в количествах больших, чем необходимо непосредственному производителю для поддержания его существования, было первой предпосылкой отделения стоимости от потребительной стоимости. Постепенно обмен товаров становится регулярным и стоимостной характер продукта труда начинает учитываться в самом процессе производства. Отныне стоимость существует уже до обмена, до отношения товаров. Теперь в масштабах общества стоимость с необходимостью превращается из возможности в действительность (стоимость существует до отношения), Следовательно, в возможности стоимости до обмена, в процессе производства, с необходимостью заключается действительность стоимости. А действительность стоимости сама в себе уже не просто непосредственно есть возможность. Здесь возможность превращается в действительность. Стоимость, будучи действительностью, с необходимостью существует в обмене, но вместе с тем ее существование опосредовано тем, что до обмена она была необходимо возможной. Таким образом, непосредственное единство возможности и действительности раскалывается. Причем возможность уже внутри себя содержит действительность, сливаясь с ней, поэтому возможность с необходимостью превращается в Действительность. Действительность уже не есть непосредственно то, что есть возможность, а возможность

превращается в действительность и сливается с ней. Действительность и возможность в данном случае являются реальными. Реальная необходимость есть тождество возможности и действительности, но не непосредственное тождество, а тождество разделившихся возможности и действительности.

В непосредственном обмене стоимость была лишь возможна, а поэтому было возможно и противоположное стоимости — обмен предметов потребления (а не товаров). С отделением стоимости от потребительной стоимости обмен товаров есть только обмен товаров, он уже не может быть обменом лишь продуктов потребления. Если иметь в виду закономерную тенденцию, то возможность этого другого процесса исключена, поэтому стоимость возможна уже не формально, но реально. Возможность стоимости до обмена необходимо заключает для общества в целом обмен товаров и, следовательно, действительность стоимости. Выражая эти обстоятельства исключительно в логических категориях, следует сказать, что формальная возможность допускает возможность и себя и другого; реальная возможность, будучи самостоятельной по отношению к действительности, необходимо тождественна ей, допускает лишь возможность себя и исключает возможность своего другого, своей противоположности. Поэтому реальная возможность, превращаясь в реальную действительность, может превратиться лишь в себя, а не в другое. «Поэтому то, что реально возможно, не может уже быть другим, чем оно само; при таких-то условиях и обстоятельствах не может воспоследовать нечто другое»⁹⁴.

Следовательно, реальная возможность и реальная действительность имеют своим тождественным содержанием реальную необходимость и различаются по форме. Реальная действительность стоимости есть многообразие отношений различных товаров. Реальная действительность не есть просто непосредственное, она есть непосредственное многообразие как отношение сущности (стоимости) к самой себе. Реальная действительность не есть переход в другое и не есть явление, ибо явление есть отношение различных вещей друг к другу, здесь же

---

⁹⁴ Гегель. Соч., т. V, стр. 663.

речь идет об отношении сущности к самой себе через ее явления. Стоимость теперь существует до обмена. В обмене проявляется лишь стоимость. Обмен товаров при этом прежде всего предстает в многообразии отношений различных товаров друг к другу, в котором обнаруживается стоимость, потенциально существующая до обмена. Но необходимость превращения стоимости из реальной возможности в реальную действительность еще не есть тождество формы и содержания. В самом деле, товары еще не имеют всеобщей формы стоимости, т. е. всеобщности формы, а не только всеобщности содержания. Каждый товар выражается в бесчисленном ряде других товаров, отсутствует единая и единственная, всеобщая форма стоимости. Поэтому выражение стоимости отдельного товара есть, так сказать, его личное дело и в этом смысле случайно. Сказанное может быть обобщено в категории относительной необходимости. Реальная необходимость представляет собой тождество реальной возможности и реальной действительности по содержанию, но она еще не существует в единстве с формой, адекватной необходимости, т. е. во всеобщей форме. В этом смысле реальная необходимость относительна, имеет форму ограниченной, относительной действительности и есть, с такой точки зрения, случайное. Следовательно, реальная необходимость содержит в себе случайность. Найти форму проявления стоимости есть случайное, личное дело владельца данного товара, денежная же форма есть дело не отдельного товара, а всего товарного мира. Значит, превращение стоимости из возможности в действительность при наличии денежной формы необходимо не только по содержанию, но и по форме. Здесь денежная форма берется не в аспекте формы п р о я в л е н и я стоимости, речь идет, собственно, о стоимости в ее отношении к самой себе, форма проявления имеется в виду лишь постольку, поскольку она есть проявление с т о и м о с т и.

3) «А б с о л ю т н а я» н е о б х о д и м о с т ь

Реальная действительность реально необходима и в то же время случайна: реальная действительность не может быть иной по содержанию и может быть иной по форме. Товар может реализовать свою стоимость в бесконечно разнообразных товарах.

«Абсолютная» необходимость не может быть иной ни по форме, ни по содержанию. С установлением господства денежных отношений стоимость всякого товара превращается в действительность в общей всем товарам форме денег и не иначе. Деньги есть «абсолютная» действительность стоимости, ибо в них всеобщность стоимости получает всеобщее существование, бытие. Деньги рассматриваются здесь не как форма проявления стоимости, а с точки зрения развития самой стоимости. Стоимость берется в данном случае в отношении к самой себе через ее непосредственно-всеобщую форму проявления.

Термин «абсолютная» необходимость в марксистской логике обнаруживает свою ограниченность. Необходимое соотношение стоимости с самой собой в денежном ее выражении есть абсолютное в том смысле, что стоимость с развитием денежной формы достигла предела, завершения и что более совершенного проявления стоимости не может быть. Денежная форма — апогей прогрессивного развития форм проявления стоимости. Однако названное соотношение не вечно, существует при определенных исторических условиях и вне их исчезает, теряет свою необходимость. Поэтому вернее было бы указать, что имеется в виду а б с о л ю т н о-относительная необходимость. А реальную, относительную необходимость правильнее было бы называть о т н о с и т е л ь н о-абсолютной. Ради краткости мы будем употреблять термин Гегеля «абсолютная» необходимость, «абсолютная» действительность и т. д.

Если деньги — «абсолютная» действительность стоимости, то они есть единство действительности и возможности. Но это уже не непосредственное единство формальной возможности и формальной действительности. Оно также не первое отрицание этого непосредственного единства реальной возможности и реальной действительности. «Абсолютная» необходимость есть отрицание отрицания непосредственного единства формальной возможности и формальной действительности. А значит, «абсолютная» действительность есть якобы возвращение к исходному пункту: деньги есть форма проявления, в которой необходимость и случайность одно и то же, но не непосредственно, а как отрицание отрицания. Рассмотрим это подробнее. В самом деле, случайно то об-

стоятельство, что роль всеобщего эквивалента сростается с золотом или серебром. «...Золото и серебро по природе своей не деньги...»⁹⁵. Поэтому действительность денег может быть иной, т. е. действительность определяется вместе с тем в качестве возможной. В простой форме проявления стоимости также действительность была единством себя и возможности, некоторой случайной действительностью: стоимость, например, товара *A*, абстрактно говоря, возможно было бы выразить не только в товаре *B*, Но в «абсолютной» действительности и возможность не абстрактная, не формальная, а «абсолютная». Это — возможность «абсолютной» действительности, т. е. возможность денег, всеобщей действительности стоимости, быть иными. Деньги могут не быть золотом и серебром, но как «абсолютная» возможность деньги вместе с тем есть золото и серебро. «...Золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе—золото и серебро»⁹⁶. «...Форма денег есть лишь застывший на одном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров»⁹⁷. Стоимость в своей действительности есть общественное отношение всех товаров. Действительность стоимости и деньги тождественны друг другу. Поэтому в чисто логическом аспекте, с отмеченными выше поправками, верно следующее утверждение Гегеля: «Таким образом, *форма* в своей реализации пронизала собой все свои различия и сделала себя прозрачной и, как *абсолютная необходимость*, есть лишь это простое *тождество бытия с самим собой в своем отрицании* или в *сущности*. — Само различие между *содержанием* и *формой* ... исчезло...»⁹⁸.

Если реальная необходимость была отрицанием формальной необходимости, то «абсолютная» необходимость есть отрицание реальной необходимости, т. е. отрицание отрицания. Это отрицание отрицания есть вместе с тем якобы возвращение к исходному пункту. Денежная форма разрешения противоречия обмена есть отрицание развернутой формы или непосредственно-всеобщая форма. «Возвращение» к исходному пункту заключается в том, что, подобно простой форме разрешения противоречий

⁹⁵ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 99.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, стр. 100.

⁹⁸ Гегель. Соч., т. V, стр. 666.

обмена, в денежной форме стоимость выражается в потребительной стоимости одного товара (золота или серебра). Это уже не непосредственная форма и не всеобщая, а непосредственно-всеобщая форма сущности. «Абсолютная» необходимость, следовательно, есть и бытие и сущность одновременно в одном и том же отношении. Или «абсолютная» необходимость есть непосредственность, которая есть всеобщность, сущность. Различия внутри денег стоимости и непосредственны, взаимно самостоятельны, и «абсолютно» тождественны, соотносительны.

Деньги — законченная форма разрешения противоречий товарного обмена. Субстанция стоимости в отвлечении от формы проявления стоимости выражает лишь свою отрицательную природу. Положительная природа субстанции стоимости полностью обнаруживается в деньгах. В деньгах субстанция стоимости дана непосредственно-всеобщее. Труд, производящий золото, есть особый труд, и вместе с тем непосредственно-всеобщий, ибо его продукты могут быть непосредственно обменены на продукты всякого другого труда. Всеобщностью этот труд обладает потому, что он включает в себе «абсолютное» отрицание себя как этого особенного труда. Таким образом, положительная природа субстанции есть тождество в сущности, во всеобщности, бытия с самим - собой в «абсолютном» отрицании бытия.

§ 12. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛА. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕНЕГ

В первой главе «Капитала» непосредственно-всеобщая форма проявления сущности была зафиксирована, во-первых, как проявление сущности, и, во-вторых, как законченная форма проявления в связи с другими, менее развитыми формами проявления той же сущности. Формы процесса в целом еще не рассматривались. Во второй главе «Капитала» предметом исследования становится процесс в единстве его различных компонентов и отношений. Тогда непосредственно-всеобщая форма проявления сущности выступает в качестве законченной формы разрешения противоречий процесса в целом по отношению к другим формам разрешения противоречий процесса. В третьей главе Маркс воспроизводит «меха-

низм», действие, функции законченной формы разрешения противоречий процесса.

Первая функция непосредственно-всеобщей формы проявления сущности в разрешении, противоречий процесса заключается в том, что она служит непосредственно-всеобщей вещью в процессе, материалом для выражения сущности. «Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. для того чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей...»⁹⁹.

Непосредственно-всеобщая форма проявления сущности фиксируется уже не в спокойном существовании и не сама по себе, а в качестве функционирующей, действующей в процессе. Быть непосредственно-всеобщей формой проявления сущности в процессе оказывается первым действием непосредственно-всеобщей вещи.

Выражение сущности простой вещи в непосредственно-всеобщей вещи есть непосредственно-всеобщая форма простой вещи. «Выражение стоимости товара в золоте: x товара $A = y$ денежного товара, есть денежная форма товара, или его цена»¹⁰⁰. Непосредственно-всеобщая форма простой вещи (выражение стоимости в золоте), подобно всякой другой форме сущности вещей, до отношения вещей существует лишь потенциально. В данном случае имеется в виду, что процесс, в котором вещи вступают в отношения, уже совершался и получил свою законченную форму. Следовательно, потенция с необходимостью превратится в действительность, поскольку процесс будет совершаться и в дальнейшем. Цена, или денежная форма товара, до обмена имеется только в возможности. Так как обмен товаров стал необходимостью, то для общества в целом цена товаров с необходимостью реализуется в золоте. Всякий данный процесс обмена товаров на деньги предполагается здесь постольку, поскольку он совершается тогда, когда обмен товаров на деньги стал «абсолютной» необходимостью, т. е. когда денежные отношения стали господствующими,

⁹⁹ К.. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 104.

¹⁰⁰ Там же, стр. 105.

всеобщими общественными отношениями, и, следовательно, возможность денежной формы товара уже превращалась с «абсолютной» необходимостью в действительность до данного процесса обмена товаров в других процессах обмена. Поэтому возможность обмена товаров на деньги уже заключает в себе «абсолютную» необходимость их действительного обмена. Таким образом, непосредственно-всеобщая форма простой вещи до действительного отношения вещей существует в возможности. Но если это отношение ранее совершалось и стало «абсолютной» необходимостью, то названная возможность в себе содержит свою действительность, являясь действительностью. Возможность в себе заключает свое собственное отрицание, она оказывается и самой собой и своим отрицанием. При этом непосредственно-всеобщая вещь еще не имеется действительно в своей непосредственной вещности (в золоте). Придать товарам форму цены, т. е. представляемого золота, еще не значит превратить их в настоящее золото.

Внутреннее количество выражается в определенном внешнем количестве непосредственно-всеобщей вещи. Величина стоимости товаров выражается в известных количествах золота. Непосредственно-всеобщая вещь, с одной стороны, функционирует в качестве меры, измеряющей величину сущности, а с другой стороны, она имеет масштаб как непосредственно-всеобщая вещь. Золото есть и мера стоимостей, и оно же имеет масштаб, как определенное количество металла. Определенное внутреннее количество простой вещи (величина стоимости какого-либо товара) воплощается в определенном количестве непосредственно-всеобщей формы простой вещи (в цене). Одна и та же величина внутреннего количества данной вещи может выражаться в разных величинах количества непосредственно-всеобщей вещи в зависимости от условий, при которых осуществляется это выражение. Следовательно, имеет место количественное несовпадение внутреннего количества простой вещи с количеством непосредственно-всеобщей формы простой вещи. Внутреннее количество самостоятельных вещей осуществляется в количестве непосредственно-всеобщей формы простой вещи через постоянные отклонения от него как закон средних чисел. Такого количественного несовпадения величины стоимости и цены.

Более того. Непосредственно-всеобщая форма простой вещи (цена) может вообще не выражать сущность (стоимость), хотя как непосредственно-в себе о б щ а я форма простой вещи, она есть лишь выражение сущности. «...вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены,—например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не о вещественен человеческий труд,— может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него»¹⁰¹. Следовательно, возможно не только количественное несовпадение, но и качественное противоречие: нечто может обладать непосредственно-всеобщей формой проявления сущности, не имея сущности. Напротив, мнимая форма проявления сущности выражает действительную сущность.

• • •

Процесс (обмена) содержит в себе противоречия. Развитие процесса не уничтожает противоречий, «но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается»¹⁰². Следовательно, существование собственно противоречия есть его разрешение. Не разрешающееся противоречие не существует. Разрешение противоречия и есть его существование. Разрешенное противоречие не есть действительное противоречие, оно не существует. Собственно противоречие существует лишь в движении, в изменении, в процессе. Остановка движения, изменения процесса уничтожает противоречие. Рассмотрение неизменного предмета, результата, а не процесса не позволяет обнаружить собственно противоречие.

¹⁰¹ К. М а р к с и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 112.

¹⁰² Там же, стр. 113—114.

В процессе, мы имеем в виду процесс, совершающийся с совокупностью самостоятельных вещей одной сущности, происходит превращение форм сущности. Вещи вступают в процесс совершенно непривилегированными. Процесс создает раздвоение вещи на простую вещь и непосредственно-всеобщую. Внутренняя противоположность непосредственности и сущности вещи (потребительной стоимости и стоимости товара) проявляется во внешней противоположности простой вещи (товара) и непосредственно-всеобщей вещи (денег). Во внешней противоположности простые вещи в качестве непосредственностей противостоят непосредственно-всеобщей вещи как сущности (стоимости). Вместе с тем каждая из этих противостоящих вещей есть в себе единство непосредственности и сущности. «Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение»¹⁰³. Простая вещь в действительности есть непосредственность (товар противостоит в обмене деньгам как потребительная стоимость) и в действительной возможности она выражается в непосредственно-всеобщей вещи (товар действительно может быть обменен на деньги). Непосредственно-всеобщая вещь в действительности есть лишь воплощение сущности в определенном материале (деньги есть кристаллизация стоимости в определенном материале). Ее непосредственность проявляется лишь в в о з м о ж н о с т и ряда относительных выражений сущности в противостоящих непосредственно-всеобщей вещи простых вещах. В самом деле. До совершения процесса обмена на деньги товар реально представляет собой потребительную стоимость, идеально—стоимость; деньги, наоборот, реально есть только материализация стоимости, идеально же—потребительная стоимость. «Эти противоположные формы товаров представляют собой действительные формы их движения в процессе обмена»¹⁰⁴. Итак, на одном полюсе одна из противоположностей действительна, на другом полюсе она возможна; вторая противоположность на первом полюсе возможна, а на другом действительна. Полюсами служат вещи в их отношении друг

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 114—115.

¹⁰⁴ Там же, стр. 115.

к другу противоположностями—непосредственность и сущность. Это и есть формы движения вещей в процессе.

Маркс далее рассматривает определенный отдельный процесс обмена. Посмотрим же, каким образом совершается отдельный процесс. «Процесс обмена товара осуществляется... в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар»¹⁰⁵. С точки зрения товаровладельца, здесь имеется продажа, купля и их единство—продажа ради купли. Мы видим, что первая противоположность первого полюса в первой метаморфозе (товар—деньги) превращается из действительности в возможность, другая же противоположность первого полюса — из возможности в действительность. Во второй метаморфозе (деньги—товар), наоборот, первая противоположность превращается из возможности в действительность, а другая противоположность переходит из действительности в возможность. До процесса непосредственность вещи еще не реализована, не опосредована, лишь выйдя из процесса, непосредственность оказывается опосредованной непосредственностью. Вторым полюсом является непосредственно-всеобщая вещь. Она также проходит две, противоположные метаморфозы и возвращается к исходному пункту. Один и тот же полюс есть одновременно, с одной стороны, этот полюс, а с другой стороны, противоположный: «...превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар»¹⁰⁶ (разрядка моя.—В. В.). В процессе обе эти стороны сливаются друг с другом в своем различии. Выступает собственно противоречие. Изучение «механизма» действия процесса обнаруживает, что этот процесс служит лишь одним из звеньев, узлов более широкого процесса. В самом деле. Исследование К. Марксом метаморфоз процесса Т—Д—Т показывает, что первая метаморфоза этого кругооборота есть последняя метаморфоза какого-то другого кругооборота товаров, а последняя метаморфоза данного кругооборота есть первая метаморфоза какого-то иного кругооборота. «Таким образом, кругооборот, описываемый рядом метаморфозов каждого то-

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 115.

¹⁰⁶ Там же, стр. 118.

вара, неразрывно оплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собой обращение товаров»¹⁰⁷. Следовательно, Маркс начал с изображения отдельного компонента и его факторов, перешел к изучению отношения компонентов, затем представил целостность компонентов и отношений, противоречие процесса, и формы этих целостностей в сравнении друг с другом; после чего перешел к воссозданию «механизма», функционирования законченной формы разрешения противоречия этого процесса. Именно исследование «механизма» позволило вскрыть, что эта целостность есть лишь звено, узел в пределах более широкого процесса, что она неразрывна, едина с другими звеньями, узлами более широкого процесса.

Обнаружив е д и н с т в о менее широкого процесса с более широким, поняв, что первый входит во второй в качестве звена, К. Маркс раскрывает с у щ е с т в е н н о е отличие процесса-целого от процесса-звена, взятого в его зародышевой форме и вне единства с процессом-целым. «Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами»¹⁰⁸. Речь идет не об обмене т о в а р о в, а об обмене п р о д у к т о в. Обмен же товаров от товарного обращения отличается только по форме, а не по существу. Иначе говоря, процесс-звено в его единстве с процессом-целым отличается от последнего не по существу, а по форме. Если для упомянутой зародышевой формы характерна непосредственная связь компонентов, то для процесса-целого—опосредованная связь. В процессе-целом компонент зависит не только от непосредственно с ним связанных компонентов, но также от других компонентов целого. В процессе-целом, существовавшая в зародышевой форме непосредственная тождественность противоположностей расчленяется на самостоятельные, друг друга дополняющие процессы. Непосредственный обмен раздваивается на куплю и продажу. «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противополож-

¹⁰⁷ К. Маркс и ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 1%

¹⁰⁸ Там же.

костей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса»¹⁰⁶.

В функции меры стоимости деньги выполняют свою роль в качестве идеальных денег, т. е. как действительно возможных. Метаморфоза товаров есть смена форм в процессе. В обращении денег функция (денег как средства обращения) становится самостоятельной по отношению к функционирующему материалу (золоту). Поэтому выполнять ту же самую функцию может знак материала или другой материал. «Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма»¹¹⁰. «Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами»¹¹¹. Следовательно, знаки, символы возникают тогда, когда функционирующий материал играет роль лишь посредника, мимолетного средства замещения. В этом случае функция обособляется от функционирующего материала, природа материала и сам материал оказываются не имеющими значения для осуществления функции.

Итак, ход мысли таков: от рассмотрения функционирования непосредственно-всеобщей (вещи а качестве действительной возможности к характеристике превращения, точнее смены форм движения процесса, затем к воссозданию функции как средства смены форм движения, к изображению той же функции в ее известной обособленности по отношению к материалу и после этого к рассмотрению действия функции совершенно обособленной от этого материала и в связи с другим материалом и символом материала.

В функции денег как меры стоимости речь шла о функционировании действительной возможности, в функции денег как средства обращения — о функционировании возможной действительности (золото функционирует или непосредственно или через заместителей). Завер-

¹⁰⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 124.

¹¹⁰ Там же, стр. 135.

¹¹¹ Там же, стр. 136.

шающая функция — функционирование денег как денег, т. е. функционирование единства, тождества действительной возможности и возможной действительности. Это есть действительная возможность, ставшая действительностью и оставшаяся действительной возможностью лишь в качестве момента названного единства. Это есть действительность, не постольку, поскольку она — возможная действительность, а в качестве действительной действительности. В самом деле. Деньги свою функцию в качестве собственно денег исполняют будучи одновременно и мерой стоимости, и средством обращения. Деньги здесь не есть ч и с т о идеальное, действительно возможное, как в мере стоимости; деньги как деньги должны иметься в виде золота и не могут быть замещены другим материалом или символами, между тем золото в функции средства обращения может быть заменено его заместителями. Таким образом, деньги есть единство действительной возможности и возможной действительности, т. е. действительная действительность.

Функция денег как денег в свою очередь подразделяется К. Марксом на три функции: образование сокровищ, средство платежа, всемирные деньги. Сокровище— это окаменевшее, застывшее, неподвижное н е п о с р е д с т в е н н о е единство возможной действительности и действительной возможности, количественно определенный кристалл единства, взятый в известном обособлении, но не в полном отрыве от процесса, в котором отмеченное единство находится в движении. Так, деньги в качестве сокровища неподвижны и находятся вне процесса обращения товаров. Однако сокровище является функцией денег лишь при условии, что существует товарное производство, товарное и денежное обращение. Деньги в качестве средства платежа есть первое отрицание непосредственного единства возможной действительности и действительной возможности, а именно единство единства возможной действительности и действительной возможности и непосредственного отрицания этого единства. «Функция денег как средства платежа включает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не

как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар»¹¹². Иначе говоря, е д и н с т в о функции действительной возможности и возможной действительности, единство, в котором обе стороны существуют не отдельно друг от друга, не в «чистом» виде, а в качестве «снятых» моментов, есть в то же время чистая возможная действительность и чистая действительная возможность. Это непосредственное противоречие обнаруживается особенно при нарушениях хода процесса, когда деньги выступают только как деньги, как «абсолютный товар», т. е. только как единство действительной возможности и возможной действительности. В с е м и р н ы е д е н ь г и. «Только на мировом рынке, деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию»¹¹³. Таким образом, в последней функции функционирование адекватно сущности того, что функционирует. Здесь для осуществления функции необходим уже строго определенный материал. Последний уже не может быть заменен другим материалом или символом. Деньги в функции всемирных денег объединяют все функции денег, присущие им в качестве непосредственно-всеобщего товара. Всемирные деньги представляют собой отрицание отрицания непосредственного единства возможной действительности и действительной возможности.

А. Субстанциональное отношение

Выше мы рассматривали одну функцию денег за другой, пока следование за развитием мысли К. Маркса в «Капитале» не привело к познанию их единства. Теперь необходимо пройти путь как бы в обратном направлении: не от отдельных функций к их единству, а к пониманию функции денег на основе познанного единства, целостности денег. Деньги, поскольку в них и через них видна вся стоимость, тождественны кристал-

¹¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 149.

¹¹³ Там же, стр. 153.

лизированной субстанции. Деньги есть всеобщее бытие стоимости, т.е. бытие, бесконечно тождественное сущности. «Это тождество бытия в его отрицания с самим, собой есть субстанция. Оно есть это единство как в его отрицании или как в случайности; таким образом, оно есть субстанция как отношение к себе самому»¹¹⁴. Деньги и есть «тождество бытия в отрицании с самим собой», бесконечно тождественное себе бытие, утвердительно-бесконечное, всеобщее воплощение стоимости. Но деньги и не есть стоимость, ибо они представляют собой воплощение, проявление стоимости, т.е. деньги есть отрицание стоимости. Это тождество бытия в отрицании случайно в том смысле, что в деньгах измеряются всегда стоимости тех или иных конечных частей товарного мира, но не весь бесконечный товарный мир. Другими словами стоимость воплощается всегда в конечных количествах денег. Деньги в качестве всеобщего проявления стоимости относятся к денежным выражениям отдельных товаров как кристаллизованная субстанция к своим проявлениям. Субстанция относится к самой себе в ее всеобщем бытии, в деньгах. Отношение стоимости к деньгам в их функции меры стоимости есть субстанциональное отношение. При этом сама функция меры стоимости рассматривается на основе уже познанных функций денег.

Субстанция стоимости относится к самой себе в ряде денежных выражений стоимостей товаров, или в ценах этих товаров. Во всех этих проявлениях стоимость остается тождественной себе, различия в стоимости есть они сами и их тождество. Различия и тождество есть одно и то же — деньги как мера стоимости.

Субстанция стоимости обнаруживает свою положительную природу только в непосредственно-всеобщей форме проявления стоимости. Тождество стоимости и непосредственно-всеобщей формы проявления стоимости есть положительная природа субстанции стоимости. Это тождество есть «абсолютная необходимость» в том смысле, что положительная природа субстанции стоимости нашла здесь завершённое проявление.

«Абсолютная» необходимость есть завершённое, т.е. «абсолютное» отношение стоимости и формы проявления

---

¹¹⁴ Гегель. Соч., т. V, стр. 669.

стоимости. Как завершённое единство стоимости и форм проявления, кристаллизованная субстанция стоимости есть во всякой потребительной стоимости, включённой в товарное обращение. Кристаллизованная субстанция, стоимость, не есть ни просто непосредственное, ни нечто находящееся за явлениями, а есть единство того и другого. Проявления стоимости и стоимость «светятся» друг в друге. К. Маркс рассматривает субстанцию стоимости в первом отделе первого тома «Капитала» исключительно постольку, поскольку она кристаллизуется в стоимости, т. е. с точки зрения результата, а не процесса действия субстанции. Выше мы уже отмечали причины этого обстоятельства и значение его для характеристики принципиального отличия логики К. Маркса от логики Гегеля. Положительная природа кристаллизованной субстанции, стоимости, ее бытие есть это «свечение», соотношение с самой собой. Деньги, рассмотренные в единстве всех функций, со стороны функции меры стоимости в их (денег) тождественности со стоимостью, есть видимость, которая является свечением целостности, положительной природы стоимости. Эта видимость есть а к ц и д е н т а л ь н о с т ь. Если просто видимость выступала уже раньше, то видимость как акцидентальная есть видимость стоимости как целостности всего процесса обмена, когда последний достиг его наиболее развитой, денежной формы. Положительно и полно проявившаяся природа кристаллизованной субстанции в данном случае есть обращение товаров, совершающееся посредством денег. Акциденции есть проявления уже не стоимости отдельных товаров, а проявления стоимости, взятые на фоне всего товарного обращения в целом. Кристаллизация субстанции не есть ни чисто непосредственное, ни нечто, стоящее только позади явлений, она есть единство того и другого. Проявления сущности и сущность «светятся» друг в друге. Бытие кристаллизованной субстанции, кристаллизованная субстанция как таковая есть «свечение» сущности в формах проявления и форм проявления в сущности, в «свечении» кристаллизованная субстанция соотносится сама с собой. Видимость, «светящаяся» всеобщностью, целостностью, или «*светящаяся видимостью тотальность...*»¹¹⁵ есть акцидентальность.

¹¹⁵ Гегель. Соч., т. V, стр. 671.

Гегель полагает, на наш взгляд, совершенно правильно, что в чисто логическом плане субстанция как простое тождество вне смены акциденций представляется лишь неопределенным тождеством, возможностью, она «есть лишенная формы субстанция представивания, для которого видимость определилась не как видимость а которое крепко держится, как за некоторое абсолютное, за такое неопределенное тождество, которое не имеет истинности и представляет собою лишь определенность непосредственной действительности или также в-себе-бытия или возможности...»,¹¹⁶. По сути дела этим схвачено главное в определении отрицательной природы субстанции. В «Капитале» отрицательная природа субстанции стоимости обсуждается в первой главе до изложения учения о формах стоимости. Кристаллизованная субстанция, стоимость, помимо простого тождества есть также смена акциденций. Акциденции в кристаллизованной субстанции выплывают из возможности в действительность и превращаются из действительности в возможность. Каждая из акциденций есть непосредственно кристаллизованная субстанция. Стоимость любого товара есть непосредственно стоимость. В функции денег как меры стоимости, если она понята на фоне всех уже познанных функций денег в их целостности, обнаруживается «свечение», кристаллизованной субстанции, стоимости, в своих акциденциях, в денежных выражениях стоимостей товаров. Но денежные выражения стоимостей товаров пока еще идеальны, т. е. акциденции еще не действительны.

В. Отношение причинности

Кристаллизованная субстанция, превращаясь из возможности в действительность, становится причиной, а ее акциденции — действиями.

1) Формальная причинность

В качестве формальной причинности выступают деньги как мера стоимостей. Стоимость есть то, что вызывает к жизни функцию денег как меры стоимостей. Стоимость есть причина, вызванная функция денег—

¹¹⁶ Гегель. Соч., т. V, стр. 672.

действие. Стоимость существует до этой функции и вообще до отношения товаров. «Причина есть нечто *первоначальное* по сравнению с действием»¹¹⁷. Действие есть действительность акциденции. Причина—субстанция, порождающая действительность акциденций. Причина (при рассмотрении бытия предмета речь идет о кристаллизованной субстанции) обнаруживается в действии. Кристаллизованная субстанция порождает отношения товаров и в этих отношениях возвращается к самой себе, определяя себя. Только в действительном обращении товаров кристаллизованная субстанция становится действительностью. «...Лишь как причина субстанция обладает впервые *действительностью*»¹¹⁸. В обращении товаров кристаллизованная субстанция имеется исключительно в действиях. Следовательно, кристаллизованная субстанция как причина имеет действительность лишь в действиях. Вместе с тем причина есть первоначальное по отношению к действию, действие опосредовано причиной. Поскольку действия кристаллизованной субстанции необходимо есть именно ее действия, постольку действие тождественно причине, и причина, полагая действие, возвращается к самой себе. В функции меры стоимостей золото (или серебро) выступает чисто идеально. Стоимость порождает здесь функцию, но вместе с тем они еще тождественны друг другу. Следовательно, причина порождает действие и, однако, причина и действие одно и то же. «*Действие поэтому не содержит в себе вообще ничего такого, чего не содержит в себе причина. И обратно, причина не содержит в себе ничего такого, чего нет в ее действии*»¹¹⁹. Причина есть то, что порождает действие, действие — то, что порождается причиной. Не действующая, не порождающая действия причина не есть причина; действие до или после действующей причины не есть действие. Следовательно, причина и действие тождественны. «В этом *тождестве* причины и действия снята теперь та форма, через которую они различаются между собою как в-себе-сущее и как положенное»¹²⁰. в самом деле, в функции меры стоимости «снято» различие между функцией стоимости и действительностью самой стоимости.

¹¹⁷ Гегель. Соч., т. V, стр. 675.

¹¹⁸ Там же, стр. 676.

¹¹⁹ Там же, стр. 677.

¹²⁰ Там же.

2) Определенное отношение причинности

В функции денег как средства обращения обнаруживается определенное отношение причинности. Отношение причины и действия невозможно без их тождества. Однако если они только тождественны, то исчезает само отношение причины и действия. Функционирование денег в качестве средства обращения, с одной стороны, обнаруживает тождественность причины и действия друг другу: стоимость реализуется в действительном материале — золоте, серебре, или реально существующих их заменителях. Стоимость превращается, существует в смене метаморфоз товаров. С другой стороны, стоимость реализуется в разном материале. Следовательно, причина вызывает действие, имеющее иное содержание, другой материал. Средством обращения может служить и золотой серебро и их представители (например, бумажные деньги). Материал отделяется от функции. Функция действует в различном материале. Таким образом, причина оказывается внешне, случайно связанной с материалом действия. Рассматривая первую функцию, мы наблюдали тождество причины и действия. Изучая вторую функцию, можно обнаружить, что она, с одной стороны, предполагает тождество причины и действия, а с другой стороны, есть внешняя связь причины и действия, их безразличие друг к другу. Особый материал действия равнодушен к причине, так же как и причина к нему. Проследим это отношение причинности в смене формы товара на форму денег и формы денег на форму товаров. Товар в одном случае—причина, в другом—действие, то же самое справедливо и относительно денег. То товар продается, и потому к владельцу товара притекают деньги, то товар покупается и, следовательно, к владельцу денег поступает товар. Иными словами, то отчуждение товара — причина притока денег, а притекающие деньги—действие отчуждения товара; то отчуждение денег—причина поступления товара, а поступающий товар—действие отчуждения денег. Но здесь происходит лишь смена форм, а содержание — величина стоимости — остается одной и той же и в товаре и в эквивалентном количестве денег. Следовательно, во внешних различиях одно и то же содержание повторяется дважды: то как

причина, то как действие. И так, в реальном отношении причинности одна я та же вещь—то причина, то действие. Содержание и причине и действию одно и то же и лишь повторяется дважды.

Потребительная стоимость товара связана внешне в одном случае с причиной, в другом случае с действием. Материал, в котором существуют деньги, также связан внешне в одном случае с действием, в другом случае: с причиной. Это, так сказать, формальное, внешнее содержание есть поэтому непосредственное существование. Товар, как и деньги, имеет содержание, внешнее к их стоимостному отношению в процессе. «Это есть поэтому некоторая вещь, имеющая многообразные определения своего наличного бытия и между прочим также и то определение, что она в каком-нибудь отношении есть причина или также и действие»¹²¹. Товар в отличие от денег и деньги в отличие от товара по отношению к их стоимостному существованию в процессе обращения есть с у б с т р а т. Субстрат есть устойчивое наличие вещи, играющей роль причины или действия. Поскольку же вещь есть причина или действие, она образует собой субстанцию. Субстрат, во-первых, есть непосредственно действительное, т. е. положенное непосредственное. Так, субстрат товара есть потребительная стоимость, т. е. непосредственное, но потребительная стоимость, взятая лишь в связи с обращением товаров. Это значит, что потребительная стоимость определяется не вообще, а постольку, поскольку она опосредована действительностью, товарным обращением. Во-вторых, причинность внешня субстрату. «Поскольку же он есть причинная субстанция, его причинность состоит в том, что он соотносится отрицательно с собой и, следовательно, со своей положенностью и с внешней причинностью»¹²². Описанные черты реальной причинности заключаются в метаморфозе товаров¹²³.

Затем Маркс излагает обращение денег. Здесь обнаруживается новая черта определенной причинности. Деньги, обмениваемые на товар *A*, выступают в качестве причины. Деньги после этого не исчезают из обращения.

¹²¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 682.

¹²² Там же.

¹²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, гл. III, § 2, а.

В обмене товара *B* на эти же деньги они являются действием, а товар *B* — причиной. В обмене тех же денег на товар *C* они снова становятся причиной. Поскольку деньги функционируют в качестве средства обращения, они движутся непрерывно. Происходит бесконечное движение от действия к причине, от причины к действию и т. д. То, что было причиной, становится действием, затем снова причиной, снова действием и т. д. Поскольку купля есть одновременно продажа, то деньги представляют собой одновременно и причину и действие. Но причина и действие, если их изучать в качестве покоящихся, тождественны в разных отношениях: купля есть купля со стороны владельца денег и продажа для владельца товара. В самом движении, в процессе обращения товаров купля есть продажа одновременно в одном и том же отношении. А значит, нечто есть одновременно в одном и том же отношении и причина и действие. Итак, в определенной причинности причина и действие тождественны, содержание вещи, в каком-то отношении служащей причиной или действием, внешне этому отношению. Поэтому это содержание оказывается безразличным причинности и может изменяться, хотя причинность остается той же самой. Например, из функции денег *как* средства обращения возникают знаки денег, символические деньги. Отсюда следует, что именно при изучении определенной причинности можно пренебречь субстратом, заменив его символом. Поэтому символическая логика, на наш взгляд, есть логика не формальной причинности, а определенной причинности.

3) П о л н а я п р и ч и н н о с т ь

Мы видели, что при рассмотрении функции денег как средства обращения с точки зрения логики на первый план выступила определенная причинность. В определенной причинности причина и действие тождественны друг другу. Вместе с тем причина и действие находятся во внешнем содержании разных вещей и только внешне относятся друг к другу. «...Хотя причина имеет действие и *вместе с тем сама есть действие*, а действие не только имеет некоторую причину, но и *само есть также и причина*, однако действие, которое *имеет* причину, и действие, *которое есть причина*, равны, а равным образом

разны между собой причина, *имеющая* действие, и причина, *которая есть действие»*¹²⁴.

Деньги в универсальной их функции—я качестве денег как денег — не есть чисто идеальны (как в мере стоимости) и вместе с тем не замещаемы своими представителями (как в средстве обращения). Следовательно, субстрат перестает быть безразличным к функции денег. В категориальном аспекте это означает следующее. Стоимость в своей действительности, в деньгах как деньгах не есть, с одной стороны, только причина, тождественная своему действию, а с другой стороны, исключительно причина внешняя, безразличная своему действию. Причина теперь и тождественна и одновременно не тождественна действию, действие и тождественно и одновременно не тождественно причине. Причина внутренне, необходимо связана и с тождественным ей и с отличным от нее содержанием действия.

С. Действие и противодействие. Взаимодействие

Кристаллизованная субстанция, стоимость, будучи причиной, полагает, порождает деньги как деньги, становясь совершенно адекватной им, и в этом смысле исчезая в них. Вместе с тем она в них сохраняется как причина денег. Деньги есть действие кристаллизованной субстанции, стоимости. В них кристаллизованная субстанция потухает и одновременно в том же отношении возникает как действующая и действительная кристаллизация субстанции. Деньги в своем завершенном способе существования, деньгах как деньгах, будучи действием, порождением кристаллизованной субстанции, стоимости, сами есть причина по отношению к кристаллизованной субстанции, стоимости. Именно благодаря деньгам как деньгам и в деньгах как деньгах кристаллизованная субстанция получает адекватный себе способ существования и завершает свое развитие. Следовательно, деньги как деньги «противодействуют». Действие само действует на свою причину, т. е. действие есть противодействие. Действие действует как причина на то, что является причиной этого действия. Таким образом, действие причины, Действуя на свою причину, оказывается противодей-

¹²⁴ Гегель. Соч., т. V, стр. 685—686.

ствием. Процесс Действия причины поворачивается обратно, действует сам на себя. Процесс порождения причиной действия с действием действия на свою причину есть взаимодействие. Иначе говоря, причина порождает тождественное себе и вместе с тем отличное от нее по содержанию действие. Действие действует на свою причину, становится причиной своей причины, порождая в свою очередь в своей причине тождественное себе и отличное от себя содержание.

К. Маркс а противоположность Гегелю выделяет во взаимодействии определяющую и определяемую стороны. Стоимость и деньги в обращении товаров взаимодействуют, но стоимость есть определяющая, а деньги определяемая сторона. В логике Гегеля отсутствует различие определяющей и определяемой сторон взаимодействия. И не случайно, Гегель не рассматривает логику исторически преходящего, исторически качественно определенного предмета, не видит развития как смены друг другом качественно определенных предметов. Такие вопросы впервые ставит и решает К. Маркс. Определяющая сторона исторически первична по отношению к определяемой, порождает последнюю. Однако до появления определяемой стороны определяющая, хотя и существует, но не в качестве определяющей. Стоимость до возникновения денег не есть определяющее по отношению к деньгам. Отец до возникновения сына не есть отец. Он есть отец лишь постольку, поскольку есть сын и вместе с тем отец существует до сына. Если же опустить факт исторического существования стоимости до денег, определяющей стороны до определяемой, то во взаимодействии обе стороны выступают как бы равно-правными. Следовательно, выделение определяющей и Определяемой стороны взаимодействия внутренне связано с трактовкой взаимодействия как исторически возникшего и исторически преходящего.